

Пространство памяти

№3-4 (7-8)

Историко-культурный
вестник
Северо-Запада

ТЕМА НОМЕРА

НЕГОСУДАРСТВЕННЫЕ МУЗЕИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Еще на этапе предварительного планирования, когда формировались темы выпусков журнала на текущий год, было понятно, что один из номеров будет посвящен негосударственным музеям Северо-Западного федерального округа.

В какой-то мере «полноценное» обращение к этой теме диктовалось редакционной политикой: с самого первого выпуска журнал публиковал материалы о деятельности негосударственных музеев на территории СЗФО, и было логично целиком посвятить данной теме очередной номер.

С другой стороны, это направление редакционной политики возникло не по прихоти и не из личных пристрастий сотрудников редакции; гражданские инициативы в сфере музейной деятельности и сохранения (а также восстановления) исторического наследия, прежде единичные и разрозненные, за последние несколько лет сделались заметным трендом социального развития, и для журнала, к числу задач которого относится популяризация подобных инициатив и проектов, было вполне естественно уделить такому явлению как негосударственные музеи самое пристальное внимание.

Если коротко, мы подступали к этой теме едва ли не с первого номера журнала – и наконец-то сумели представить и отразить ее так, как нам давно хотелось.

Текущий номер журнала является сдвоенным – в первую очередь,

вследствие обилия материала: было бы неправильно и неуважительно (по отношению к нашим авторам и читателям) заявлять тему номера и ограничиваться минимумом информации по этой теме.

Мы постарались отразить деятельность негосударственных музеев СЗФО максимально широко и во всем многообразии – географическом и тематическом.

С точки зрения географии и административно-территориального деления музеи, о которых рассказывается в текущем номере журнала, представляют 10 из 11 регионов Северо-Западного федерального округа: неохваченным, так сказать, остался только Ненецкий автономный округ, где, к сожалению, сведений о негосударственных музеях найти не удалось (не исключено, что мы искали недостаточно хорошо; в этом случае редакция заранее приносит извинения НАО и охотно опубликует материал о подобном музее из автономного округа в одном из следующих номеров).

С точки зрения направлений деятельности музеев мы выделили шесть категорий, по которым и распределили интервью и статьи (см. содержание номера).

Возможно, это разделение кому-то покажется не совсем корректным: например, стоило ли выделять военно-патриотические музеи из числа исторических? или насколько правомерно объединять в категорию исторических музеев научные, как музей Ледового побоища, и т. н. музеи живой истории, где история реконструируется

и воссоздается? или почему оказались обойдены вниманием многочисленные музеи домашних и диких животных, наподобие музея кошки (такие музеи, к слову, имеются почти во всех регионах СЗФО, причем обычно их сразу несколько – в нескольких населенных пунктах)?

О принципах, на которых строится наша операциональная классификация негосударственных музеев, о том, что вообще следует понимать под определением «музей», о проблемах и перспективах гражданской музейной деятельности рассказывается в статье, предваряющей «Музейную галерею» текущего номера.

Отдельный блок – пусть и не такой объемный, как хотелось бы, – составляют материалы, посвященные технологиям виртуализации музейного пространства. Мы сознаем, что эта тема весьма обширна и заслуживает подробного обсуждения, а не беглого взгляда, но обойти ее молчанием в номере, посвященном музейной деятельности, было бы неправильно, тем более что проекты виртуальных музеев сегодня появляются все чаще.

Прокомментировать гражданскую музейную деятельность мы попросили представителей государственных структур, а также профессионального музейного и научного сообществ.

Редакция искренне благодарит председателя Архангельского областного собрания депутатов **Е. В. Прокопьеву**, заведующего Центром музейной педагогики государственного Русского музея **Б. А. Столярова** и заведующую кафедрой музеологии и культурного

наследия СПбГИК **Е. Н. Мастеницу**. Их комментарии показывают, что гражданские музейные инициативы не остаются незамеченными.

Принципиально важно отметить то обстоятельство, что общественное движение по сохранению и увековечиванию исторической памяти через создание негосударственных музеев и реализацию краеведческих инициатив на территории СЗФО развивается усилиями энтузиастов, которые занимаются этой деятельностью не по обязанности, а по зову души.

Они за собственный счет опекают региональные достопримечательности, которые по каким-либо причинам остались без внимания государства, а также создают новые достопримечательности и иные музейно-краеведческие «центры притяжения», способствуя восстановлению исторической традиции и развитию туризма.

Эти люди действуют из убеждения в том, что сохранение исторической памяти во всем разнообразии ее форм – важнейшая социальная, гражданская задача, пренебрежение которой чревато утратой самой основы государственной и этнической идентичности.

Такая гражданская позиция и такое чувство гражданской ответственности позволяют рассматривать негосударственные музеи и краеведческие организации как полноценный и крайне важный институт гражданского общества на современном этапе его развития; поэтому содействие самоорганизации

непрофессиональной музейно-краеведческой среды СЗФО, стимулирование ее постепенной профессионализации через налаживание горизонтального и вертикального сотрудничества, популяризация деятельности негосударственных музеев и краеведческих организаций представляются задачей высокой социальной значимости, и журнал намерен и дальше освещать эту тему.

Приглашаем к сотрудничеству!
Электронный адрес редакции:
mag@patriacenter.ru.

Сайт: www.patriacenter.ru

Все номера журнала доступны для скачивания на сайте и на официальных страницах в социальных сетях:
<https://vk.com/ppseverozapad>
<https://www.facebook.com/ppmagsz/>

**ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ
ВЕСТНИК СЕВЕРО-ЗАПАДА**

№ 3-4 (7-8) / 2018

Издатель: АНО ИКЦ «ПАТРИЯ»
190020, СПб., наб. Обводного канала, 150
E-mail: mag@patriacenter.ru

Фотографии предоставлены авторами материалов

© Составление, АНО ИКЦ «Патрия», 2018
© Текст, фото, авторы, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

КИРИЛЛ КОРОЛЕВ. ВЕТРЫ ПЕРЕМЕН: ПРОБЛЕМАТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ	7
ЕКАТЕРИНА ПРОКОПЬЕВА. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВА С НЕГОСУДАРСТВЕННЫМИ МУЗЕЯМИ	14
МУЗЕЙНАЯ ГАЛЕРЕЯ	
ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКИЕ МУЗЕИ	
ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМ. А. Л. БОНДАРЕВА	19
ФОРТ РИФ	25
МУЗЕИ ТРАДИЦИОННОГО БЫТА	
МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ «ТОНЯ ТЕТРИНА»	33
КУПЕЧ МИТРЕЙ КЕРКА	40
МУЗЕЙ ДЕРЕВНИ ПСОЕДЬ	42
МУНИЦИПАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ	
МУЗЕЙ ДРУЖБЫ НАРОДОВ	47
МУЗЕИ ГОРОДСКОГО БЫТА	
МУЗЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕНИНГРАДА	53
МУЗЕЙ-КВАРТИРА «АЛЬТЕС-ХАУС»	57
ИСТОРИЧЕСКИЕ МУЗЕИ	
МУЗЕЙ ЛЕДОВОГО ПОБОИЦА	66
«ПАРАД ОЛОВЯННЫХ СОЛДАТИКОВ»	72
ДЕРЕВНЯ ЭПОХИ ВИКИНГОВ	78
РЕМЕСЛЕННЫЕ МУЗЕИ	
«ГАЛИНСКИЕ ПАРУСА»	87
МУЗЕЙ МАСТЕРОВ ШЕВЕЛЕВЫХ	90
«МЕДОВЫЙ ХУТОРОК»	96
МУЗЕЙ КУКОЛ	98

МУЗЕИ ХОББИ	
МУЗЕЙ ЧЕРЕПОВ И СКЕЛЕТОВ	103
ВОЛОГОДСКИЙ МУЗЕЙ ДЕТСТВА	107
МУЗЕЙ КИНО	111
ПРОЕКТ МУЗЕЯ	
МУЗЕЙ ГАНЗЫ	119
ВИРТУАЛИЗАЦИЯ МУЗЕЕВ	
АНАТОЛИЙ МИЛЮКОВ. ВИРТУАЛИЗАЦИЯ МУЗЕЕВ: ТЕНДЕНЦИЯ И ПРАКТИКА	123
МАРИНА МАТВЕЕВА. МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КРЕЙСЕРА «АВРОРА»	126
МУЗЕЙНАЯ СРЕДА	
ЕЛЕНА МАСТЕНИЦА. МУЗЕЙНАЯ ПРОФЕССИЯ: ВЫБОР? ДАР? ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ?	132
БОРИС СТОЛЯРОВ. «МНОГИЕ МУЗЕИ НАЧИНАЛИСЬ С ЧАСТНЫХ КОЛЛЕКЦИЙ»	136
АНАЛИТИКА	
ДИНАМИКА ПОИСКОВЫХ ЗАПРОСОВ	141
СТАТИСТИКА ПОКАЗА КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ	146
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЗАПРОСОВ	150
РЕЙТИНГ ПОПУЛЯРНОСТИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ СЗФО	154

КИРИЛЛ КОРОЛЕВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Ветры перемен: проблематика деятельности негосударственных музеев Северо-Запада

*Кирилл Михайлович Королев –
директор ИКЦ «Патрия», главный редактор
журнала «Пространство памяти»*

Современный человек, живущий в развитом обществе, приобщается к постижению музейной культуры с раннего детства – если не ошибаюсь, первые организованные посещения музеев предусматриваются уже в начальной школе, а кого-то родители, увлеченные историей в разнообразии ее проявлений, могут начать водить по музеям и раньше.

Тем самым мы приучаемся жить в «музеефицированном» пространстве, с малых лет привыкаем воспринимать музеи как некую данность социальной жизни, наряду с театрами, кинотеатрами и библиотеками (даже если что-то из перечисленного отсутствует в конкретном населенном пункте, нам с детства внушают, что эти культурные институты

необходимы, и в каком-то локальном проявлении – школьный музей, школьная библиотека, школьный театр и т. п. – они все равно будут существовать).

Разумеется, детское восприятие музеев принципиально отличается от восприятия взрослого, но не подлежит сомнению, что по мере взросления упомянутый современный человек приучается видеть в музеях доступный источник знаний о прошлом, наглядный, если можно так выразиться, инструмент просвещения, взаимодействие с которым позволяет существенно расширить кругозор и пополнить свои познания в какой-либо области.

До недавних пор музеи в нашей стране были исключительно государственными. Однако

социально-политические перемены конца XX столетия допустили возможность частной инициативы в этой сфере, что нашло отражение и в законодательстве (подробнее об этом чуть ниже); уже с 1990-х годов стали появляться разнообразные частные учреждения под вывесками наподобие «Музей водки» или «Музей шоколада» (здесь я опираюсь на собственные воспоминания о московской и петербургской повседневности тех лет; показательно, кстати, что львиная доля таких учреждений имела «гастрономический» характер, поскольку зачастую за претенциозной «музейной» вывеской скрывался обыкновенный коммерческий магазин соответствующего ассортимента, разве что предлагавший более широкий выбор товара, чем в обычном продовольственном магазине по соседству).

Впрочем, довольно долго подобные частные инициативы не получали сколько-нибудь заметного развития в масштабах общества, оставаясь ориентированными преимущественно не на просвещение, а на извлечение дополнительной прибыли за счет рекламирования коммерческих заведений как музеев.

Все изменилось, причем достаточно резко, в конце 2000-х годов: по всей территории Российской Федерации стали появляться «учреждения музейного типа», декларировавшие в качестве своей основной деятельности заботу о сохранении историко-культурного наследия. Северо-Западный федеральный округ был одним из пионеров этого общественного движения, и такая тенденция сохраняется по сей день; более того, частных музеев в СЗФО с каждым годом становится все больше, и подавляющее большинство из них ориентируется на реализацию именно поисково-просветительской функции, то есть на полноценную музейную деятельность. Что же стало причиной такого поворота в общественном сознании?

Из интервью с учредителями и руководителями частных музеев СЗФО (см. предыдущие номера нашего журнала и блок «Музейная галерея» в этом номере) напрашивается очевидный вывод: в основе всего лежал и лежит личный интерес к истории, личное увлечение конкретного человека, коллекция которого со временем превратилась в пополняемую музейную экспозицию. Любительское коллекционирование при этом вовсе не лишено социально-культурной

ценности: это, если выразиться языком науки, первичное накопление культурного фонда, первичное наполнение ценностного, символического культурного пространства.

Вообще переход от личного коллекционирования к публичной демонстрации коллекции в музейном варианте несколько не удивителен – многие современные государственные музеи когда-то создавались из частных коллекций.

Удивительно другое – почему подобная трансформация происходит именно сейчас, почему негосударственные музеи стали так активно появляться сегодня и почему их почти не было раньше.

Думается, ответ на этот вопрос можно сформулировать следующим образом: возник общественный спрос на подобные музеи – отчасти сформированный, безусловно, государственной политикой памяти и усилиями государства в сфере патриотического просвещения и воспитания. Возродился интерес к истории страны во всем многообразии ее проявлений, а развитие внутреннего туризма, во многом проистекающее из возрождения этого интереса, побудило к поиску иных, помимо традиционных, туристических дестинаций на местах – и к созданию таких дестинаций, в том числе и в форме негосударственных, частных музеев (преимущественно, но совсем не обязательно исторических).

Фактически на наших глазах складывается общественное движение, способное в перспективе, при объединении усилий на местном и региональном, а впоследствии и на межрегиональном уровне, сделаться одной из опор гражданского общества; сохранение историко-культурного наследия начинает осознаваться социумом как безусловная потребность самоидентификации, как необходимость самим беречь память о прошлом и не становиться «Иванами, родства не помнящими», – ведь иначе утрату этого наследия и этой самобытности не предотвратит никакая, сколь угодно активная, государственная политика памяти.

В конце концов, государство попросту не располагает ресурсами для проведения такой политики в масштабах «от столицы до хутора на границе»; на мой взгляд, оно и не должно ими располагать – во многом сохранение памяти является задачей общества, которое живет не только сегодняшним днем. Как представляется, государство может и должно поощрять и

поддерживать такие усилия общества (хотя бы через некие льготы и преференции), но в целом общество, если в нем присутствует понимание общности – а таковое, несомненно, сегодня наблюдается, – само заботится о себе, и такая забота распространяется, среди прочего, на сохранение (а также на актуализацию и воспроизведение) своего историко-культурного наследия.

Пожалуй, здесь необходимо уточнить, что конкретно имеется в виду под негосударственным музеем.

С точки зрения закона определение «негосударственный музей» толкуется по форме собственности весьма широко: это и музеи, находящиеся на бюджете органов местного самоуправления, то есть муниципальных образований; и всевозможные ведомственные и корпоративные музеи; общественные музеи, созданные и управляемые общественными организациями; церковно-археологические музеи и, наконец, сугубо частные музеи, существующие на средства своих учредителей.

При подготовке этого номера журнала было решено сосредоточиться на тех негосударственных музеях, которые предоставляют публичный доступ к своим экспозициям (поэтому мы вывели за скобки музеи ведомственные, корпоративные и церковно-археологические).

Что касается музеев муниципальных, они занимают, так сказать, промежуточное положение, считаются бюджетными учреждениями культуры, но при этом ближе по статусу к музеям общественным, поскольку существуют во многом благодаря энтузиазму своих учредителей и сотрудников, а не благодаря целенаправленной государственной политике.

Между музеями общественными и частными сегодня во многих случаях можно ставить знак равенства: как правило, даже единоличный учредитель для оперативного управления музеем создает юридическое лицо в форме НКО и привлекает к сотрудничеству коллег-энтузиастов.

С учетом всего сказанного термин «негосударственный музей» в нашем понимании следует толковать как характеристику частного (частно-общественного) музея, учреждаемого по инициативе общественности, – напомним, нынешнюю «волну» таких музеев спровоцировал рост общественного спроса на

подобные формы просвещения, – и не финансируемого государством напрямую (хотя дополнительное финансирование через государственные гранты, разумеется, вполне допустимо). Именно таким музеям посвящен текущий номер журнала и именно о них идет речь в контексте данной статьи.

Отмечу также, что не следует путать понятия «негосударственный музей» и «негосударственная часть музейного фонда Российской Федерации».

Последнее определение охватывает предметы и коллекции, не входящие в государственную часть музейного фонда, но зарегистрированные в Государственном каталоге музейного фонда Российской Федерации как негосударственные. Для большинства негосударственных музеев в том толковании термина, который был обозначен выше, такая регистрация не является актуальной: она мало чем способствует деятельности музея, зато налагает существенные ограничения на управление коллекцией экспонатов – в частности, подразумевает необходимость одобрения любых сделок (купля-продажа и др.) со стороны министерства культуры, организацию учета и хранения экспонатов в соответствии с едиными правилами, разрабатываемыми тем же министерством, и контроль со стороны уполномоченных государственных органов надзора (например, проверки сохранности и условий хранения экспонатов, предписания об изменении места хранения или об отчуждении экспонатов и коллекций в пользу государства на основаниях, предусмотренных федеральным законом).

Очевидно, что перечисленные факторы правового регулирования деятельности негосударственной части музейного фонда РФ отнюдь не побуждают негосударственные музеи к регистрации своих экспонатов и коллекций в музейном фонде; они стараются избегать таких ограничений в своей деятельности, благо закон это позволяет, но следует сказать, что подобное стремление несколько не умаляет ценности экспонатов и коллекций негосударственных музеев – и востребованности их коллекций у широкой публики.

Имеется также еще одно обстоятельство, лишаящее негосударственные музеи необходимости регистрировать свои экспонаты и коллекции в государственном музейном фонде. Причем для определенной части музеев

это обстоятельство можно назвать системообразующим.

Дело в том, что ряд музейных экспозиций строится не на подлинных, аутентичных артефактах той или иной эпохи, а на их репликах, то есть на воссозданных образцах. Это могут быть как исторические объекты (скажем, стрелецкий острог, ремесленная мастерская, средневековая аптека и пр.), так и реконструкции вещей и предметов (кольчуга, сплетенная современным кузнецом-оружейником; ткацкий станок, изготовленный согласно старинным образцам современным плотником; наряд старого покроя, но из современного материала, и т. д.).

Реплики могут быть сколь угодно точными, сколь угодно полно соответствовать исходным образцам, но они остаются репликами. Разумеется, в данном случае говорить о регистрации в государственном музейном фонде не приходится.

Между тем практика копирования оригиналов (равно утраченных и существующих) для последующего их экспонирования и для создания на основе этих реплик музея ни в коем случае не может считаться порочной.

Эта практика «прикладной», или «экспериментальной», археологии, если использовать популярное на Западе определение, является, на мой взгляд, естественным этапом эволюции традиционного музея. Да, «приоритет идеального носителя» признавался в музейном деле едва ли не со времен Римской империи, но стремление к обладанию этими идеальными носителями чревато для музея утратой контакта с посетителями (не говоря уже о мерах по обеспечению сохранности таких носителей).

В особенности это верно сегодня, когда классическая форма демонстрации экспонатов – «нечто за стеклом» – все меньше привлекает посетителя, который ждет от взаимодействия с музеем некоторого встречного движения, некоего вовлечения его в процесс познания и просвещения.

Можно сколько угодно спорить о том, хорошо это или плохо, но факт остается фактом: нынешний посетитель музея хочет активного взаимодействия, а не пассивного созерцания – последнее для большинства лишено всякого интереса. И музеи «живой истории» (на российской почве это определение прижилось больше, чем «экспериментальная археология») предлагают своему посетителю такое активное

взаимодействие – через погружение в историческую эпоху посредством реплик, которые можно смело брать в руки, вертеть и даже ронять, не опасаясь повредить или уничтожить бесценный артефакт.

(Нельзя сказать, что классические музеи застыли в своем развитии и не предлагают посетителям ничего подобного. Нет, многие из них используют для вовлечения посетителей в показ различные элементы театрализации – тут можно вспомнить, к примеру, «посадника Сбыслава», ведущего детские экскурсии по кремлю в Великом Новгороде, – и те же реплики – как в музее крепости Орешек, где можно примерить воссозданные кольчугу и шлем, – но экспозиции классических музеев все-таки опираются на подлинные артефакты, на аутентичные исторические объекты, которые требуют соответствующего бережного обращения и хранения. В этом отношении музеи «живой истории» для публики намного понятнее и привлекательнее.)

В какой-то степени традиционные музеи начинают даже проигрывать конкуренцию за посетителя музеям «новой волны», и их обида вполне объяснима; отсюда, кстати, нередкое пренебрежительное отношение и упреки в адрес музеев «живой истории»: «Да разве это музеи?»

Как известно, посетитель голосует ногами; если люди предпочитают музей «живой истории» традиционному, допустим, краеведческому музею, отсюда следует, что в соперничестве двух этих музеев для них побеждает первый.

Современные реалии таковы, что для ощущения погружения в ту или иную историческую эпоху, для получения подлинного, с их точки зрения, исторического опыта посетители музеев не так уж нуждаются в полной достоверности и аутентичных экспонатах. Им вполне достаточно реплик – при условии, что эти реплики будут соответствовать исходным образцам (я оставляю вне рассмотрения ситуации, когда – утрируя – недобросовестные гиды утверждают, что вот копия бластера, которым древнейшие славяне воевали в каменном веке) – и при условии, что музей через эти реплики воссоздает для посетителя реконструированный образ эпохи, соответствующий ожиданиям большинства посетителей.

Если у посетителя имеется возможность войти в стены воссозданного стрелецкого

острога, подержать в руках пицаль, надеть кафтан, потрогать копию пушки-«единорога», он будет готов признать такой музей именно музеем – просто потому, что для него произойдет погружение в эпоху.

Реплики и интерактивность – таковы столпы, на которых формируются музеи «новой волны», и, сколько ни порицай публику за низменный вкус, люди будут отдавать предпочтение этим музеям перед классическими – тут для них история оживает, тогда как в классических музеях, наоборот, мертвеет, в особенности, если классический музей не использует в своей деятельности никаких «инсценировок» и полагается исключительно на ценность подлинных артефактов своего собрания (увы, для современного посетителя эта ценность не является заданной по умолчанию, ее нужно доказать и показать).

К слову, желание обеспечить взаимодействие с посетителями у музеев «новой волны» простирается порой настолько далеко, что – как, например, в музее Дороги жизни в д. Кобона Ленинградской области – посетителям разрешается брать в руки подлинные артефакты, поднятые со дна Ладожского озера (образцы оружия и обмундирования, приборы, механизмы).

Для традиционного музея подобное «нарушение сакральности» вряд ли мыслимо, в том числе и потому, что все экспонаты состоят на строгом учете, а утрата какого-либо предмета экспозиции влечет за собой долгий и муторный процесс его списания, однако не стоит торопиться и упрекать сотрудников музея Кобоны в непрофессионализме и «любительщине»: во-первых, контроль за посетителями все-таки осуществляется и вероятность повреждения экспоната невелика; во-вторых, количество находок на дне столь значительно, а сами предметы настолько пострадали от времени, что заменить один на другой при необходимости не составит труда.

Зато посетитель получает возможность прикоснуться к истории в буквальном смысле. Мне самому такое «потакание» запросам посетителей представляется все-таки чрезмерным, я бы, наверное, ратовал за реплики, но распространенность этой практики (которая вовсе не ограничивается музеем д. Кобона и принята всеми военно-патриотическими негосударственными музеями Ленинградской области) показывает, что

посетитель ценит этот интерактив и идет в музей в том числе за ним.

Конечно, в негосударственных музеях иной направленности свободы для посетителей может быть меньше, но, повторяю, интерактивность и возможность прикоснуться к истории для них всех является основным принципом деятельности.

Позволю себе чуть подробнее остановиться на направлениях деятельности негосударственных музеев СЗФО. Как отмечалось выше, все они, так или иначе, возникли и продолжают возникать на основе личных коллекций и личных увлечений учредителей.

Разброс человеческих увлечений чрезвычайно велик, и негосударственные музеи Северо-Запада во многом отражают это разнообразие. Далекое не все из них удастся поместить в относительно строгую классификацию, но все можно предложить некую общую схему, которая будет охватывать большинство негосударственных музеев СЗФО.

Значительную часть этих музеев составляют музеи военно-патриотические – в каждом регионе округа, даже в «тыловых», если отталкиваться от географии времен Великой Отечественной войны, такие музеи присутствуют, а во «фронтных» регионах, скажем, в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, счет идет на десятки, считая и школьные музеи.

Кроме того, можно выделить музеи бытовые, если угодно, этнографические – посвященные крестьянскому и городскому быту разных эпох.

Третью группу музеев можно назвать промысловой – это музеи, рассказывающие о тех или иных ремеслах.

Особую группу составляют музеи увлечений, наподобие зеленоградского музея черепов и скелетов в Калининградской области или многочисленных музеев кошек практически во всех регионах СЗФО.

Пятая категория музеев – это музеи «культурной» направленности, вроде музея кино в Великом Новгороде, музея истории фотографии в Санкт-Петербурге или литературного музея в Архангельске.

Наконец, шестую группу составляют музеи «гастрономического» свойства – тот же музей русской водки в Петербурге и ему подобные.

Что касается частных художественных музеев, здесь, скорее, следует говорить о художественных галереях и салонах, поскольку

музейная составляющая в их деятельности вряд ли первична.

Такое разнообразие направлений наряду с совершенно неочевидной в ряде случаев сугубо музейной деятельностью побуждает в очередной раз задаться вопросом относительно того, насколько правомерно использовать применительно ко многим таким учреждениям культуры (уж простите мне этот канцеляризм) слово «музей».

Представители профессионального музейного сообщества настаивают на том, что термин «музей» следует понимать исключительно в классическом значении («музей есть храм муз»), а все попытки учреждений «новой волны» назваться музеями лишены каких бы то ни было оснований. Как кажется, это требование продиктовано отчасти профессиональным снобизмом, вполне ожидаемым по отношению к «дилетантам», а отчасти – осознанием того, что традиционные музеи, как уже отмечалось, начинают в некоторых областях проигрывать конкуренцию за посетителя музеям новой формации.

Международный совет музеев (ИКОМ) еще в 2001 году существенно расширил перечень учреждений, которые возможно относить к музеям; в этот перечень вошли, среди прочего, аквариумы и виварии, планетарии и заповедники, а также «некоммерческие учреждения или организации, занимающиеся хранением, исследованиями, воспитанием, обучением и документированием музейной деятельности».

Под это определение негосударственные музеи СЗФО в том понимании, которое предполагает данная статья, подпадают целиком и полностью; другое дело, что оно, похоже, не очень-то применимо к различным «гастрономическим» музеям с их чисто коммерческой ориентацией.

Возможно, государство в лице министерства культуры могло бы внести ясность в эту ситуацию, уточнив критерии, по которым учреждение или организация могут претендовать на статус и вывеску музея. Пока же время от времени можно наблюдать примеры недобросовестного брендинга, когда за музей выдается то, что таковым по сути не является.

Но в целом большая часть современных негосударственных музеев Северо-Запада отвечает тем условиям, которые выдвинула ИКОМ в своей классификации, и не

удивительно, что учредители и сотрудники этих музеев обижаются, когда «старшие братья» из классических музеев позволяют себе смотреть на них свысока.

На мой взгляд, «старшим братьям» следовало бы, скорее, задуматься о взаимодействии с негосударственными музеями, об оказании тем методической и методологической помощи, поскольку все делают общее дело, – а еще о том, что и классическим музеям найдется, чему поучиться у музеев «новой волны», прежде всего, в организации взаимодействия с посетителями.

Кроме того, я убежден, что негосударственные музеи заслуживают пристального внимания профильных государственных структур (комитетов и департаментов культуры и туризма в регионах): зачастую они появляются там, где нет иных достопримечательностей, и начинают привлекать туристов, способствуя развитию региона; следовательно, такие музеи необходимо поощрять и поддерживать, хотя бы включая в соответствующие культурно-туристические региональные программы, а не игнорировать их появление и существование под тем предлогом, что «у нас и без того музеев достаточно».

Позволю себе коротко напомнить о гражданской значимости общественного музейно-краеведческого движения; подобные низовые инициативы безусловно являются социально позитивными и содействуют формированию привлекательного образа региона.

Прежде чем оценивать перспективы развития негосударственных музеев СЗФО, хотелось бы остановиться на таком явлении последних лет, как возникновение виртуальных музеев.

Строго говоря, виртуальным может считаться тот музей, который либо строит в Интернете некое трехмерное пространство (интерьер) для экспозиции, либо размещает виртуальные экспонаты (скажем, голограммы) в каком-то реальном выставочном пространстве. По справедливому замечанию искусствоведа А. Н. Лебедева (см. его интервью образовательному portalу «ПостНаука»), все прочее «правильнее называть альбомами, базами, электронными каталогами, но только не виртуальными музеями».

К сожалению, на сегодняшний день модным словосочетанием «виртуальный музей»

именуют любую базу данных в Интернете, и в этом отношении понятие «виртуальный музей» представляется еще более размытым, чем само понятие «музей».

Тем не менее, тенденция к виртуализации музейных пространств неоспорима, виртуальные музейные проекты предпринимаются все чаще, пусть пока с переменным успехом. Плюсов тут, наверное, все-таки больше, чем минусов – доступность коллекции, пожалуй, важнее возможности тактильно ее осязать, в особенности, когда речь идет о художественных коллекциях, которые все равно невозможно потрогать руками.

Более подробно о виртуализации в музейном деле говорится в статье в последнем разделе текущего номера журнала; здесь же достаточно будет указать на возникновение такой тенденции и отметить тот факт, что она видится логичным этапом развития музейного дела на основе новых технологий.

Перспективы развития негосударственных музеев СЗФО мне представляются следующими: даже несмотря на сложную социально-экономическую обстановку, число таких музеев будет расти.

Далеко не везде в регионах округа имеются государственные музеи, далеко не везде они работают удовлетворительно, далеко не везде они способны удовлетворять запросы новых поколений посетителей. Негосударственные же музеи, возникающие из частных инициатив, гораздо лучше «чувствуют» потребности посетителей, проявляют гораздо больше гибкости во взаимодействии с посетителями и способны предложить им то, чего музеи классические сделать не в состоянии именно по причине своей «классичности».

При этом негосударственные музеи отнюдь не стремятся конкурировать с традиционными и вытеснять тех с музейного «рынка»; они занимают ниши, по тем или иным обстоятельствам не охваченные традиционными музеями, создают новые туристические дестинации, развивают бренд региона – помимо выполнения основной задачи любого музея, то есть сохранения и приумножения памяти, и помимо реализации исследовательско-просветительских функций.

Совершенно не исключаю появления в относительно ближайшем будущем ассоциации негосударственных музеев СЗФО, которая возьмет на себя самоорганизацию этого «любительского» музейного сообщества и организацию полноценного взаимодействия с профессиональным сообществом и профильными государственными структурами. По моему мнению, учреждение подобной ассоциации будет полезно как для негосударственных музеев, так и для дальнейшей реализации государственной политики памяти и для развития гражданского общества.

К содержанию

ЕКАТЕРИНА ПРОКОПЬЕВА (АРХАНГЕЛЬСК)

Взаимодействие государства с негосударственными музеями

*Екатерина Владимировна Прокопьева –
председатель Архангельского
областного собрания депутатов*

В настоящее время приобрели популярность гражданские инициативы по сохранению исторического наследия и исторической памяти – в том числе в форме создания разнообразных негосударственных музеев. Насколько эти инициативы соответствуют государственной политике в области сохранения исторического наследия?

Начну с того, что поддержка общественных инициатив в сфере выявления, сохранения и популяризации культурного наследия народов Российской Федерации является одной из задач Основ государственной культурной политики.

С практической точки зрения, привлекая небольшие финансовые средства, общественные объединения могут не только следить за состоянием объектов культурного наследия, но и осуществлять необходимые работы. На территории Архангельской области есть яркие примеры инициатив подобного рода: это может быть уборка территории вокруг памятников истории и культуры, наблюдение за деятельностью организаций, выполняющих определенные работы на таких объектах и многое другое.

Все эти проекты, связанные с желанием или потребностью граждан сохранить исторический

облик своей малой родины, успешно воплощают жители деревень Архангельской области.

Назову четыре населенных пункта региона, это члены Российской ассоциации «Самые красивые деревни России», обладающие выдающимся историко-культурным и природным наследием: Ошевенский погост в Каргопольском районе, Веркола в Пинежском районе, Кильца и Кимжа в Мезенском районе.

Что касается музейной деятельности, то в Архангельской области открыто более 80 частных музеев. В большинстве своем они действительно играют значительную роль в сохранении исторической памяти и наследия, ведут большую собирательскую, просветительскую и воспитательную работу среди населения, особенно среди детей. Такие музеи являются своеобразными центрами общественных инициатив по сохранению наследия и преобразованию исторических пространств своих территорий.

В мае 2018 года в Архангельских Гостиных дворах состоялся Открытый форум для негосударственных музеев. И тогда было принято решение о более активном включении их в музейную сеть Архангельской области, тесном взаимодействии и сотрудничестве, составлении сводной информации – реестра частных музеев, оказании методической и консультативной помощи по вопросам учета, хранения и экспонирования предметов, распространении информации о музеях для жителей и гостей нашего региона.

Министерство культуры Архангельской области поддерживает инициативы сохранения и развития частных музеев, особенно тех, которые выполняют важные государственные функции по собиранию, изучению, хранению и популяризации традиций народной культуры, исторического наследия.

В 2016 году грантом Губернатора Архангельской области было поддержано развитие частного музея Виктора и Галины Мерзлых в селе Карпогоры Пинежского района. Благодаря этой поддержке музей стал своеобразным центром традиций и культуры Пинежской земли и пользуется повышенным интересом как жителей района, так и российских и зарубежных туристов.

Юридический статус негосударственных музеев («учреждений музейного типа») остается не до конца определенным. Возможно, именно по этой причине профильные государственные структуры (региональные департаменты / комитеты по культуре, по туризму и т. д.), а также подведомственные организации (государственные музеи в регионах) практически не взаимодействуют с подобными музеями. Можно ли ожидать внесения изменений в соответствующее законодательство – хотя бы на региональном уровне?

Хочу отметить, что законодательство Российской Федерации допускает возможность нахождения музейных предметов и коллекций (включенных в состав Музейного фонда Российской Федерации) как в государственной, муниципальной, так и частной собственности.

Кроме того, Гражданский кодекс Российской Федерации позволяет создавать гражданам и юридическим лицам частные учреждения, которые полностью или частично финансируются собственником имущества. Именно поэтому при создании негосударственных музеев в форме частных учреждений правовая основа их статуса законодательством определена полностью.

В Архангельской области научно-методическим центром в сфере музейного дела и организации музейной деятельности является Архангельский краеведческий музей, который на достаточно серьезном, профессиональном уровне подходит к решению проблем негосударственных музеев. Также региональное министерство культуры обеспечивает информационно-методическое сопровождение негосударственных музеев.

Отдельные негосударственные музеи – например, музей мастеров Шевелевых в Каргополе – уже стали местными достопримечательностями и способствуют увеличению туристического потока.

Должны ли региональные администрации учитывать это обстоятельство при составлении планов развития внутреннего и зарубежного туризма в регионе – или

подобные частные инициативы остаются вне рассмотрения?

Часто бывая в глубинке Архангельской области, я с удовольствием отмечаю, как простые люди своими силами создают прекрасные музейные экспозиции, причем очень интересные, а порой просто уникальные.

Лично мне очень хочется помогать таким энтузиастам, и я это делаю. Знаю, что большинство моих коллег-депутатов поступает точно также. Что касается музея мастеров Шевелевых, который включен в реестр памятников истории и культуры Архангельской области, то не без помощи региональных и местных властей он включен в экскурсионный график туристических агентств. Стали доброй традицией летние творческие пленэры для студентов, международные семинары по керамике.

Считаю, что оптимальным решением для дальнейшего обустройства музея, качественного улучшения условий приема посетителей и увеличения видов деятельности будет развитие частно-государственного партнерства. Разумеется, власть помогает и должна помогать, но при условии активного участия владельцев, работников музея и самих жителей.

Какими Вам видятся перспективы взаимодействия государства с негосударственными музеями, число которых, если судить по динамике их появления и по общественному интересу к истории России, в ближайшие годы будет только возрастать?

Не так давно, в марте 2017 года, в рамках Московского культурного форума прошел круглый стол, посвященный статусу частного музея. Его участники пришли к выводам, что понятия «частный музей» в законе пока нет, но очевидно, что это изменение необходимо.

Думаю, это и есть ответ на вопрос. Мы приходим к мысли, что не важно, какой формы собственности музей, главное, чтобы он справлялся с возложенной на него ответственной миссией и работал в рамках правового поля.

[К содержанию](#)

МУЗЕЙНАЯ ГАЛЕРЕЯ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ МУЗЕЕВ
СЗФО

ВОЕННО- ПАТРИОТИЧЕСКИЕ МУЗЕИ

*См. также материалы о военно-патриотических музеях
Ленинградской области в номерах 1–4 за 2017 год и о
музеях других регионов в номере 1 за 2018 год.*

СЕРГЕЙ ГУРИН (СОРТАВАЛА, РЕСПУБЛИКА КАРЕЛИЯ)

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМ. А. Л. БОНДАРЕВА

*Сергей Владимирович Гурин –
заместитель командира
поискового отряда «Ладога»,
директор военно-исторического
музея им. А. Л. Бондарева*

Расскажите, пожалуйста, о вашем музее и о его создании: как он возник, кто его организовывал, какую цель ставили перед собой основатели?

Создан наш музей достаточно давно, в 1996 году, поисковым отрядом «Ладога». Его основой стала комната боевой славы в поселковой школе поселка Заозерный Сортавальского района, жителем которого является основатель музея, командир нашего отряда Сергей Николаевич Карпеченко. Именно там начали выставляться предметы, найденные на месте боевых действий в Северном Приладожье.

После каждой экспедиции появлялись новые экспонаты, пополняющие фонд музея, что происходит и по сей день.

Как и сейчас, первоначальная цель – это военно-патриотическое просвещение и воспитание школьников и студентов, а также работа с более широкой аудиторией всех возрастов. Придя в отряд в 2013 году, я начал продвигать идею о том, что рамки школьного музея стали тесноваты: мало места для экспонатов, а из-за ограничения доступа в школу немногие могли увидеть нашу экспозицию.

Несколько лет подряд, начиная с 2012 года, на день Победы мы проводили открытые

выставки на площади в городе Сортавала. Мы предоставляли жителям и гостям города возможность не только увидеть экспонаты, но и прикоснуться к ним и поддержать их в руках.

Впоследствии нашему примеру последовали другие поисковые отряды Карелии и России. В это же время я начал переговоры с местной администрацией о предоставлении помещения для нашего музея в городе Сортавала, чтобы мы получили возможность показать нашу экспозицию и рассказать о военной истории нашего края максимально широкой аудитории.

Только осенью 2017 года нам предоставили помещение – кинозал бывшего кинотеатра «Заря». Этого удалось добиться благодаря тому, что наш проект выиграл конкурс РВИО по военно-туристическим маршрутам в Северо-Западном регионе.

Второго января 2018 года наш музей открыл двери для посетителей и представил обширную и существенно пополненную экспозицию, посвященную боевым действиям в Северном Приладожье в 1941 году.

Почему было решено посвятить музей именно такой теме?

Мы работаем непосредственно в Сортавальском и Лахденпохском районах Республики Карелия. Здесь с июня по август 1941 года шли ожесточенные оборонительные бои Красной Армии против финских войск.

Боевые действия 1939–1940 гг. и 1944 года обошли наши районы стороной, в эти годы финские войска оставляли нашу территорию без боя по мирным соглашениям между СССР и Финляндией.

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ ПОЛКОВНИКА БОНДАРЕВА А. Л. WAR HISTORY MUSEUM

*ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ ИМЕНИ А.Л.БОНДАРЕВА
создан в 2017 году членами поискового отряда «Ладога»*

Музей расположен в городе Сортавала Республики Карелия, в здании бывшего кинотеатра «Заря», где в июле-августе 1941 года размещался штаб 3-го Сортавальского погранотряда. Основная экспозиция музея посвящена обороне Сортавала и Северного Приладожья в июле-августе 1941 года.

Экспонаты собирались и реставрировались отрядом «Ладога» в течении 30 лет. Музей располагает обширной коллекцией образцов амуниции, снаряжения и личных вещей как бойцов РККА, так и солдат финской армии и вермахта. Большая часть экспонатов найдена на местах боев в Сортавальском, Лахденпохском и Питкярантском районах. Среди них встречаются крайне редкие и уникальные предметы, такие, как винтовочный гранатометный комплекс Дьяконова, 50-мм ротный миномет комендатуры старшего политрука Гарькавого, деактивированные макеты гранат системы Милса и Рдултовского. Отдельные стенды содержат информацию о составе и командирах основных частей и соединений, действовавших на сортавальском направлении. Карты и схемы позволяют представить ход боевых действий.

Посетители смогут сфотографироваться на память в стальных шлемах советской или финской армий, с макетами оружия времен войны.

*В ДАЛЬНЕЙШЕМ, МУЗЕЙ ПЛАНИРУЕТ РАСШИРЕНИЕ
И СОЗДАНИЕ НОВЫХ ЭКСПОЗИЦИЙ,
ПОСВЯЩЕННЫХ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
СЕВЕРНОГО ПРИЛАДОЖЬЯ*

Кто такой А. Л. Бондарев, имя которого носит музей?

Андрей Леонтьевич Бондарев был командиром 168-й стрелковой дивизии, которая держала оборону и героически сражалась летом 1941 года в Сортавальском районе и далее на Ленинградском фронте.

Полковник Бондарев заново формировал дивизию в октябре 1939 года, командовал дивизией в советско-финляндской войне 1939–1940 гг. Несмотря на то, что дивизия попала в окружение, она сохранила свою боеспособность и оказала достойное сопротивление финским войскам, стремившимся уничтожить ее полностью.

Под командованием Бондарева дивизия заняла выгодные позиции на большой территории и организовала круговую оборону. Снабжение ее боеприпасами и продовольствием осуществлялось по воздуху.

По окончании боевых действий дивизия была передислоцирована в Сортавальский район и заняла оборону вдоль советско-финской границы от пос. Вяртсиля до местечка Ристилаhti фронтом на протяжении 62 километра.

Бондарев уделял много внимания боевой подготовке в дивизии. С июня по август 1941 года дивизия вела ожесточенные бои с превосходящими силами 7-й, 19-й и 2-й пехотных дивизий финской армии. 20 августа 1941 года была организованно эвакуирована силами Ладожской флотилии на остров Валаам и далее – на Ленинградский фронт.

Более 90 бойцов и командиров дивизии были награждены орденами и медалями за мужество и отвагу, проявленные в боях на сортавальском направлении. В 1943 году генерал-лейтенанту А. Л. Бондареву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Что предлагает музей своим посетителям? Какие экспонаты были у вас первыми? И вообще – откуда в музей поступают экспонаты?

Мы показываем все, что находим на местах боев: предметы солдатского быта, снаряжения, образцы вооружения. Мы их стараемся отреставрировать, образцы вооружения деактивируем в соответствии с законодательством РФ.

Некоторые экспонаты, которые невозможно найти в первоизданном виде, мы приобретаем для музея. В основном, это копии униформы того времени, медицинские инструменты, предметы быта.

Но главным образом это все-таки наши находки; что-то из предметов военного времени приносят нам местные жители, как найденные в окрестных лесах, так и сохранившиеся в семьях.

Сейчас уже трудно сказать, что стало первым нашим экспонатом, их очень много, после каждого выезда в поиск появляются новые артефакты прошедшей войны.

Бывает, в негосударственных и частных музеях, организованных энтузиастами, встречаются довольно редкие экспонаты, которых нет и в «больших» музеях. Есть ли нечто подобное в вашем музее? Какие экспонаты вызывают самый большой интерес у посетителей? А какие имеют наибольшее значение для вас?

У нас есть такие предметы. Это гранатометный ружейный комплекс Дьяконова в полном сборе. 50-мм ротный миномет образца 1938 г., экспонат со своей историей. Высотный кислородный прибор с двумя масками с нашего бомбардировщика типа СБ – подобный экспонат в сборе есть у нас и в музее Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. Отреставрированный боевой стальной нагрудник СН-42. Бланк смертного медальона для погранвойск НКВД с продольной зеленой полосой...

Нашим посетителям интересно все, мы обо всех предметах можем рассказать подробно и интересно. Для нас все экспонаты, любая

мелочь, имеют большое значение, почти каждый предмет мы нашли сами и приводили в порядок для экспонирования тоже.

Кто приходит в музей? Кого больше – молодежи или представителей более старших поколений? Проводятся ли в музее какие-то специализированные экскурсии?

У нас разные по возрасту посетители – организованные школьные группы, местные жители, гости нашего города. Для всех мы стараемся провести насколько возможно подробные экскурсии.

В последнее время определенную популярность приобрела идея интерактивности – что-то можно потрогать, взять в руки и т.п. Как вы относитесь к ней? Используете ли вы интерактивные элементы в своей музейной работе?

Да, у нас представлен ряд предметов для интерактива, в основном это макеты образцов стрелкового вооружения, стальные шлемы и головные уборы воюющих сторон того времени.

Планируется ли создание в ближайшем будущем интернет-сайта музея?

Интернет-сайт музея находится в разработке.

Кто и как помогает музею?

Чаще всего нам помогают люди, посетившие наш музей и проникнувшиеся нашей деятельностью.

Расскажите, пожалуйста, какова роль в деятельности музея Поискового отряда «Ладога».

Наш отряд – это люди, каждый из которых является в какой то мере основателем музея. Мы все выходим в поиск, каждый из нас что-то находит, и находки поступают в музейный фонд. Не было бы отряда, не возник бы и наш музей.

Недавно на территории Республики Карелия в районе урочища Сандармох, где захоронены жертвы политических репрессий, была проведена поисковая экспедиция РВИО. Каково ваше отношение к этой экспедиции?

Мое мнение таково: там надо провести системное обследование, чтобы раз и навсегда установить, где захоронены останки репрессированных граждан и есть ли там останки погибших в финском плену. К сожалению, ни в 1990-е годы, ни сейчас четкого ответа не получено. В результате поднялась непонятная шумиха, мол, якобы захоронение в Сандармохе хотят по-тихому перевести в разряд захоронений погибших военнопленных и навсегда забыть о жертвах политических репрессий. Аргументы представителей организации «Мемориал» у меня, честно сказать, вызывают большие сомнения, как и компетентность этих людей.

Какими вам видятся перспективы музея через 5 лет?

Сейчас сложно сказать, так как помещение, в котором мы ныне находимся, выставлено местной администрацией на продажу. И пока мы не можем сказать, где нам предоставят другое помещение и предоставят ли вообще. К сожалению, несмотря на красивые слова на митингах, чиновники стараются нас не замечать или игнорировать. Надеюсь, что мы продолжим нашу работу весной 2019 года в другом формате, с этой целью сейчас идет доработка нашего проекта – с увеличением интерактива и расширением возможностей показа.

К содержанию

КИРИЛЛ КОРОБОВ, СТАНИСЛАВ ВОРОБЬЕВ (КРОНШТАДТ)

МУЗЕЙНЫЙ КОМПЛЕКС «ФОРТ РИФ»

*Кирилл Николаевич Коробов –
руководитель проекта по
восстановлению и музеефикации
форта «Риф»*

*Станислав Александрович Воробьев –
главный редактор журнала «Фортвед»,
ведущий сотрудник проекта по
восстановлению форта «Риф»*

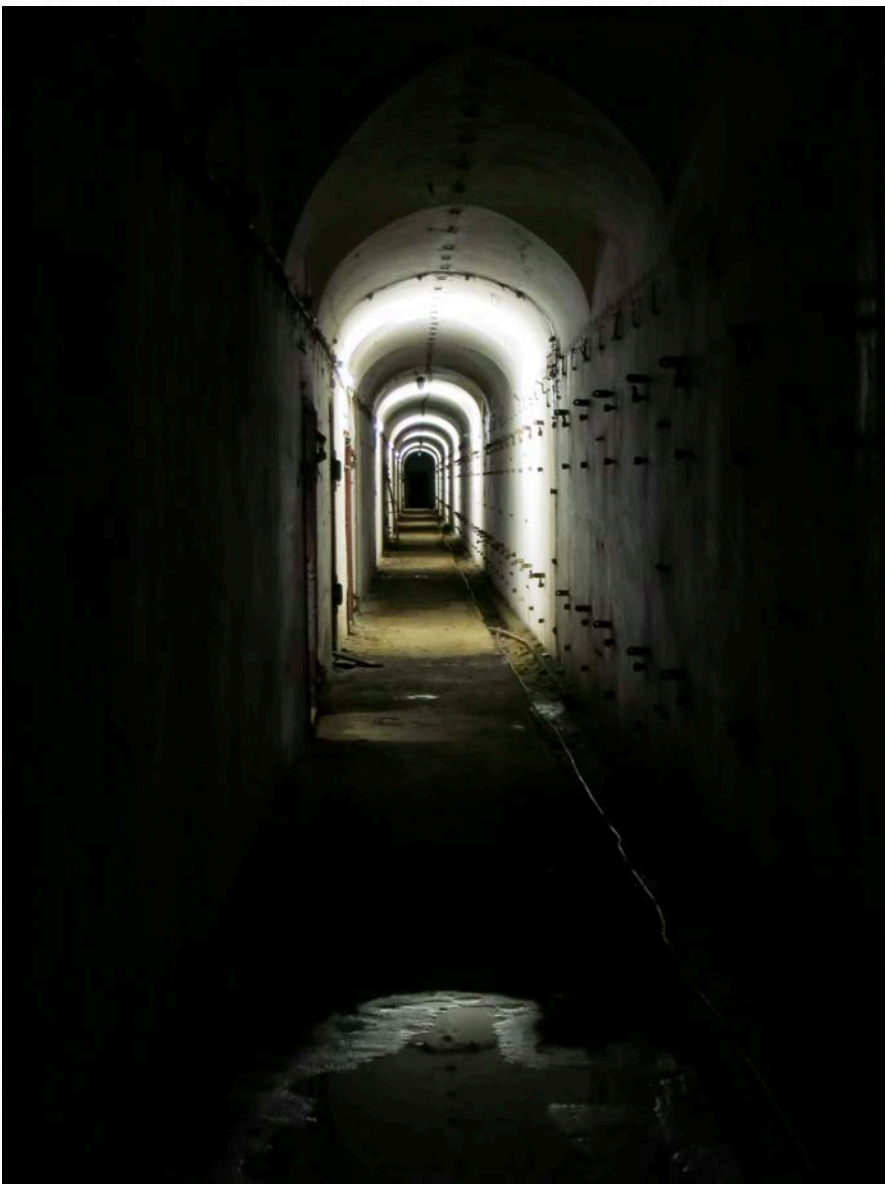
КИРИЛЛ КОРОБОВ

Когда мы говорим об объектах, подобных форту «Риф», надо прежде всего отдавать себе отчет в том, что без интереса к истории на такие объекты не приходят.

Лично у меня интерес к истории был всегда, мне старые вещи, здания, сооружения значительно интереснее, чем то, что создается сегодня.

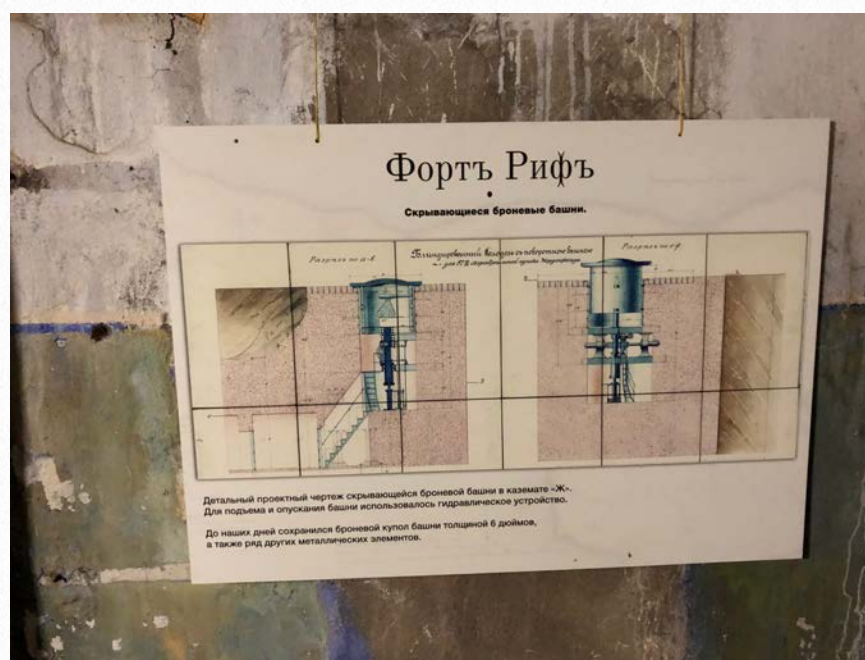
При этом не могу не отметить, что современная архитектура тоже интересна, достойные образцы появляются сейчас по всей России, в том числе в Петербурге, что не может не радовать...

Словом, на форт я пришел, движимый именно интересом к истории.

На момент подписания арендного соглашения я мог выбирать практически любой из фортов. Были заняты только «Константин», «7-й северный» и «3-й северный», все остальные были свободны.

Мне на выбор предлагали в аренду «Риф», «Обручев» и «Тотлебен». Поскольку «Риф» мне достаточно хорошо знаком еще с 1990-х годов, я выбрал именно этот форт; к тому же во многом выбор диктовался прагматическими соображениями: береговой форт во многом удобнее, чем островной — его проще осваивать, проще привлекать сюда посетителей. Словом, это было взвешенное решение, понятное и обдуманное.

Вообще Кронштадтская крепость с ее двумя десятками фортов — это совершенно уникальное явление. К сожалению, она пока остается малоизвестной, даже в Петербурге.

Например, есть такой школьный предмет, «История города», на котором ученикам рассказывают о Петропавловке, об Исаакиевском соборе, но забывают о Кронштадтской крепости.

А ведь это по-настоящему грандиозный комплекс укреплений, перекрывающий огромный залив; аналогов этой крепости в целом мире — считанные единицы. Увы, сегодня в Санкт-Петербурге не слишком охотно изучают собственную историю, в особенности историю освоения Балтийского моря и историю Кронштадтской крепости.

Поэтому очень хорошо, что форты постепенно передают в частные руки; поскольку благодаря этому, я уверен, они начнут мало-помалу оживать.

Преимущество «Рифа» в том, что к этому береговому форту есть доступ по суше, что обеспечивает уже сейчас и будет обеспечивать в перспективе приток посетителей.

Причем, как мне кажется, это будут не столько туристы со всего мира, сколько петербуржцы и москвичи, а приезжать они станут сюда многократно. «Риф» похож на Эрмитаж в том отношении, что здесь невозможно все увидеть за одно посещение. Площадь форта большая, мы уже продумали 3–4 маршрута, каждый из которых занимает полный день.

То есть посетители будут приезжать на 3–4 уикенда и знакомиться с нашими экскурсионными программами.

При всем этом форт обладает морским потенциалом и при определенных затратах, выполнив ряд понятных действий, здесь можно построить марину для рейдовой стоянки.

Вдобавок «Риф» находится ровно посередине между северным и южным фарватерами с внешней стороны дамбы, это уже Балтийское море, а не Маркизова лужа, что придает форту дополнительную привлекательность с точки зрения водного туризма.

Еще люди смогут отдыхать в этих старинных стенах, проводить время на пляжах и на лужайках. Конечно, появятся заведения общественного питания. Надеюсь, со временем организуем место для ночевки. Мы хотим сделать кемпинг с удобствами. Это совершенно нормальная европейская практика – ты бронируешь место для палатки, как номер в гостинице, ставишь эту палатку по приезду, рядом оборудованная душевая, оборудованные туалеты, и человек может спокойно провести ночь в походных условиях со всеми удобствами, не опасаясь клещей, диких зверей, элементарной грязи и шумных соседей.

Применительно к крепости и к форту «Риф» в частности будущее видится мне прекрасным. Все будет очень хорошо, просто замечательно. Все форты, не только «Риф», будут восстановлены, приведены в порядок, начнут сиять роскошной подсветкой.

Отремонтированные марины наполнятся красивыми яхтами, прогулочные корабли будут снова по Финскому заливу и между фортами...

Подытоживая, скажу так: планов у нас много, они вполне реализуемы, но на все нужно время. Так что мечта о форте воплотится не завтра, хотя, может быть, что-то мы и успеем сделать достаточно быстро.

СТАНИСЛАВ ВОРОБЬЕВ

Форт «Риф» уникален тем, что это единственное в Кронштадтской крепости укрепление, включающее так называемый комплекс опытных построек. Эти постройки были экспериментальными и предназначались для обстреливания тяжелыми снарядами с целью выявления оптимальных параметров защитных конструкций из бетона.

Полигон функционировал с начала 90-х годов XIX века, потому что как раз в предыдущие несколько лет в артиллерии мировых держав появились так называемые фугасные снаряды, перед которыми прежние оборонительные сооружения – кирпичные, обсыпанные землей, – оказались совершенно беззащитными.

Вот это и предопределило крупномасштабный переход к новому строительному материалу – бетону.

В 1890 году здесь начались опыты, продолжавшиеся с разной интенсивностью почти двадцать лет, т. е. двадцать лет здесь функционировал инженерный полигон.

При этом построенные тут опытные сооружения не являлись боевыми и в состав крепости не входили. Затем, в 1909 году приняли новый план развития крепости, по которому оборона существенно выдвинулась на запад. Главной частью этого плана были форты «Красная Горка» и «Ино», а третьим пунктом, вспомогательным, стал так называемый форт «Риф».

В советское время здесь мало что строилось, и это общая тенденция по Кронштадтской крепости. Настолько огромный объем укреплений был построен в крепости до 1917 года, что большой нужды в новом строительстве не было, в основном, все просто реконструировалось.

Здесь десятидюймовые и шестидюймовые пушки до Великой Отечественной войны находились в строю, затем, уже в ходе войны, два десятидюймовых орудия перетащили в центральную часть острова Котлин, откуда они обстреливали немцев в районе Петергофа и Стрельны.

А вскоре после войны, в 1948 году, все орудия сняли с вооружения.

Несколько шестидюймовых пушек пошло на восстановление крейсера «Аврора» – до войны там стояли 130-мм пушки, не «родные», а установленные при советской модернизации. Изначально на «Авроре» стояли пушки Канэ, точно такие же, как на «Рифе», только на морских станках. Крейсер решили восстановить на момент революции – с шестидюймовыми

пушками. На морских станках достаточного количества пушек не нашлось – так что большая часть нынешних установок на «Авроре» на сухопутных, то есть на береговых станках. Как минимум, два орудия из них взято из форта «Риф».

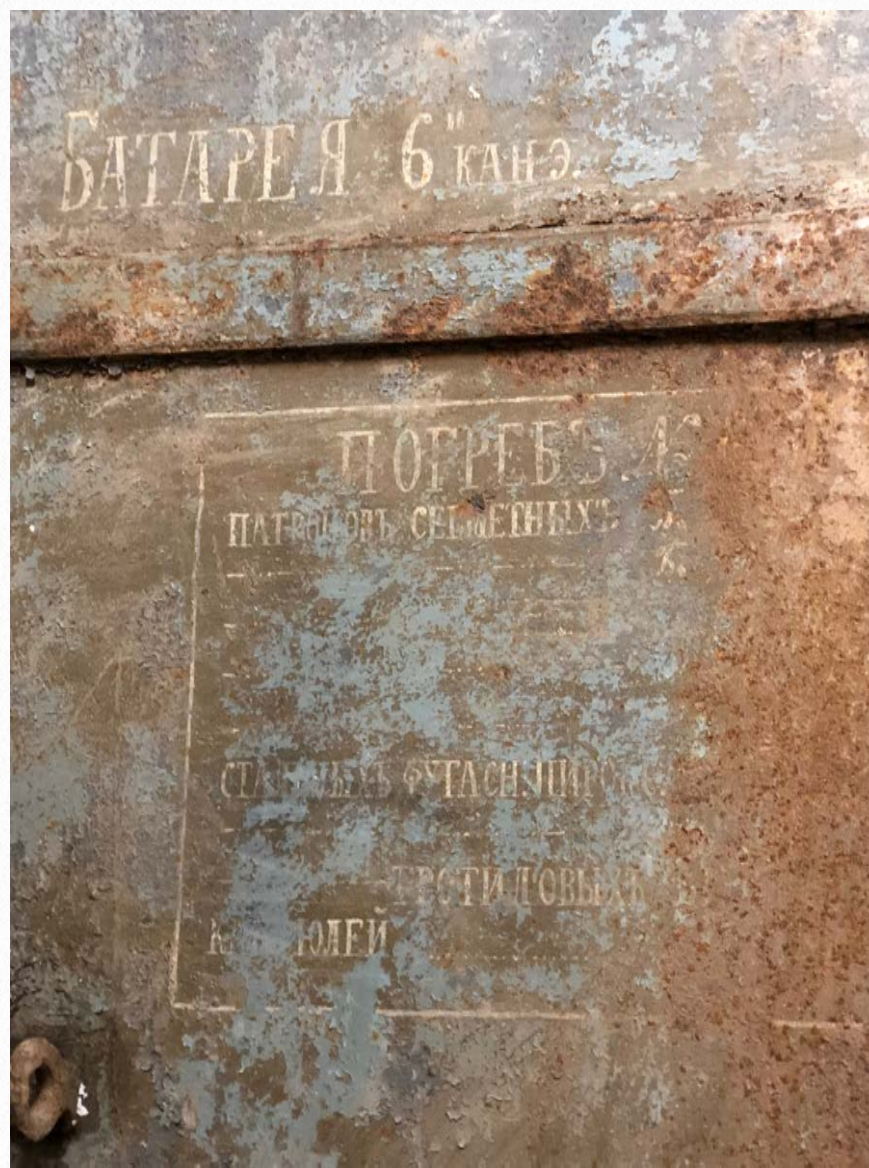
Последний этап истории форта – это 50–60-е годы прошлого века. В 1950 году здесь была построена батарея 130-мм морских пушек Б-13, она существовала до 1973 года. В 1973 году четыре пушки сняли, и с тех пор форт оставался у военных как вспомогательный объект – со складами и пунктом связи. В 2000-е годы здесь проводилась утилизация боеприпасов, а в 2014 году военные ушли отсюда окончательно.

Территория бывшего военного городка довольно большая. Мы хотим сохранить историческое функциональное разделение территории на боевое укрепление и вспомогательную хозяйственную часть.

В казематах планируются музейные экспозиции, может быть, там разместятся какие-то развивающие секции. Хотим восстановить исторические механизмы, оборудование, какое только сможем.

На центральной десятидюймовой батарее сохранились в той или иной степени подъемные

механизмы для боеприпасов. Хотим привести их в рабочее состояние, достать оригинальные тележки для подвоза боеприпасов.

Еще намерены вернуть к жизни прожекторную вышку. На форту сохранился дальномерный павильон, один из трех. В данный момент идет разработка проекта реставрации, после согласования с КГИОП начнется его реализация.

А пока мы проводим расчистку территории: огромные пространства завалены землей и мусором, мы это выгребаем, выносим, вывозим – сами и силами добровольцев.

Добровольцы приходят по зову сердца. Кого-то нанимаем, конечно, но время от времени организуем субботники. Причем я сам – не их сторонник, но люди постоянно интересуются, когда следующий субботник.

Когда мы организуем субботники, обычно собирается человек по 30. Среди них есть те, кто участвует и в других подобных мероприятиях, например, на Красной Горке или на Петроградской стороне, в броневом

командном пункте Краснознаменного Балтийского флота.

Конечно, приходят и жители Кронштадта, причем некоторые не довольствуются субботниками, просто приходят помогать в свое свободное время.

Когда все согласования получим, здесь будет открытая территория, сможем приглашать людей, будет функционировать музей. Музей истории крепости Кронштадт и форта «Риф» – а также инженерного полигона. Если хотите, музей развития инженерного дела в России.

Здесь ведь закладывались основополагающие принципы фортификации «бетонного» периода. По сути, когда все состоится, можно будет говорить о первом в России музее фортификации.

Пока мы составляем планы – что и где могло бы быть. Не хотелось бы ограничиваться только стендами. Хотелось бы натуральных экспонатов: орудийные системы, казематные пулеметные станки... Хотим для примера целиком восстановить один советский дот, из тех, что были построены на территории форта в 1930-е годы. И других планов много...

[К содержанию](#)

МУЗЕИ ТРАДИЦИОННОГО БЫТА

ДМИТРИЙ КОМАРОВ (МУРМАНСКАЯ ОБЛАСТЬ)

МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ «ТОНЯ ТЕТРИНА»

*Дмитрий Александрович Комаров –
этнограф, сын и помощник
учредителя историко-
этнографического комплекса
А. Б. Комарова*

На данный момент тоня Тетрина – это музей под открытым небом, состоящий более чем из пятнадцати построек и сооружений, насчитывающий около тысячи экспонатов, рассказывающий о быте терских лопарей, поморов, об их жизни и верованиях, об их промысле, сопротивлении стихиям, захватчикам и разбойникам.

Мы занимаемся развенчиванием мифов, образовавшихся из устойчивых представлений и из новых веяний туристического бизнеса, доказывая, что реальная история не менее интересна, чем выдуманная, демонстрируем развитие хозяйства на берегу Белого моря, проводим исторические эксперименты.

Мы рассказываем, что мирная история несколько не менее удивительна, чем военная, и стараемся возродить и укрепить в наших посетителях гордость за предков.

Самый популярный вопрос у посетителей нашего историко-этнографического комплекса – «Кто такая Тоня Тетрина?» Но это не человек, а целый мир.

Тоня — это исток всей поморской культуры, это начало любого поморского села или деревни, это главный промысловый объект. На тонях ловили не только рыбу, но и тюленей. На тоне зимой, в непромысловое время, варили соль. На тонях добывали деготь и смолу.

В нашей истории много мифов и неточностей. В частности, из одной книги, связанной с этнографией, в другую переходит определение, согласно которому тоня – просто рыболовный участок, рыбацкая избушка. Мы же объясняем, что это гораздо более сложное и серьезное явление.

Так как основным ареалом промысла поморов было Белое море, то на побережье строили маленькие, вначале сезонные, поселения, которые на берегах Баренцева моря назывались становищами, а на Беломорье – тонями. На Белом море их было очень много, иногда они находились в нескольких сотнях метров одна от другой.

Тоня – это морской хутор, который позволяет автономно вести промысел на берегу и включает в себя целый комплекс построек. Их численность и вид разнились в зависимости от специфики тони.

Делились они в основном на две группы – промысловые и живущие. На промысловой тоне могло вполне хватать небольшой избы или даже подобия саамской тупы (жилое сооружение), вешал (приспособления для сушки сетей), ворот для лодки.

Если тоня или поселок находились далеко, то там мог быть и ледник.

Живущая тоня – это практически небольшое село на несколько семей. Она включала в себя различные виды построек, от амбаров, бань и хлевов до часовни.

Важно отметить, что с XV–XVII веков и до наших дней названия промысловых участков и тоней практически не изменились, а писцовые книги XVI–XVII веков позволяют проследить процесс превращения некоторых тоней в населенные пункты. Одну из этих тоней, находящуюся на полуострове Турий, решено было восстановить.

Первое письменное упоминание тони «Тетрина» датируется XV веком, но есть все основания полагать, что существовала она и раньше.

Мы восстановили тонию с максимальной достоверностью, на историческом месте, и теперь она функционирует как историко-этнографический комплекс под открытым небом.

В него включены три экспозиции: саамская ставка, поморская тони, экспозиция Великой Отечественной войны на Кандалакшском и Мурманском направлениях.

В советское время нашу тонию называли и «Тетрино», и «Тетринская», а в документах досоветского периода она называлась «Тетрина».

Мы начали работы в 2000 году с оформления документов в районных и областных организациях на нее как на действующую рыболовную тонию «Тетрина», то есть начали с восстановления ее изначального наименования.

Существует две версии его происхождения:

1) «тетеревинная» – тетеревов здесь больше, чем в других местах, даже сейчас, при множестве охотников;

2) от слова «третинная»: уловистая, результативная тони на ежегодных торгах была дорогая, ее могли купить для промысла три хозяина, объединившись в артель. Каждый потом имел с общего вылова треть улова.

Многие тонкости поморской жизни открываются лишь в процессе исторического эксперимента. Мы убедились, что только так можно познать детали прошлого, понять взаимоотношения человека с человеком, человека с природой, которые едва ли передаются историческими письменными свидетельствами.

Тоня «Тетрина» старше многих сел и деревень Севера, старше большинства городов Мурманской области. Берег у избы, восстановленной нами по фундаменту, регулярно осыпается из-за наступления моря, обнажая бревна с коваными гвоздями, камни со следами обработки и другие останки прежних построек. Отсюда, с таких тоней начинался славный и трудный путь наших прадедов по освоению тайги и тундры,

по закреплению за собой северных морей и архипелагов, и здесь они заложили основу для нового субэтнуса – поморов.

Обойти тему проживания здесь предшественников поморов было бы несправедливо. В лопарско-саамской экспозиции в историко-этнографическом комплексе находятся и летнее жилище саамов – кувакса, и зимнее – кежа, и более современное – купа, и амбарчик на столбе, и ворот для вытаскивания невода, и прочее. Все постройки и сооружения воссозданы максимально достоверно и стоят там же, где стояли и сотни лет назад, еще до прихода на лопарские земли норманнов и новгородцев.

В старину у поморов тоня была тем же, чем был земельный надел для крестьянина на Руси. Тоневой промысел был не отхожим, а домашним, тесно связанным с жизнью поморских сел и деревень, где помор, подобно ростовскому крестьянину, ежедневно шел возделывать свое «морское поле».

К концу XVIII века тоня «Тетрина» уже стала из «живущих» промысловой. Живущая тоня представляла собой морской круглогодичный хутор, промысловая являлась сезонной. На тоню «Тетрина» приезжали на промысел в апреле на оленях. Оленей загоняли в загон на гору Летнюю, рядом с тоней (фрагменты изгороди загона до сих пор видны). Выезжали в деревню в декабре опять на оленях, которые паслись все лето в загоне. И распределялись тоневые участки теперь уже по жребью или с торгов на артель.

После революции тоня продолжала работать, а вот после Великой Отечественной войны из-за нехватки людей число работающих тоней сократилось; когда из-за оттока молодежи в 1960-х годах стали закрываться оставшиеся тони, тоня «Тетрина» прекратила свою работу одной из последних, в 1968 году. Тогда на ней рыбачили три человека. Жизнь на тоне затихла до 1999 года. Лишь иногда на тоневом участке выставляли свои сети рыбаки-любители или туристы.

Когда мы приехали на тонево́й участок в 1999 году, здесь просматривались только следы былых строений, еще не сильно заросшие. На месте избы стояли поросшие травой руины. Судя по срубам, это была большая тонева́я изба – только основной сруб 6 на 9 метров. Кроме фрагмента избы, на промысловом участке оставались: сруб ледника с обвалившейся крышей, нижняя часть поморского креста, полуразрушенный колодец, следы поварни,

обломки вешалов, остатки покаты́й (деревянные сооружения, по которым вытаскивали лодку на берег) и много следов других построек неустановленной принадлежности.

Также по всей тоне были обнаружены следы дюжины карбасов различных периодов постройки.

Так как тонево́й комплекс постоянно менял свой облик, выяснить, как он выглядел в XV, XVI, XVII, XVIII, XIX веках, практически невозможно. Новые постройки ставили на месте старых, обветшалых. Сейчас на месте прежней

тони остались следы лишь тонево́го комплекса начала XX века, с которого и началось восстановление.

На сегодня тонево́й комплекс состоит из 16 построек и сооружений бытового и промыслового характера. Все сооружения стоят на прежних, исконных местах.

У нас есть:

- бытовые постройки: тонева́я изба, баня, поварня, колодец;

- культовые: часовня, поклонный крест, звонница;
- промысловые: амбар, сетница, ледник, ворот, покати, вешала, флюгарка, коптильня, солеварня.

Каждое сооружение характерно для поморской промысловой жизни на тонево́м участке.

Первым делом был вновь поставлен поморский поклонный крест на месте старого, от которого осталась лишь нижняя сгнившая часть. Затем был найден и вычищен колодец.

Пришлось заменить старый сруб. До того как нашли старый колодец, в нескольких местах копали ямы до трех метров, но безрезультатно – воды не было. От старого ледника оставались только стены. И крыша, и накат были разрушены, все вместе с землей лежало внутри. Было вычищено помещение, заменены сгнившие детали, поставлены новые перекрытие и крыша. Все сооружение накрыли дерном, как это делали раньше. Лед сохраняется все лето, состоит ледник, как раньше, из трех отсеков: промышленного (самого крупного), бытового (поменьше) и прохладной прихожей. Наши гости, как и раньше, хранят в нем свои продукты

На месте промысловой избы оставался нижний венец сруба размером 6 на 9 метров, сруб фундамента русской печи и остатки крыльца. В Умбе удалось найти и купить строение 1930-х годов, соответствующее по размеру нашей промысловой избе. Его разобрали, перевезли на тону и поставили на место промысловой избы, там, где люди жили несколько столетий. Возможно, это уже 20-я или 25-я тоневая изба на этом месте со времени возникновения тони. Русская печь тоже поставлена на старом месте, на старом фундаменте.

При подготовительных работах мы тщательно осматривали и расчищали место, где прежде стояла изба. Локальные археологические обследования принесли много находок, говорящих о прежней жизни поморов на тоне – грузила от сетей, кибасы (грузило из бересты), скобель (нож для снятия коры), металлические детали печей, монеты, кованые гвозди и пр. Металлоискатель не помогал: толщина культурного слоя на этих местах минимальная, не больше четырех сантиметров, и за столетия хозяйственной деятельности он буквально пропитался всевозможными металлическими деталями и фрагментами изделий. Металлоискатель почти постоянно показывает наличие металла.

Снимать культурный слой значит его уничтожить, так как нежный верхний слой, накрывающий каменную подошву, очень тонок. Он формировался столетиями, а стереть его очень просто. Поэтому работы производились только по периметру строений. Тем более что

результаты раскопок археологов Н. Гуриной и А. Никитина выявили закономерность: на удачливых тонях прежде были древние стойбища лопарей, а еще раньше часто находились стоянки древнего человека.

В 2001 году на тоне «Тетрина» мы построили часовню, и владыка Симон освятил ее во имя Святого Варлаама Керетского. Святой Варлаам упоминается в житиях, в поморских песнях и сказаниях. Свою земную жизнь он завершил в скиту в Керети, в 60 километрах от тони «Тетрина».

Одним из важнейших исторических экспериментов, осуществляемых на тоне, является выпарка беломорской соли. Ранее солеварни стояли во многих точках Терского берега, в том числе на Тетринском наволоке (мысу). Но в 1563 году солеварня уже стояла «в пустее». В настоящее время, как и 450 лет назад на Тетринском наволоке, на тоне ведется выпарка беломорской соли. В полярную ночь, зимой, когда лед сковывает Белое море, вода

становится спокойной и чистой, а мороз усиливает рассол, в солеварне печь не гаснет сутками. Выпарка, как и в давние времена, ведется 24 часа в сутки, под постоянным контролем.

И как прежде на поморских столах, у экскурсантов после прогулки по тоне, перед миской с ухой стоит солонка с беломорской солью. Уха и иные рыбные блюда подаются в глиняной посуде, восстановленной гончарами по образцам из Старой Ладogi и Новгорода, и рыба в них та, что ловится напротив промысловой избы.

С 2000 года на тоне осуществляется и рыбодобыча – традиционный промысел терских поморов завесками и неводами. Это тоже часть поморской промысловой культуры. Историко-этнографический комплекс «Тоня Тетрина» постоянно пополняется предметами быта поморов. Восстановленные предметы продолжают свою практическую жизнь. Впечатления, которые получает человек на действующей исторической тоне, имея возможность многое сделать своими руками, несопоставимы с впечатлениями от традиционного музея. Это возможность услышать треск раскаляющегося бревна, из которого родится доска для карбаса или новой постройки. Возможность ощутить запах дегтя и тюленьего жира. Возможность попробовать ту соль и те блюда, что ели здесь поморы после возвращения из моря.

Есть понятие «намоленная икона», а есть – «намоленное место». Означает оно территорию, где находился храм, монастырь, где долго молились, трудились и жили. Тоню «Тетрина» тоже можно так назвать, ведь люди здесь работали, преодолевали трудности, вели промыслы, ходили на море и в лес. Вероятно, это была одна из тех тоней-старожилов, с которых началось освоение Кольского Севера, позднее названного частью Русского Севера.

История тони является отражением жизни и развития культуры поморов – русских людей, оказавшихся на Белом море. На тоне можно узнать об истории Кольского Севера от времен Новгородской республики до современности, о быте коренного населения – лопарей – и первых русских поселенцев. И все это – и сама тоня, и исторические эксперименты, которые здесь проводятся, – ради того, чтобы современный человек мог не только услышать историю, но и прикоснуться к ней, попробовать ее на вкус. Мы делаем дух времени осязаемым.

[К содержанию](#)

ВАСИЛИЙ ПАВЛОВ (РЕСПУБЛИКА КОМИ)

ДОМ КУПЦА ДМИТРИЯ (КУПЕЧ МИТРЕЙ КЕРКА)

*Василий Степанович Павлов –
коренной житель Республики
Коми, создатель музея
крестьянского коми быта в д. Дон*

Я сам родился в этом доме, хотя сейчас живу в Усть-Куломе. Дом начал разваливаться, и надо было принимать какие-то меры – или разбирать, или продавать. Разбирать – значит на дрова, а продавать – никто не купит. И тогда я решил сделать здесь музей.

Дом был построен в 1892 году моим дедом, Павловым Дмитрием Николаевичем. Потому и название с недавних пор такое – «Купеч Митрей керка», что значит «Дом купца Дмитрия».

Дом состоял из двух половин. Одна половина была зимняя, а вторая служила как гостевой двор – люди приезжали, ночевали: эта половина состояла из двух комнат, там были большие полаты. В 1937 году семью раскулачили, отца посадили на 10 лет, а мать – на 3 года. Все имущество забрали и выгнали семью из дома на улицу. Тридцать лет там никто не жил, все было опустошено.

Я начал реставрировать дом. Что-то из старого добра в нем сохранилось, еще я начал

собирать по деревне вещи, кто что принесет; одни за деньги приносили, другие – бесплатно.

Очень много вещей осталось от тещи. Так потихонечку все и собирается. В подполе случайно наткнулся на медную ендову, рукомойник такой же. В общем, стал собирать старинные вещи по деревням, много подобрал выброшенного за ненадобностью на свалках и развалинах. Сейчас у меня больше 1200 старинных предметов.

Любой из них можно потрогать и опробовать в деле. Среди экспонатов – иконы, всякая старинная домашняя утварь, одежда, охотничье снаряжение, приспособления для рыбной ловли – острога, сети, донки, «морды» и многое другое. Есть даже ткацкий станок. Причем у каждой вещи – своя история.

На данный момент музей посетило больше двух тысяч человек.

[К содержанию](#)

АННА МАКСИМОВА (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

МУЗЕЙ ДЕРЕВНИ ПСОЕДЬ

*Анна Борисовна Максимова –
дочь учредителя музея Б. И. Максимова,
руководитель музея деревни Псоедь*

На реке Саба стоит старинная деревня Псоедь, упоминаемая еще в новгородских летописях XV века.

Почти 10 лет назад местный житель, Борис Иванович Максимов, который родился и вырос в этой деревне, открыл удивительный музей без витрин. Сейчас его дело продолжает большая семья.

Музей «Деревня Псоедь» – это целый музейный комплекс, достаточно необычный. В комплекс входят: сама деревня, как своеобразный музейный объект; краеведческий музей, посвященный деревне, и окрестные достопримечательности – от древнего городища до старинной часовни XIX века.

Изначально музей задумывался для своих деревенских жителей, для сохранения памяти о предках, об истории деревни. Но постепенно в музей стали заезжать гости, туристы из окрестных деревень, а потом из Петербурга и даже из других городов нашей страны и из-за рубежа.

Музей оказался интересен для многих. А экскурсии стали проводиться не только по музею, но и по деревне и окрестностям.

Деревня, о названии которой существует своя легенда, интересна прежде всего своей типичностью.

Мы дали музею название: «Музей деревни Псоедь как типичной лужской деревни». Этим мы хотим подчеркнуть стремление отразить типичные черты, специфику именно Лужского края.

В ее судьбе, как в зеркале, отразились судьбы тысяч окрестных, лужских, и более далеких деревень, возможно, даже всей России, по крайней мере, Северо-Запада. Если бы, по словам поэта Николая Мельникова, поставить «памятник деревне на Красной площади в Москве», то в качестве «экспоната» можно бы взять Псоедь. В то же время – это сельское поселение со многими своими

достопримечательностями, нередко уникальными.

Краеведческий музей отражает не только прошлое, историю, но и настоящее деревни. В нем собраны традиционные экспозиции: орудия труда, обработки земли (соха, плуги, бороны, хомуты и т.п.), предметы деревенского быта (горшки, ухваты, кадки, деревянные шайки, ковши и т.п.), образцы деревенской одежды, обуви, ремесленные инструменты (ткацкий станок, токарный станок по дереву и др.).

Имеется уголок воинской славы, красный уголок с советскими плакатами и соцобязательствами, уголок пивоварения. Раньше по престольным праздникам в деревне варили пиво, поджидая гостей. С технологией производства и используемой при этом утварью можно ознакомиться в музее.

Почти у каждого предмета есть своя история жизни и появления в музее, которую с удовольствием расскажут на экскурсии.

Особенность музея в том, что есть действующие экспонаты – токарный станок по дереву, ткацкий станок, станок для изготовления дранки, старинная пилорама и другие, на которых можно поработать и немного почувствовать себя деревенским жителем.

Но главное отличие музея – это галерея жителей и их домов, жизнеописания людей, при этом не только знаменитых, но и самых рядовых, как ушедших от нас, так и живущих поныне.

Жизнеописания рассматриваются как самые ценные «экспонаты». Жизнь каждого человека – это частичка жизни страны, страничка общей истории. Мы назвали этот проект «Биография деревни» и считаем, что множество маленьких историй составляют большую многоголосую историю России.

В самой деревне также много достопримечательностей: это старинные деревенские дома, спасенная от разрушения часовня Флора и Лавра XIX века, «кресток» и место расстрела партизан.

В окрестностях деревни можно увидеть древнее городище XII–XIII веков, капище древнеславянского бога Волоса в виде огромного валуна, бывшую водяную мельницу и ГЭС, окопы гражданской войны, землянки партизан Великой Отечественной.

Вдоль реки Сабы расположились памятники природы – девонские обнажения, плотины и хатки бобров, барсучьи норы, наконец, озера, плотины, рощи – как плоды природо-преобразовательной деятельности одного оригинального местного жителя.

Для сельского туристского отдыха открыты живописные ландшафты, река – для рыбной ловли и катания на лодке, лес – для сбора грибов и ягод, охоты. Можно попробовать пожить по-сельски – рубить дрова, косить траву, сажать картошку.

В 2015 году музей стал победителем конкурса Фонда Владимира Потанина «Музейный гид». В результате у музея появился новый сайт и группы в социальных сетях. А в 2017 году музей стал победителем конкурса Фонда Тимченко «Культурная мозаика», благодаря чему был снят исторический фильм о деревне.

В процессе деятельности музея мы познакомились с другими частными музеями. Оказалось, что в Ленинградской области существует не менее 15 частных музеев такого типа, как наш, большинство из них пока не зарегистрированы и работают на свой страх и риск. С некоторыми музеями мы подружились и задумали создать Ассоциацию частных музеев Ленинградской области.

К содержанию

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ

ЛАРИСА ПЕРЕПЕЧКИНА (ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

МУЗЕЙ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

*Лариса Валентиновна Перепечкина –
директор музея Дружбы народов в г. Пыталово*

Наш музей еще достаточно молод, первых посетителей он встретил в 1986 году.

Интересно и необычно выглядит само здание, построенное в середине 1930-х годов. В тот период наш город и часть Пыталовского района входили в состав Латвийской республики (с 1920 по 1944 гг.), сам город с 1925 г. назывался Яунлатгале, а с 1933 г. – Абрене.

В конце 1920-х годов в нем началось строительство Яунлатгальской евангелическо-лютеранской церкви, которая была закончена и освящена в середине 1930-х годов. В послевоенное время с нее был снят купол, а здание использовали под складские помещения.

Многие старожилы помнят, когда в нем размещался кинотеатр «Спартак», спортивный

зал профтехучилища, а также музыкальный зал для дискотек. А сейчас в нем и находится наш краеведческий музей, а само здание является памятником регионального значения.

В 1985 г. при Пыталовском районном отделе культуры и культурно-спортивном комплексе была создана инициативная группа по организации районного музея. В ее состав вошли ветераны войны и труда, представители райкома КПСС и райисполкома, учреждений образования и культуры, общественности района. Возглавил ее руководитель общественного музея Бороусовской восьмилетней школы Н. А. Цветков. Группа занималась вопросами реставрации здания, сбором экспонатов для будущего музея.

В апреле 1986 г. для ветеранов войны и труда Пыталовского района по первым двум разделам экспозиции были проведены экскурсии. Фактически их можно считать «днем рождения» музея.

В то время в Пыталовском районе силами строителей из 12 советских республик был построен поселок Белорусский с современной инфраструктурой. Были налажены культурные связи с соседней Латвийской ССР, с Белоруссией. Поэтому музей тогда и стали называть музеем Дружбы народов. Это название актуально и сейчас, ведь Пыталовский район является приграничным.

Двадцать седьмого января 1987 года решением Псковского облисполкома Пыталовский музей Дружбы народов был передан Псковскому государственному

историко-архитектурному и художественному музею-заповеднику в качестве филиала.

А 22 апреля 1987 года произошло знаменательное событие в истории нашего города и района. В этот день состоялось официальное открытие нашего музея.

В первые годы работы в музее побывали многочисленные делегации: ученых в области сельского хозяйства из ВАСХНИЛ, творческих работников, краеведов по обмену опытом работы из музеев Лудзы и Балви (Латвия), культработников из всех уголков области.

Программа «погружения в среду и образ жизни предков» первоначально состояла из 10 экскурсий и была рассчитана на возраст 6–10 лет. В настоящий момент она состоит уже из 25 экскурсий и рассчитана на воспитанников детских садов (средняя, старшая и подготовительная группы) и учащихся 1–4 классов средней школы.

Тематика экскурсий очень разнообразна: дети узнают историю создания некоторых предметов – утюгов, самоваров, настольных ламп, знакомятся с процессами изготовления льняной ткани, берестяных и деревянных изделий, учатся писать и читать так, как это делали 100 лет назад.

Уникальность опыта реализации данной программы заключается в том, что музейные предметы используются именно как средства обучения. Некоторые экскурсии сопровождаются мастер-классами, а для воспитанников детских садов и учащихся 1–2 классов в конце занятия демонстрируется познавательный мультипликационный фильм.

Безусловно, детская аудитория традиционно является приоритетной категорией музейного обслуживания. Кроме того, сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения, что приобщение к культуре следует начинать с самого раннего возраста, когда ребенок стоит на пороге открытия окружающего мира. Поэтому именно для учащихся в нашем музее проводятся экскурсии, лекции, музейные уроки, встречи с интересными людьми и другие мероприятия.

Теперь хотелось бы немного рассказать о разделах нашего музея.

В разделе «Археология и история Псковского края (XVIII–XX вв.)» повествуется об археологических памятниках, торговых путях, проходивших по территории Пыталовского края, о взаимоотношениях кривичей и латгальских племен и их совместной борьбе против рыцарской агрессии.

В одной из витрин имеется наконечник латгальского копья, а также извлечение из летописи о строительстве одного из пригородов

Пскова – Вышгородка, который играл заметную роль в Псковской оборонительной системе.

В экспозиции также представлены карты археологических памятников и мест, о которых повествуют псковские летописи и «Ливонская хроника» Генриха Латвийского, остатки браслетов, изготовленных местными умельцами для продажи, топор для подсечного земледелия, обнаруженный в Вышгородке.

Работниками музея воссозданы два интерьера изб – русской (к. XIX – нач. XX вв.) и латгальской (1930–1940-е гг.), которые наполнены предметами быта того времени.

Следующий раздел посвящен событиям 1917 года и гражданской войне. Здесь представлены материалы, рассказывающие об уроженцах нашего края, участвовавших в большевистском движении и воевавших на различных фронтах гражданской войны. Часть документов и артефактов свидетельствует об участии в этих событиях латышских красных стрелков из состава 7-й и 15-й армий. На стенде помещены штык, сабля и элементы обмундирования, карта дислокации и боевых действий на Псковщине латышских красных стрелков.

По Рижскому мирному договору 1920 года часть территории Пыталовского района, включая сам город, вошла в состав Латвийской республики. Об этом историческом периоде нашего края рассказывают несколько стендов экспозиции. Здесь большое внимание уделено внешнему облику города и его строительству.

На фотографиях запечатлены виды улиц города Яунлатгале, храма Николая Чудотворца, школ Вышгородецкой волости и другие здания. Также материалы витрин свидетельствуют о развитии земледелия как основного занятия крестьян.

Jaunlatgale. Luter. baznīca.

Большой раздел музея посвящен событиям Великой Отечественной войны на территории Пыталовского края. Раздел открывают фотоматериалы и вещи воинов, погибших при отражении немецко-фашистской агрессии, найденные поисковиками района фрагменты оружия с мест боев 1941 года. Здесь же представлены копии документов на налоги и платежи 1941–1942 гг., существовавшие во время оккупационного режима.

Особое место отведено показу организации подпольного и партизанского движения на территории края. На витринах помещены фотографии участников, представлены образцы оружия, пишущая немецкая машинка с русским шрифтом, ордена и медали бойцов и уникальный объемный макет «Рельсовая война». Отдельные стенды раздела посвящены землякам – участникам Великой Отечественной войны, двоим из которых посмертно присвоено звание Героя Советского Союза – Николаю Ивановичу Юнкерову (1918–1943) и Михаилу Ивановичу Орлову (1918–1944).

Раздел «Район в годы восстановления народного хозяйства» рассказывает о трудностях, с которыми пришлось столкнуться демобилизованным воинам, вернувшимся домой. Город был разрушен на 40 процентов. Район был передан из состава Латвийской ССР Псковской области.

Задача восстановления района оказалась невероятно трудной, ведь некоторые населенные пункты были полностью разрушены. На стенде зафиксировано проведение коллективизации, субботников, первых посевных работ, а также представлены предметы личного обихода (бидон из гильзы, ковш из фляги).

О результатах тяжелой работы населения свидетельствуют фотоснимки изменившегося облика города.

Несколько витрин связаны с жизнью города и района на рубеже XX–XXI веков. Последние две витрины основной экспозиции Пыталовского музея рассказывают об известном уроженце края – президенте ВАСХНИЛ Александре Александровиче Никонове и о киносценаристе Валентине Константиновиче Черных, который несколько лет прожил в нашем районе.

В настоящий момент фонды Пыталовского музея насчитывают 10856 экспонатов основного и научно-вспомогательного фондов.

В начале 2000-х годов коллектив музея участвовал в конкурсах инновационных проектов по поддержке муниципальных музеев, проводимых Государственным комитетом Псковской области по культуре.

В 2003 году на территории Пыталовского района был реализован проект «Энциклопедия Пыталовских деревень». Сотрудники музея совместно с Пыталовской лабораторией социально-экономического развития села ВИАПИ, членами группы «Поиск-97», под руководством научного сотрудника музея, краеведа Николая Анатольевича Цветкова, провели историко-этнографическое и социально-экономическое исследование деревень и хуторов Пыталовского района. Итогом этих работ стало издание книги «История Пыталовских деревень».

Итогом второго проекта – «Отчий дом. Пыталовская деревня: связь времен и поколений» – стали одноименная выставка и выход книги «Материальная и духовная культура пыталовских крестьян XVII–XX веков», куда вошли обобщенные исследования, проведенные во время реализации проекта. За эту работу, признанную лучшим инновационным проектом, музей в 2007 году получил диплом Государственного комитета Псковской области по культуре и туризму. Данные краеведческие издания используют в своей работе учителя истории, работники музея и библиотек.

В 2008 году был реализован музейный проект «Пыталово – Абрене – Пыталово», в результате которого был создан одноименный сувенирный диск с виртуальной прогулкой-экскурсией по городу и оформлена фотовыставка в музее.

В 2012 году по результатам проекта «Храмы Пыталовского района» также был разработан сувенирный диск «Храмы Пыталовского района: прошлое и настоящее» и оформлены фотовыставка и выставка рисунков храмов, выполненная учащимися ДШИ.

В настоящее время сотрудники нашего музея по заявкам от посетителей проводят пешую экскурсию по улицам города и автомобильную – по храмам района.

В 2015 году Пыталовский музей участвовал в конкурсе детских интерактивных туристических программ, а в 2016 году – в конкурсе «Привлечи к себе туриста».

Совместно с отделом образования администрации Пыталовского района музей организует ежегодную районную краеведческую конференцию им. А. А. Никонова, постоянно работает в тесном контакте с районной библиотекой, Советом ветеранов войны и труда. В музее периодически организуются выставки работ учащихся. Для ветеранов войны и труда совместно с работниками районной библиотеки в течение года организуются тематические вечера, посвященные Дню снятия блокады, Сталинградской битве, Дню памяти и скорби, Дню Победы.

Музей постоянно сотрудничает с местными краеведами. Николай Анатольевич Цветков, член Союза краеведов России, основатель музея, принимает активное участие в музейных проектах как научный консультант, участвует в музейных мероприятиях. Неоднократно сотрудники музея организовывали презентацию его новых книг и встречи с жителями нашего города. С Николаем Александровичем Васильевым, методистом ДДТ и краеведом-любителем, мы регулярно обмениваемся исторической информацией. Николай Александрович как научный руководитель учащихся школы принимает активное участие в районной краеведческой конференции имени А. А. Никонова. Сотрудники музея также оказывают методическую помощь учащимся школ района при написании работ краеведческого характера.

Если подводить итоги, скажу так: музей существует уже более 30 лет, посетители приходят постоянно, и мы твердо знаем, что делаем нужное дело.

[К содержанию](#)

МУЗЕИ ГОРОДСКОГО БЫТА

ОЛЬГА САПАНЖА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

МУЗЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕНИНГРАДА

Ольга Сергеевна Сапанжа – директор музея «XX лет после войны», доктор культурологии, профессор кафедры художественного образования и декоративного искусства РГПУ им. А.И. Герцена

Частный музей «XX лет после войны. Музей повседневной культуры Ленинграда 1945–1965 гг.» в августе 2018 года отметил свое четырехлетие. Музей был образован на основе частной коллекции Натальи Баландиной – петербургского коллекционера и культуролога,

на протяжении многих лет собирающей предметы быта ленинградцев.

Концепция музея, открывшегося в августе 2014 года на Васильевском острове, отражает, с одной стороны, общий интерес к пространству повседневности, который сегодня становится мейнстримом научных исследований и

просветительских проектов, а с другой стороны, отражает важную тенденцию развития музейного пространства XXI века, связанную с появлением частных малых музеев и микро-музеев.

Микро-музей можно определить как музей (реже – учреждение музейного типа), который реализует все направления музейной деятельности (собираТЕЛЬская, научно-фондовая, экспозиционно-выставочная, образовательная) в условиях сверхограниченных ресурсов (финансовых, человеческих, административных).

Именно к такому типу музея относится музей «XX лет после войны». Человеческие ресурсы невелики: штат музея составляют три сотрудника (директор, главный хранитель, музейный педагог), которые решают весь спектр задач, связанных с функционированием и развитием музея. Площадь музея также невелика: общая площадь составляет 80 кв. метров, из них экспозиционно-выставочное пространство занимает 50 кв. метров, а 30 кв. метров отведены под фонды и административную часть.

Музей расположен в бывшей коммунальной квартире, в доме на 4-ой линии Васильевского острова, на последнем, пятом, этаже многоквартирного дома. Здание, в котором

расположен музей, является памятником архитектуры: в 1835 году на месте деревянных построек по заказу вдовы ювелира Гемилиана был построен трехэтажный доходный дом. После революции дом был надстроен двумя этажами, и в новые квартиры, которые сразу стали коммунальными, въехали жильцы.

В одной из них – квартире № 11, расположился музей.

Дом уцелел в годы блокады, и после Великой Отечественной войны в нем продолжали жить несколько семей. Квартира состояла из четырех комнат, длинный коридор вел в туалет и на общую кухню. В каждой комнате жило несколько человек, но эти условия были неплохими, так как после войны многие ленинградцы жили в бараках или в домах, пострадавших от артобстрелов и пожаров.

Однако концепция музея связана не с музейной презентацией коммунального быта и жизни коммунальной квартиры. Задачи музея иные – это музейный разговор о пространстве повседневности, воплощенном в вещах.

Это диалог вещей, окружавших ленинградцев в послевоенное двадцатилетие. Интерес к «советскому» сегодня достаточно велик, но разговор чаще ведется об общем пространстве советского быта. Между тем, период 1945–1965 годов был периодом со своей эстетикой и философией повседневности, существенно отличной от повседневности позднего советского периода.

В 1965 году официальным государственным праздником становится день Победы, с этого момента возможен разговор о минувшей войне, снимаются фильмы, возводятся мемориалы, чествуются ветераны.

Предшествующее этой дате двадцатилетие – жизнь после войны, но без официального оформления представлений о войне и Победе, без официального признания подвига, совершенного миллионами фронтовиков. Эпоха двадцатилетия после войны сложна и противоречива – это и период нормализации быта, и продолжение репрессий, и начало «оттепели», и ее окончание.

Об этом сложном периоде рассказывают вещи, наполнявшие повседневную жизнь ленинградцев, свидетели послевоенной истории. Экспонаты объединены в тематические разделы: «мир детства», «мир школы», «мир женщины», «мир мужчины», «мир дома».

Мир советского детства представляют игрушки, школьные принадлежности, учебники. Мелкая пластика, являвшаяся частью интерьеров ленинградских квартир, представляет характерные типы эпохи: школьницу с книжкой, девочку с мишкой, юного пограничника с собакой.

Игрушки дают представление о том, в какие игры играли советские дети: игрушечная посуда, швейная машинка, мясорубка, игрушечная пушечка для мальчиков, целлулоидные пупсы и персонажи сказок (таких как «Старик Хоттабыч» и «Приключения Чиполлино»).

Многие игрушки носили практический характер и были своеобразными пособиями по домоводству. Игрушкам, дающим определенные умения и навыки в быту, уделялось много внимания. Швейная машинка, утюжок, маленькая мясорубка – все эти игрушки должны были помочь девочке стать хорошей хозяйкой.

Популярным героем русских сказок был медведь. Этот образ нашел отражение в игрушках (заводной мишка, плюшевый мишка) и фарфоре. Эта тема находит продолжение в тиражировании образов картины И. И. Шишкина «Утро в сосновом лесу» на открытках, пластмассовых коробочках, фелдоскинских

шкатулках. Сказочные образы тиражировались в мелкой пластике – недорогих статуэтках, выпускавшихся на Ленинградском заводе фарфоровых изделий (ЛЗФИ), таких как, например, произведения А. А. Киселева «Иван Царевич и Царевна Лягушка», «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», «Иван Царевич и Жар-птица».

Эти статуэтки мог позволить себе каждый ленинградец, и именно они стали важнейшим элементом советского интерьера.

Своеобразным символом времени стала школьная форма, введенная в 1948 году. Изображения советских школьников мы можем обнаружить на открытках и в журналах, в мелкой пластике и даже на жестяной банке с шоколадом. И на учебниках – букваре, учебнике русского языка, учебнике по рисованию – школьники в парадной и повседневной форме.

Особого внимания заслуживает пряжка от ремня школьной гимнастерки, покроем напоминавшей военную, на которой красуется буква «Ш». Ученики ремесленных училищ носили пряжки с буквами «РУ». В зависимости от возраста, успехов в учебе и участия в общественной жизни школьную форму украшали октябрятская звездочка, пионерский значок и галстук, значок члена ВЛКСМ.

Современному школьнику не всегда понятно назначение школьных принадлежностей, представленных в музее: ручки с перышком, «чернильницы-непроливашки», деревянного пенала, карандашей и перочинного ножичка.

С наступлением мирной жизни жительницы Ленинграда начинают создавать особый мир

дома и свой собственный образ. Предметы, отражающие образ женщины послевоенного двадцатилетия – это статуэтки, флаконы духов, пудреницы, парфюмерные и косметические наборы, сумочки, перчатки, предметы для рукоделия, вырезки из журналов с модными силуэтами сезонов.

Важное значение имели предметы сервировки стола: от граненых стаканов до фарфора частных заводов, переживших революцию и войну. Фарфор выпускался Ленинградским фарфоровым заводом, Дмитровским заводом в Вербилках, Дулевским фарфоровым заводом, заводом «Пролетарий» и другими. Интерес представляют и приборы, практически вышедшие из обихода: щипчики для колки сахара, латунная ступка с пестиком, чугунный утюжок, стакан с подстаканником.

Важная составляющая музея – это мемориальная часть. Поскольку музей «XX лет после войны» посвящен быту и жизни рядовых ленинградцев послевоенного двадцатилетия – рабочих и служащих, в музее воссоздана одна из комнат обыкновенной коммунальной квартиры. Это комната учительницы истории одной из ленинградской школ, в которой представлены типичные для начала 1960-х годов предметы мебели: панцирная кровать, книжные шкафы, этажерка, круглый стол. В книжных шкафах – книги: литературная классика, Большая Советская Энциклопедия второго, сталинского, издания, книги по истории, поваренные книги и книги по домоводству.

Некоторые вещи более ранние – дореволюционный комод и сундук, которые вполне могли находиться в коммунальной квартире. За круглым столом учительница принимала пищу, готовилась к урокам, читала, шила, принимала гостей. На этажерке приготовлен чайный сервиз – типичный для этого времени. Гости могли играть в домино, рассматривать альбомы с фотографиями, могли и потанцевать под патефон.

Сочетание мемориальной части и свободного от бесконечных этикеток и сопроводительных текстов пространства диалога вещей является основой музейного разговора о повседневной культуре 1945–1965 гг.

Этот разговор реализуется в целом ряде программ. С самого своего создания музей «XX лет после войны» стал активным участником городских музейных проектов – Форума малых музеев, Фестиваля детских музейных программ «Детские дни в Санкт-Петербурге», акции «Ночь музеев».

Кроме того, музей реализует собственные проекты. В 2015 году впервые в музее состоялась межвузовская студенческая научная конференция «Сделано в Ленинграде» из цикла «Музейные кейсы». В апреле 2018 года конференция прошла в четвертый раз. С 2017 года музей проводит ежегодную конференцию цикла «Русские сезоны» и советская повседневная культура». Рекреационный компонент музейных программ представляет программа «Вечер в Ленинграде».

Пространство повседневности понятно каждому. Возможно, именно ответ на вопрос «Как жили люди?» заставляет людей приходить в музей и вести разговор с вещами, которые способны ответить на многое. Музей «XX лет после войны» – один из таких камерных музеев, сохраняющих память.

К содержанию

АЛЕКСАНДР БЫЧЕНКО (КАЛИНИНГРАД)

МУЗЕЙ-КВАРТИРА «АЛЬТЕС-ХАУС»

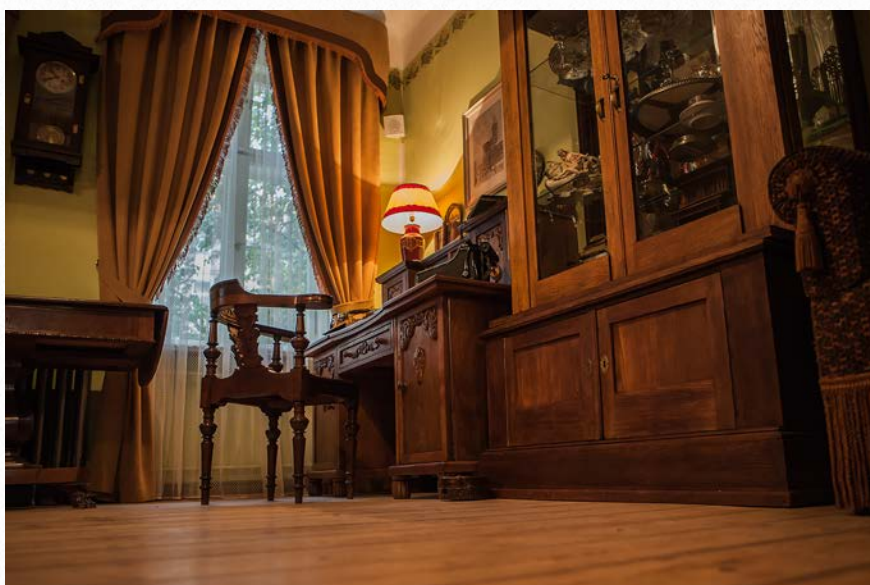

*Александр Игоревич Быченко –
коллекционер, учредитель и директор
музея-квартиры «Альтес-хаус»*

Все началось с увлечения, моего и моей супруги Натальи. Примерно 15 лет назад мы увлеклись старинными вещами. Нельзя сказать, что мы не коллекционеры, нам просто нравилось окружать себя какими-то красивыми вещами, которые имеют, на наш взгляд, душу, которые несут в себе энергетику тех людей, которые ими раньше пользовались.

Постепенно наш дом начал превращаться в склад, в котором этих вещей становилось все больше и больше, и мы в какой-то момент решили сделать у себя дома ремонт, чтобы гармонично разместить все эти вещи друг с другом. И начали искать съемную квартиру, так как ремонт был такого масштаба, что проживать в доме во время ремонта было невозможно.

Мы вчетвером – я с супругой, наша дочь Дарья, и наш большой пес, бернский зенненхунд, порядка 40 с лишним килограмм большая волосатая собачина, – долго искали себе жилье. Именно с этой собакой нас, к сожалению, не хотели пускать ни в какое съемное жилье.

Долго промучившись, я вспомнил про своего старинного знакомого, Владимира Николаевича, человека, тоже увлеченного стариной и антиквариатом. Он не из Калининграда, но часто по делам службы приезжал сюда и за несколько лет до нашего знакомства купил себе гостевую квартиру, на улице Пугачева, на первом этаже, в доме 1907 года постройки, в котором достаточно была большая степень аутентичности.

Люди, которые жили в этой квартире, бережно относились к немецкому наследию. Может быть, если без громких слов – просто жили небогато, и были аккуратными ... В общем, в этой квартире сохранились полы, окна, двери, печи, и много чего еще именно в том виде, в котором все там было в сорок пятом году. Он там сделал ремонт, скорее даже – реставрацию. Обставил все это пространство немецкой старинной мебелью, в шкафах стоял мейсеновский фарфор...

Потом эта квартира долгие годы простаивала, мы с хозяином познакомились как раз на почве нашего увлечения старинными вещами – что-то я у него покупал, какими-то вещами мы обменивались, и я знал, что он уже какое-то время проживает не в Москве, а в Крыму – ему пришлось туда уехать по семейным обстоятельствам, и эта квартира у него простаивала и он хотел ее сдать. Ну, кому ты сдашь квартиру, которая битком набита антиквариатом? Меня он знал давно, и, в общем, с радостью нам эту квартиру сдал.

Буквально на второй день после того, как мы переехали в эту квартиру, к нам пришли посмотреть на «немецкую квартиру» наши друзья и знакомые. И не прошло недели, чтобы кто-нибудь из их знакомых, из знакомых их знакомых не приходил к нам посмотреть, как же жили немцы до войны. А потом они начали приглашать своих иногородних знакомых, которые имеют свойство задавать вопросы...

А мы, к сожалению, не могли ответить на многие из них, так как до переезда в эту квартиру, в общем-то особенно историей Кенигсберга, да и в принципе историей не очень сильно увлекались. Вещи нам нравились, но нравились именно с точки зрения пользования ими, а не изучения их истории, не

искусствоведческих нюансов или чего бы то ни было еще.

Но тут мы начали читать книги, знакомиться с людьми, которые разбираются в этих вопросах, чтобы, не ударив в грязь лицом, рассказать гостям хоть какие-то достоверные сведения о нашем городе. И каждый второй нам заявлял: ребята, да у вас как в музее!

В общем, мы начали водить экскурсии по этой квартире, еще даже не помышляя ни о каком музее и ни о какой музейной деятельности. Прожили мы в этой квартире магические девять месяцев. И после того как ремонт в нашем доме был закончен, мы квартиру вернули владельцу, сами вернулись к себе. Но чего-то не хватало, как-то мы уже свыклились с той квартирой. И я решил продлить аренду этой квартиры, ну а что делать в этом помещении, мы себе совершенно не представляли.

Появилась идея устроить там антикварный салон, и для того, чтобы привлечь туда клиентов, я предложил вести там экскурсии. Начали себя рекламировать через социальные сети, активно в это дело включилась моя супруга. И вот мы начали проводить уже, я бы сказал, полноценные экскурсии по этой квартире.

Но попасть к нам можно было только по предварительной договоренности, созвонившись; никакой фиксированной платы за вход мы не брали: в коридоре на зеркале стоял цилиндр – и кто сколько считал нужным, тот столько денег и бросал в этот цилиндр в оплату за наши рассказы.

Все больше и больше людей интересовалось нашим музеем – так как уже где-то через полгода стало понятно, что это музей, потому что ничего из того, что мы планировали продавать в этом помещении, не продавалось, а люди приходили исключительно для того, чтобы посмотреть на предметы быта, повседневности конца XIX – начала XX веков.

Нужно сказать, что сама концепция музея, видимо, родилась совершенно случайно, и мы интуитивно почувствовали то, чего, может быть, не хватает в современных «больших», государственных музеях. А не хватает именно какой-то обжитости, не хватает душевности. Мы в своем музее разрешаем трогать все вещи и

рассказываем о них с точки зрения людей, которые знают, как ими пользоваться.

Многими вещами, подобными тем, которые у нас есть в музее, мы пользуемся у себя дома. У нас нет ограждений, нет каких-то витрин, нет строгих бабушек-смотрительниц. В общем, вы попадаете в гости и смотрите на жизнь людей сто лет назад изнутри.

Через полгода мы поняли, что занятие музеем занимает все наше свободное время и на семейном совете приняли решение, что мы будем продолжать это дело. Попытались выкупить у владельца квартиру – к сожалению, нам это не удалось, поэтому на соседней улице, на улице Красной, дом одиннадцать, мы приобрели трехкомнатную квартиру, расселили, можно сказать, коммуналку и в ней в течение года сделали реставрацию, обставили мебелью, аутентичными вещами и через год переехали по новому адресу. И теперь «Альтес-хаус» находится, повторюсь, на улице Красной, дом одиннадцать, квартира один.

Наш музей посвящен именно старинному быту. Сегодня многим людям зачастую трудно себе представить жизнь сто лет назад, а уж тем более представить себе назначение некоторых предметов, которые были абсолютно обычны в быту еще совсем недавно. И именно эти удивительные вещи составляют основу нашей экспозиции.

Экскурсия по музею длится порядка часа, и мы за время этой экскурсии не только рассказываем о каких-то обычаях, об образе жизни, но и задаем вопросы нашим гостям: как они думают, для чего служили те или иные предметы. Нередко наши гости угадывают их назначение, но очень часто нам приходится им раскрывать эту тайну.

В музее мы проводим три экскурсионных сеанса в день: в 11, в 13 и в 15 часов. Летом мы еще вводим дополнительные сеансы, в зависимости от потока посетителей.

В основном наши клиенты на сегодня – это гости города, которые приезжают в Калининград посмотреть, прежде всего, то, что осталось от Кенигсберга. Мы активно ведем себя в Интернете, у нас есть группа в «ВКонтакте», группа в «Фейсбуке», у нас есть аккаунт в «Инстаграмме», вот через них и находит нас большинство клиентов, хотя у нас очень высокий рейтинг на сайте «ТрипАдвайзер», на «Гугл» и на «Яндекс».

В общем, если вы «забьете» в «поисковике» слова «музей-квартира в Калининграде», с высокой долей вероятности в ответе «поисковика» на этот запрос мы будем занимать одну из самых первых строчек – если не самую первую. Плюс мы, конечно, рекламируем себя через гостиницы, у нас есть рекламные флайеры, которые мы распространяем через хостелы, гостиницы, в ресторанах можно найти наши рекламные листовки, и, конечно, в Калининградском информационном центре министерства по туризму и культуре, во всех его филиалах – не только в Калининграде, но и в Светлогорске, в Зеленоградске и т.д.

Мы сотрудничаем с туристическими фирмами, которые организуют отдельные посещения нашего музея. Сотрудничаем с индивидуальными, частными гидами. В общем, все очень просто.

В коллекции нашего музея нет особенно редких предметов, которые бы были бы желанны в «больших» и серьезных музеях. Может быть, разве что несколько каких-то вещей, но они не столько имеют высокую стоимость, сколько ценны именно для нас. Хотя некоторым музеям они тоже были бы интересны с той смысловой нагрузкой, которую они несут.

Например, совсем недавно наши музейные коллеги из музея в Гатчине посоветовали нам одного антиквара, который продавал интересный кубок из Кенигсберга – посеребренный, на котором нанесена надпись и изображены велосипедисты. В общем, как мы выяснили, этот кубок был подарен, если мне память не изменяет, в 1899 году сотрудниками частной почты «Ханза» своему директору в честь 5-летия открытия этой самой почты в Кенигсберге. Очень интересный артефакт, и благодаря ему мы много узнали об этой частной почте и о том, как она работала, о том, как она открылась, как она закрылась. И вот он является одной из жемчужин нашего музея.

А в основном это вещи достаточно простые – имеется в виду, недорогие, но весьма любопытные по назначению. Чего только стоит венчик для удаления газов из бокала с шампанским... Или очень элегантная зубочистка, которую носили на шее дамы, когда выходили в свет. И таких вещей у нас достаточно много.

Именно эти экспонаты вызывают наибольший интерес у посетителей.

Обстановка музея полностью аутентична. В нашем музее сохранились оригинальные полы, оригинальные двери, все окна, все подоконники – оригинальные.

Нам очень повезло: в то время, когда мы делали реставрацию помещения, в доме напротив некие люди купили мансардную квартиру, и когда они начали там менять окна, они нам просто их отдали. А окна оказались абсолютно идентичными нашим, потому что застраивала этот район одна берлинская компания, и стандарты окон, дверей у них были одни те же во всех домах. И нам удалось полностью все окна оснастить оригинальной фурнитурой; там, где были утрачены оригинальные рамы, мы поставили оригинальные. Прямо большое счастье.

Мебель вся конца XIX – начала XX века, европейская, в основном – немецкая. Есть и голландская немножко, есть пара вещей французских, но это, я думаю, допустимо. Печь, которую мы восстановили на месте старой печи, тоже сделана из старой немецкой печи – вернее, из трех: корона – это от одной, кафель – от другой и дверка чугунная, литая, красивая, в югендштиле, в стиле модерн, – от третьей печи.

Все вещи, которые мы демонстрируем, только оригинальные. Мы до такой степени постарались сохранить аутентичность, что унитаз у нас в санузле – девятнадцатого века, английский, раковина – «Виллерой энд Бох» 1910 года, с краном, со всеми чудесами. Бачок сливной на унитазе – тоже оригинальный, кенигсбергский, купленный нами у сборщиков металлолома. У них же мы купили батареи – тоже из Кенигсберга, с терморегуляторами, на которых есть надпись, что это кенигсбергские.

Единственно, что у нас не оригинальное, имеется в виду – не старое, это шторы. Но, к сожалению, текстиль похожий мы не смогли найти на все окна, и поэтому заказали его в специальной фирме, которая занимается изготовлением штор. Цветовая гамма, бордюры, нарисованные сверху стен – все это взято из специальных сборников, в которых публиковали популярные в конце девятнадцатого и в начале двадцатого века орнаменты, которые рекомендовалось наносить на стены.

Нам помог профессиональный декоратор выбрать цвет – цвет именно стен. Почему? Потому что все-таки мы не дизайнеры. Я знал, например, что очень моден был зеленый, но какой именно зеленый? Оттенков же очень много, и нам пришлось достаточно долго изучать этот вопрос по старым рекламным проспектам, потому что в цвете информации очень мало. Почитав и посоветовавшись с профессионалом, выбрали именно такой оттенок зеленого, который сейчас есть у нас на стенах.

Интерьеры в основном были взяты из рекламных проспектов продавцов мебели того времени, хотя вот историк моды Александр Васильев, с которым мы поддерживаем давние и теплые отношения, посоветовал нам немецкий журнал «Кунст», «Искусство», который издавался в Германии как раз на рубеже веков. Мы смогли купить в Интернете несколько номеров этого журнала.

Там нашлись, к счастью, примеры интерьеров того времени, с мебелью, и декор, что очень сильно помогло нам в том, чтобы воссоздать именно ту атмосферу, которая царила в квартирах простых горожан на рубеже веков. Где мы еще брали информацию? Кстати, сильно помогли нам фотографии, достаточно известная серия фотографий интерьеров петербургских квартир того же времени. В Интернете они есть, и вот мы сидели, разглядывали их с лупой, очень нам это понравилось.

В нашем музее нет каких-то особенных запретов. Понятно, мы всегда предупреждаем наших гостей, что вещи – старинные, достаточно уже пожившие и что относиться к ним нужно все-таки бережно. И большинство наших гостей понимает нас, и за все время работы у нас не было сломано практически ничего.

Кроме того, что мы проводим экскурсии в музее, мы давно, практически с самых первых месяцев нашей работы решили, что мы будем проводить в музее разные мероприятия. Теперь

два раза в неделю, в среду и в пятницу, у нас проходят некие действия.

Мы организуем лекции историков, искусствоведов, философов, мы устраиваем мастер-классы... скажем, росписи по фарфору, азиатской кухни или аутентичной немецкой кухни. Мы устраиваем концерты. Сейчас планируем открыть у себя в музее небольшой, камерный такой, театр.

К нам приезжают известные искусствоведы из Москвы, Петербурга, из Вильнюса и рассказывают о вещах, которыми пользовались в конце XIX – начале XX века, об обычаях, которые были приняты в то время в дворянской среде или же среди простых людей.

Мы организуем путешествия по Калининградской области и ближайшему зарубежью, связанные с древнейшей историей нашего региона, так как в круг наших интересов входит не только эпоха рубежа девятнадцатого и двадцатого веков, но и то, что было на территории нашей области значительно раньше.

Мы сотрудничаем с археологами, с историками, и именно с ними мы путешествуем по области.

Нужно сказать, что наша автономная некоммерческая организация – она у нас зарегистрирована три года назад, называется АНО «Музей городской жизни», – уже получила несколько грантов на разные проекты, которые мы задумали. Первые два гранта мы получили от благотворительного фонда Владимира Потанина.

Один был направлен на написание концепции нашего следующего музея – мы решили создать квартиру советского периода: так как у нас есть довоенная квартира, решили, что сделаем теперь квартиру 1960-х–1980-х годов. И второй грант, в 2016 году, мы получили на создание туристического двухдневного маршрута по территории Калининградской области под названием «Янтарный путь от Балтики до Аквилеи», в рамках которого мы попытались ввести в туристический оборот те объекты, которые не очевидны, скажем так, на первый взгляд: прусские городища и прочие места, связанные с пруссами, которые жили здесь до прихода Тевтонского ордена.

Ну, и конечно, все, связанное с Тевтонским орденом: кирхи, рядом с которыми находился Янтарный суд, Янтарная резиденция Тевтонского ордена, традиционные места добычи янтаря на территории области... Все, что связано с добычей и продажей янтаря, который издревле добывался на территории нашего края и продавался потом по всему миру.

Идею создания будущего музея Калининграда советского периода, – который, как мы теперь уже знаем, будет называться «Дом китобоя», – поддержал в прошлом году Президентский фонд по развитию гражданского общества. Грант выиграл наш проект, он называется «Народный архив повседневности Калининграда», в его рамках студенты и школьники, которых мы обучили, под руководством социологов, историков и журналистов собирали интервью у жителей Калининграда 1960-х–1980-х годов о повседневности именно того периода. К сожалению, память о Калининграде, о советском Калининграде уходит еще, наверное, с большей скоростью, чем память о Кенигсберге. И мы все-таки хотим, чтобы эта память сохранилась.

Министерство по туризму и культуре Калининградской области, а собственно, в его лице и правительство Калининградской области, и губернатор, Антон Алиханов, поддержали наш проект и выделяют нам сейчас в пользование помещение в центре города, в котором мы и планируем создать этот музей.

Совсем недавно, буквально два месяца назад, мы выиграла очередной конкурс, опять же, благотворительного фонда Владимира Потанина, который называется «Музей 4.0. Технологии и инструменты». Этот грант тоже предназначен для создания того же самого музея, «Дома китобоя».

В наших ближайших планах открыть еще один музей – в следующем году, осенью. И мы, конечно, не остановимся на этом. У нас есть еще несколько идей для еще нескольких музеев, и мы хотели бы сотрудничать не только с калининградскими музеями и государственными органами.

Мы уже стали достаточно известны в России, дружим со многими музейщиками в других городах нашей большой страны, особенно сдружились с Владивостоком, с Приморским музеем, с его руководителем Виктором Шалаем, и у нас есть несколько хороших задумок, которые, я надеюсь, мы реализуем в течение следующего года.

[К содержанию](#)

ИСТОРИЧЕСКИЕ МУЗЕИ

ТАТЬЯНА НАМЕСТНИКОВА (ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР «САМОЛВА»

Татьяна Евгеньевна Наместникова – ученый секретарь Историко-культурного центра «Самолва» (д. Самолва, Псковская область).

История Центра началась 22 апреля 2012 года, когда в деревне Самолва был открыт первый частный музей в нашей стране, посвященный истории экспедиции, которую в 1950-е – начале 1960-х годов провела АН СССР с целью уточнения места Ледового побоища.

Его открытие совпало с юбилейной датой – 770-летием Ледового побоища. Именно здесь, в Самолве, находился штаб экспедиции АН, которую возглавлял генерал Георгий Николаевич Караев. Администрация Самолвовской волости выделила помещение

для музея – небольшую комнату в здании конца XIX века.

Создание музея инициировали три человека: Владимир Потресов, редактор отдела журнала «Наше наследие», участник экспедиции; Татьяна Наместникова, руководитель Регионального центра чтения Псковской областной научной библиотеки; Елена Гаврилова, учитель самолвовской школы.

Основу коллекции составили артефакты из семейного архива Потресовых. Ряд материалов был предоставлен участниками экспедиции: фотографии и фотоальбомы, дневники, личные вещи, предметы, найденные при раскопках.

С первых дней работы музей, помимо своей просветительской деятельности, принимал участие в культурных проектах и программах. Под эгидой музея в 2013 году был организован конкурс исследовательских и творческих работ школьников «Мой край Гдовский. По следам экспедиции». Сотрудники музея принимали активное участие в научно-практических конференциях, круглых столах, уроках истории, Чудских региональных, Международных Александро-Невских и Псковских международных краеведческих чтениях.

В 2014 году музей принял участие в проекте Русского географического общества «Доступная планета», а в июле 2015 года состоялась экспедиция к древнему городищу в районе Струг Красных. Это оказалось открытием: городище было неизвестно археологам и не внесено в кадастр археологических памятников Псковской области.

Таким образом, музей сразу стал не только местом хранения артефактов, но также культурным, просветительским и исследовательским центром. Несмотря на существенную удаленность от культурных и областных центров, низкое качество дороги, музей посещали соотечественники из многих регионов России, жители ближнего и дальнего зарубежья.

Такой интерес к теме, на наш взгляд, неслучаен: история одного из важнейших событий русского Средневековья, к сожалению, в нашей стране представлена крайне скупо.

Так, в Псковском музее-заповеднике и Гдовском краеведческом музее отсутствуют экспозиции, связанные с этим событием; много

лет решается вопрос о создании «Поля ратной славы» и музея-заповедника на Чудском озере.

В главном Историческом музее страны тема Ледового побоища представлена лишь артефактами в небольшой витрине. В то же время тема не дает покоя как специалистам, так и многим любителям истории и краеведам. Успешная деятельность музея истории экспедиции в 2014 году оказалась под угрозой из-за спора хозяйствующих субъектов в Самолве; появилась опасность потерять помещение.

Одновременно в результате трехлетней работы мы пришли к выводу, что в последнее время произошла смена парадигмы: речь идет о новом взгляде на Ледовое побоище как события войны 1240–1242 гг. Стало ясно, что экспозиция музея должна быть существенно расширена за счет новых открытий, полученных в результате научно-исследовательской работы, проводимой сотрудниками музея, новых артефактов, поступивших в фонд.

В результате было принято решение создать частное учреждение культуры. Был приобретен участок земли в Самолве – населенном пункте, в непосредственной близости к месту Ледового побоища, – и построено здание Историко-культурного центра. 5 апреля 2017 года к 775-летию Ледового побоища открылся Историко-культурный центр «Самолва», одно из первых частных учреждений культуры в СЗФО.

Сегодня в Центре созданы: музейная экспозиция, дискуссионная площадка (помещение для проведения семинаров, лекций, видеоконференций), уникальная научно-историческая библиотека, ведется сайт. Часть

экспозиций разместилась на прилегающей к зданию Центра территории.

Главный зал, рассказывающий о событиях на Руси в XIII веке, был открыт 5 апреля 2017 года. О Ледовом побоище знают все. Однако далеко не всем известно, что битва на Чудском озере – лишь заключительное победоносное сражение русско-ливонской войны 1240–1242 годов, развернувшейся на просторах средневекового Новгородского государства и что победа в

Ледовом побоище навсегда завершила агрессию крестоносцев – первую в истории полномасштабную войну между русскими и немцами. В результате победы на Чудском озере на многие века установилась граница

между западным католическим и восточным православным мирами.

Обо всех этих событиях рассказывает представленная в зале экспозиция (авторы идеи – Владимир Потресов и Татьяна Наместникова). Зал оформлен художниками Евгением Останиным и Татьяной Барышниковой. Реплики средневекового оружия предоставили Игорь Бухаров и члены Клуба исторической реконструкции и фехтования «Орден»; модели судов, саней, арбалета выполнил Александр Карсов.

Экспозиция малого зала рассказывает об истории комплексной экспедиции, организованной АН СССР в конце 1950-х – начале 1960-х годов под руководством

Г. Н. Караева. В экспедиции трудились десятки людей различных специальностей: археологи, гидрологи, исследователи топонимики, геологи, историки и др. Военные округа, пароходства безвозмездно предоставляли в ее распоряжение технику: самолеты, вертолеты, спецкатера. Аквалангисты и водолазы ДОСААФ обследовали дно озера, а группы туристов на байдарках занимались исследованием водных путей, которыми могли передвигаться русские воины под руководством Александра Ярославича.

В центре зала – макет останца Вороньего Камня с прилегающей к нему кладкой на дне Теплового озера. Основу экспозиции составляют артефакты, найденные при раскопках в Пнево и Самолве, коллекция наконечников стрел и копий, керамика XII–XIII вв., женские украшения, предметы быта; личные вещи участников экспедиции; приборы и инструменты, применяемые для исследований; модель вертолета, использованного при аэрофотосъемке береговой линии Чудского озера.

На втором этаже воссоздан (по воспоминаниям родственников) интерьер части избы крестьян Саловых, где в период летних работ жил руководитель экспедиции генерал-майор Г. Н. Караев. Материалы экспозиции рассказывают о жизни и деятельности военного историка, о деревне Самолва середины XX века, истории памятника Александру Невскому и дружине на горе Соколиха.

В специально оборудованном видеосистемой на 30 мест кинозале проходят встречи с учеными-историками, археологами, лекции для школьников, демонстрации документальных и исторических фильмов.

26 июня 2017 года в ИКЦ «Самолва» состоялся просмотр документального фильма режиссера Виталия Мельникова «На Чудском озере» («Леннаучфильм», 1959), благодаря которому каждый посетитель имеет уникальную возможность познакомиться с работой экспедиции АН СССР. На сегодняшний день его посмотрели более трех тысяч гостей Центра.

Основную часть уникальной научно-исторической библиотеки Музея истории экспедиции АН СССР, ставшей неотъемлемой частью ИКЦ «Самолва», составляют книги об истории Руси и пограничных государств в Средневековье, связанные не только с именем Александра Невского и событиями 1240–1242 гг., но и дающие представление о культуре, народных традициях, военном искусстве, вооружении, древнерусском быте, транспорте, ремесле, хозяйстве.

Наиболее полно представлена научная литература, часть фонда составляют книги по истории Пскова, Псковского края, Новгородской земли и сопредельных территорий, а также уникальные по своей патриотической направленности издания 1938–1945 гг.

Формировать фонд библиотеки Центра помогают учебные заведения, организации, отдельные граждане, среди них – Санкт-Петербургский и Псковский государственные университеты, Псковский археологический центр, Псковское отделение Союза краеведов России. Фонд библиотеки составляют более 400

экземпляров документов, около 200 электронных изданий. Активно занимается пополнением фонда библиотеки и наш учредитель – Александр Викторович Шмид.

В экспозиционном павильоне недалеко от здания Центра представлены: схема водных путей новгородцев в XIII веке; разборная байдарка А.С. Потресова, прошедшая водными путями от Новгорода до Чудского озера; автомобиль «Победа», на котором Георгий Караев с сыном Олегом и полковником Харламповичем совершил первый выезд в район поиска места легендарного сражения. Воссоздана полуземлянка жителя приозерной деревни XIII века и окружающее пространство, включающее рыбацкие лодки, сети, предметы крестьянского быта.

На прилегающей к Центру территории силами сотрудников музеефицированы жальниковые захоронения, раскопки которых велись во время работы экспедиции в конце 1950-х – начале 1960-х годов.

Просветительская деятельность Центра не ограничивается его стенами. По заказу учредителя ИКЦ «Самолва» Александра Шмида с 2016 года начались съемки документального фильма, завершённые 5 апреля 2018 года, к годовщине сражения. В фильме Владимира Потресова «Ледовое побоище. По следам забытой экспедиции» поэтапно восстановлены события русско-ливонской войны 1240–1242 гг., высказаны предположения о месте легендарной битвы.

Премьерный показ фильма состоялся 18 апреля 2018 года, в День воинской славы России, на телеканале «Спас»; повторные показы прошли 9 мая и 12 июня того же года. В популяризации отечественной истории нам помогает издательство «Пальмир», которое работает на отечественном рынке книгоиздания с 2000 года, а с 2015 года входит в состав Историко-культурного центра «Самолва». Первые издания, которые вышли «под шапкой» Центра, – серия брошюр, объединённых названием «Ледовое побоище» и воспроизводящих статьи участников экспедиции в сборнике «Ледовое побоище 1242. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища» (М.–Л., 1966).

В 2017 году, к 775-летию легендарного сражения, была издана книга Владимира Потресова «Ледовое побоище: правда, мифы, ложь».

В 2018 году ИКЦ «Самолва» порадовал читателей выпуском трех печатных изданий. Название путеводителя «Гдовский рай: путешествующему по Гдовской земле» подсказал дорожный знак, бережно «исправленный» на въезде в Гдовский район неизвестным путешественником, очарованным красотой этих мест.

В мае того же года вышло второе издание книги «Тайна Вороньего Камня» Владимира Потресова, вместе со своим отцом, А. С. Потресовым, участвовавшего в экспедиционном поиске, в результате которого был найден легендарный Вороний Камень.

А в июле вышла «Загадка Чудского озера» - расширенное и пересмотренное переиздание повести Г. Н. Караева и А. С. Потресова, причем дизайн книги переработан с сохранением особенностей первого издания 1966 года.

Сотрудники Центра – частые гости в библиотеках, учебных заведениях, а его деятельность не замыкается в экспозиционном пространстве. Она включает и организацию выставок художественных работ, презентацию книг, участие в конференциях, семинарах, организацию конференций.

Так, в июне 2017 года делегация ИКЦ «Самолва» по приглашению Общества русской культуры и просвещения в рамках программы Дней русской культуры в Латвии приняла участие в семинаре, проходившем в Юрмальском городском музее.

А в январе 2018 года в музее «Князь Александр Невский» состоялось открытие выставки ИКЦ «Самолва», на которое собрались известные историки, археологи, депутаты Законодательного собрания Санкт-Петербурга, курсанты Военно-космической академии им. Можайского, музейные работники, представители общественной организации «Кавалеры ордена Александра Невского», реконструкторы, профессорско-преподавательский состав кафедры истории Михайловской артиллерийской академии, ветераны и блокадники.

В апреле 2014 года был организован автопробег в память о Ледовом побоище. К этому событию был изготовлен макет историко-географической среды побережья Чудского озера на 1242 год. Жители Великих Лук, Пустошки, Острова, Пскова, Гдова, Сланцев не только увидели макет, но и познакомились с одной из версий событий войны 1240–1242 гг., изложенной Владимиром Потресовым, а также с историей создания Музея истории экспедиции АН СССР по уточнению места Ледового побоища. Завершился автопробег в Самолве.

В 2017 году в автопробеге, посвященном 775-летию победы Александра Невского и русских воинов в Ледовом побоище, приняли участие ученые СПбГУ, сотрудники ИКЦ «Самолва» и музейного комплекса «Князь Александр Невский». Маршрут прошел по городам и населенным пунктам Псковской, Ленинградской и Новгородской областей: Гдов, Копорье, Санкт-Петербург, Новгород, Порхов, Псков, Кобылье Городище, Самолва.

Постепенно налаживаем сотрудничество с туроператорами. В 2018 году туроператор «Атмосфера путешествий» включил в однодневный маршрут «Золотая легенда средневековой Руси» посещение ИКЦ «Самолва». Маршрут был признан брендовым, размещен на портале Ассоциации туроператоров и рекомендован федеральным туроператорам к реализации.

Показательным стал период работы Историко-культурного центра с апреля 2017 по октябрь 2018 года. Несмотря на отдаленность от основных трасс, «нераскрученность» территории, Центр посетило более 3,5 тысяч человек.

Двигаясь, как нам представляется, в нужном направлении, мы уверены, что работа музеев наподобие нашего способствует развитию территории, открывая путешествующим неизвестную им прежде географическую точку на карте России – ту малую величину, из которых складывается наше огромное государство с его многовековой историей.

[К содержанию](#)

ДМИТРИЙ ФИЛИППОВ (КАЛИНИНГРАД)

МУЗЕЙ »ПАРАД ОЛОВЯННЫХ СОЛДАТИКОВ«

*Дмитрий Юрьевич Филиппов –
учредитель и директор музея
исторической миниатюры «Парад
оловянных солдатиков» (Калининград)*

По образованию я – оформитель художественных работ и по совместительству, так сказать, занимаюсь коллекционированием оловянных солдатиков.

Несмотря на то, что солдатиками я «болею» с детства, очень плотно коллекционированием я занялся двадцать лет назад, т.е. вся моя коллекция была собрана за последние двадцать

лет, а предшествовали этому, конечно, мои детские увлечения – сначала лепка из пластилина солдатиков и не только солдатиков, потом еще бумажные человечки – они рисовались и склеивались в огромных количествах.

Брал материалы, которые были доступны, которые не нужно было покупать. Тем более в

магазинах солдатиков не так много было и они не соответствовали моим потребностям, так как в основном фабричная продукция относилась к Великой Отечественной войне, к революции, и на этом все заканчивалось.

А хотелось чего-то большего – солдат Суворова, Кутузова, богатырей с Куликова поля. Приходилось все это делать самому.

Затем появилась возможность покупать солдатиков в магазинах, как в отечественных, так и зарубежных. С каждым годом росло число фирм, производящих историческую миниатюру, рос ассортимент их продукции. Возрастало качество производства, осваивались новые материалы и технологии.

Я старался покупать все интересные новинки, собирал их, раскрашивал, доводил фигурки до какого-то конечного вида, чтобы они соответствовали нужной исторической эпохе. В итоге получилась огромная коллекция.

Историческая миниатюра – это произведение искусства. Она – результат огромного труда скульпторов и художников. Так что историческая миниатюра это не детская игрушка.

Между солдатиком, которого покупают себе дети, и тем, которого ты покупаешь или сам изготавливаешь уже взрослым, – такая же разница, как между детскими рисунками и произведениями известных мастеров.

Тем более, что историческая миниатюра – результат многолетних научных изысканий. Все элементы оружия, костюмы создаются на основе скрупулезных исследований историков, археологов и любителей военного дела. Скульпторы и художники стараются точно отобразить историческую реальность в своих работах.

Солдатики помогают понять особенности жизни того исторического периода, к которому они относятся. Это очень мощное увлечение, которое влечет за собой не только художественный подход к предмету, но и заставляет читать огромное количество литературы, общаться с историками, археологами, т.е. изучать огромный пласт истории по тому или иному периоду. В общем, интересное занятие

Идея музея возникла, конечно, не сразу и не моментально. К этому я долго шел, причем не один.

Коллекция разрасталась и разрасталась, в итоге сейчас в ней около 12 000 фигурок. Но солдатики не должны пылиться на полках, они оживают, когда мы смотрим на них. Еще мне,

как и любому художнику, хотелось, чтобы мои работы увидели свет.

Так возникла идея организовать выставку, а в дальнейшем – создать полноценный музей исторической миниатюры. Дома солдатики у меня хранились в коробках, а в музее появилась возможность представить их зрителям в виде диорам, посвященных историческим событиям нашей страны, города и т.д.

Диорамы хотелось сделать давно, но не позволяли домашние пространства, потому что площадь большинства диорам 6 кв. м. И вмещают они по несколько сотен миниатюр.

Вся семья теперь в восторге от папиных экспериментов. Таким вот образом мы веселимся.

Солдатики – захватывающая игра! Люди, которые занимаются солдатами, это люди, которые не просто ими любят, а занимаются воспроизведением различных сражений. А сражения – это накал страстей, мы как настоящие полководцы, все нужные эмоции налицо. Поэтому каждое игрушечное сражение проходит очень весело.

Начать мы решили с событий, которые происходили в Калининградской области. А здесь очень богатая история и есть над чем работать.

Это, в первую очередь, сражение при Гросс-Егерсдорфе, когда в 1757 году наша армия победила прусскую.

Кроме того, по XVIII веку у нас еще сделана Полтава, так как в Кенигсберге не раз бывал Петр I, которому очень нравился этот город и многие идеи для строительства Петербурга у

Расскажу забавную историю: к одной из исторической диорам я готовил пушки, полностью оловянные. И мне захотелось, чтобы это была действующая модель. Я решил поэкспериментировать – зарядил пушку порохом, все как положено. Произвели мы залп, в итоге в телевизоре образовалась дырочка небольшая, то есть пушка выстрелила и попала.

него зародились именно после посещения Кенигсберга.

Поэтому мы не могли пройти мимо фигуры Петра и создали диораму Полтавской битвы, правда, не такую масштабную, как хотелось бы. Изначально хотели охватить битву полностью, но, к сожалению, площади не позволили, поэтому только часть сражения удалось воспроизвести

возникла идея показать, с чего начиналось Смутное время и чем оно закончилось. Клушино мы сделали и будем делать диораму, рассказывающую о победе ополчения Минина и Пожарского под Москвой.

Вообще намечалось все так делать, чтобы показывались сражения начала и конца той или иной войны. Ведь есть очень много макетов итоговых сражений, где мы громим всех врагов,

а тех, которые изображают, с чего начинались вторжения на Русь, фактически нет ни одного. Хотя история, как известно, складывается из поражений и побед...

Есть, конечно, и «мирные» диорамы. Одна из таких диорам посвящена Калининградской области. Это вступление наших войск после победы при Гросс-Егерсдорфе в один из маленьких прусских городков.

Еще имеются два полотна (назовем так), посвященные истории средневековой Пруссии. С чего начинался захват русских территорий рыцарями Тевтонского ордена? Со взятия крепости Бальга. Вторая масштабная диорама – поселение Кауп, поселение викингов, основанное на территории нынешней Калининградской области, оно потом другими викингами было уничтожено. Сейчас я доделываю эту работу.

Кроме того, у нас сделаны небольшие диорамы по античности и по битве при Клушине.

Что такое битва при Клушине? Фактически это начало Смутного времени в нашей стране. Мы сейчас празднуем победу ополчения Минина и Пожарского, а с чего начиналось Смутное время, практически никто не знает. Поэтому

Там показаны жизнь и быт мирных жителей.

Помимо изготовления и раскраски солдатиков, приведения их в надлежащий вид, я занимаюсь еще созданием исторической атмосферы вокруг этих человечков: это сооружение домов, сельских построек, изготовление предметов сельского быта, создание ландшафта – кустики, трава и деревья, речки, ветряные и водные мельницы.

Это все тоже делается, делается вручную, изготавливается из различных материалов, тем самым создается целый мир – если хотите, мир лилипутов в стране Гулливера.

Еще в нашем музее можно не только изучить макеты и модели исторических сражений, но и побывать на дискуссиях по историческим сражениям и событиям прошлого вообще,

причем не только на территории Калининградской области. Приходят научные сотрудники, люди, которые заинтересованы в каких-то новых знаниях.

Недавно состоялись съемки фильма о Гросс-Егерсдорфском сражении, и наш макет, если можно так сказать, принял участие в этих съемках. Он помог более точно понять, как все происходило, потому что, сколько бы ни рассказывали, очень тяжело представлять все мысленно.

А солдатики открывают гораздо больше подробностей, рисуют картинку, понятную неподготовленному человеку. Это как стоп-кадр фильма, но ты еще можешь подойти и посмотреть со всех сторон.

На самом деле музей посещают все подряд, контингент абсолютно разный – от мала до велика, мужчины, женщины, дети, и все что-то находят для себя. Женщины больше воспринимают наши полотна как художественные произведения, именно как кропотливую работу художника, ведь миниатюры очень маленькие, в основном двух масштабов – так называемые 1:72 и 28 мм. 28 мм – это расстояние от стопы до глаз фигурки. Такой масштаб так и называется – 28 мм.

А 1:72 – соответственно, человечек уменьшен в 72 раза. Этот масштаб гораздо мельче, чем 28 мм, поэтому количество таких фигурок на поле гораздо больше. Но в масштабе 28 мм лучше видны мелкие детали, больше их количество.

Хотя на самом деле для мастера разницы нет – он в любом случае расписывает красиво и подробно. Есть размер еще меньше – 15 мм, и он тоже раскрашивается со всеми подробностями. Возможно, мы сделаем какие-то диорамы в таком размере.

Планы на будущее у нас наполеоновские. И не только потому, что мы собираемся делать наполеоновские сражения, которые происходили в Калининградской области – это два знаменитых сражения, при Прейсиш-Эйлау, сейчас это Багратионовск, и при Фридланде, сейчас – Правдинск. Эти сражения, конечно, хотелось бы сделать, и планы такие существуют.

Но так как помощником у меня только мой сын, все происходит не очень быстро. Мы стараемся делать масштабно и интересно, но работаем по-стахановски.

Например, нынешние 10 полотен мы фактически сделали за полгода. Я считаю, что это очень быстро – для таких масштабов. Если и дальше в таком темпе будем двигаться, наша выставка будет уверенно пополняться. Люди, которые к нам приходят, ждут пополнения коллекции; многие приходят уже не первый раз; и учителя с учениками, семейные пары и целые семьи с бабушками и дедушками.

Кстати, сама выставка находится в так называемых железнодорожных воротах. Это железнодорожные ворота, через которые в свое время проходили немецкие поезда. Со временем необходимость в этих железнодорожных путях отпала, и ворота остались архитектурным памятником той эпохи. Помещение небольшое, но нормальное – пока нам хватает.

К содержанию

АЛЕКСАНДР ТЕСТОВ, ТИМОФЕЙ ГРИГОРЬЕВ (ЛЕНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)
МУЗЕИ ЖИВОЙ ИСТОРИИ В БЕРЕЗОВО

*Александр Валентинович Тестов –
писатель, историк, идеолог музеев
живой истории*

*Тимофей Владимирович Григорьев –
руководитель музея живой истории
«Бьоркагард. Деревня эпохи викингов»*

АЛЕКСАНДР ТЕСТОВ

Начиналось все с моего глобального интереса к истории и с желания создать музей живой истории. Сама идея возникла у меня давно.

А в 2012 году волею судеб я оказался на берегах Ладожского озера именно в этом месте, где уже фактически была завершена и построена гостиница, туристический комплекс «Драйв Парк Ладога». Я высказал свою идею по созданию музеев живой истории управляющему

комплекса, и мою идею поддержали. С этого все и началось.

Музей живой истории – неклассический музей в фундаментальном понимании. Тут имеются три главных отличия.

Первое – музей живой истории есть воссозданный объект. Это не артефакт, не хранилище артефактов, это фактически, как иногда говорят, экспериментальная

археология. Мы строим музей по тем артефактам, которые нам достались от археологии, воспроизводим их, так сказать. Слова «экспериментальная археология» очень любят на Западе, у нас как-то больше прижилось выражение «живая история». Причем воссозданный объект – это не только здание, сооружение, но и все, что его наполняет; все воссоздается по музейным, по археологическим артефактам – костюмы, доспехи, вооружение и так далее.

Второе главное отличие музеев живой истории – они интерактивны, у нас нет ничего за стеклом, мы ничего не прячем от людей. Поскольку это не артефакты, а более или менее точные копии, у людей есть возможность ко всему прикоснуться, все потрогать руками. И не просто потрогать, а даже примерить на себя – ощутить тяжесть кольчуги, тяжесть сабли, топора и так далее.

Ну, и третий момент – мы практически не ограничиваем людей в фото- и видеофиксации экспонатов. Понятно, что в классическом музее это сопряжено с определенными требованиями к условиям хранения.

Первым проектом, в 2012 году, была деревня эпохи викингов Бьоркагард. Через два года мы достигли определенного уровня развития, потребовался второй музей. Им стала пограничная крепость – стрелецкий острог.

Фактически все наши музеи отображают, так или иначе, историю данного региона. Викинги здесь были. Стрельцы были? Были. Вот мы и построили стрелецкий острог – в 2014 году. Через три года сделали следующий шаг, к эпохе более к нам близкой, и создали музей живой истории «Пограничная застава Управления пограничных войск НКВД», посвященный событиям, которые происходили здесь в середине XX века. Это был ноябрь 2017 года, и сейчас три музея полноценно работают – в рамках концепции живой истории.

Что касается викингов, очень важно отметить, что у нас музей не просто викингов, а «эпохи викингов»! Эпоха викингов, VIII–XI века, это большое переплетение культур, большое переплетение народов, и наш музей в той или иной степени отражает историю славян, пришлого народа на этих берегах, и скандинавов, которые тоже пришлый народ, и карел – тоже пришлых... Здесь все пришлые! О коренном населении, саамах, известно крайне мало, до реконструкции их быта мы еще, к сожалению, не доросли.

Или взять стрелецкий острог... Понятно, что опираемся мы на стрелецкую службу как таковую, но стараемся показать историю чуть шире. Ведь стрельцы чем-то занимались, с кем-то взаимодействовали, а воевали в основном со шведами. Фактически стрелецкое войско перестает существовать в эпоху Петра Великого, но это не значит, что его взяли и распустили в один день. По дальним гарнизонам стрельцы еще долго несли службу, со своим старым вооружением, пока у Петра руки не дотянулись и до самых дальних уголков. В ту же Северную войну Петр вступил все-таки со стрелецким войском.

Пограничная застава – это вообще свежая история, можно сказать, вчерашняя. И болезненная, конечно. Тут у нас, на берегах Ладожского озера, кого только не было в Великую Отечественную войну: финны, немцы, даже итальянцы... Мы рассказываем от начала, от установления Советской власти, от возврата исконно русских территорий – да, прямо так, чего стесняться? Территория Карелии входила в состав Новгородского княжества, потом Новгород подчинился Москве. Финнам территория Карелии была подарена, финнов

сюда завезли шведы, на смену карелам, местному православному населению.

В мае этого года исполнилось шесть лет деятельности наших музеев на этом берегу. Считая чисто арифметически, начинали мы с одного музея, теперь их три, значит, мы развиваемся, на месте не стоим. Кстати, вот очевидный плюс частного музея – сама жизнь заставляет развиваться. В отличие от государственных, которые сидят и ждут каких-то субсидий и просто физически не могут себе позволить какие-то новые экспозиции, мы делаем то, что хотим. Хочешь развиваться – так развиваешься.

Наши музеи интерактивны не только потому, что здесь все можно трогать, но и экскурсии подаются особым образом, в игровой форме. Это не просто рассказ, а рассказ с показом. Наши костюмированные экскурсоводы – это, по сути, актерское мастерство, мы устраиваем такие маленькие представления, мини-спектакли для людей. Это, думаю, выгодно отличает нас от классических музеев.

Классические государственные музеи фундаментальны, они ведут научную работу, но подачу материала им надо совершенствовать. К современному посетителю нужно искать новые подходы. На карте Европы музеев живой истории полным-полно, а в России сколько? Я гуглил в 2012 году, музеев живой истории в России пять-шесть было. И половина из них – у нас в Березово! В маленькой деревне! Сейчас, конечно, я навскидку музеев 10–12 или даже 15, наверное, назову. Но в Европе-то их – под две сотни! От малюсеньких до целых рыцарских замков, которые строятся многие года, аутентичными способами. А мы только шумим: давайте развивать туризм! Ну, давайте...

Понятно, что молодежь выбирает наши музеи, ей они интереснее. Это не значит, что молодых не нужно водить в краеведческие музеи. Конечно, нужно. Но сами ребята больше тянутся к нам, потому что у нас интерактивно, у нас все можно посмотреть, потрогать...

С другой стороны, наши музеи и государственные – это как две руки. Есть правая рука, есть левая рука. Обе необходимы. В любом случае все музеи выполняют просветительские функции, дополняя друг друга, а не враждуют системно: мол, вот система частных музеев, а вот система государственных...

Перспективы у нас отличные! Формат живой истории будет развиваться. Если взять карту России, то сейчас, повторюсь, музеев живой истории уже более десяти. Каждый год по всей стране новые возникают. Частные или наполовину частные – точно не стопроцентно государственные, инициатива снизу идет, от граждан. Люди строят музеи для разных целей, в том числе для проведения фестивалей, для научно-просветительских мероприятий, образовательных и так далее. Если территория Европы в два раза меньше территории России, и на ней почти две сотни таких музеев, сколько надо нам? В общем, музеям живой истории надо быть, и их должно быть много.

ТИМОФЕЙ ГРИГОРЬЕВ

На острове в Ладожском озере мы устроили поселение эпохи викингов – такое, каким оно могло быть.

Мы организуем специальные программы погружения для тех, кто хочет почувствовать себя викингом, по-настоящему окунуться в ту эпоху, попробовать себя в ремесле, в жизни, в прикладных действиях, вплоть до разведения огня без помощи современных средств.

Мы показываем старинные технологии охоты, рыбалки, вместе изготавливаем какие-то простейшие орудия труда. Проводим мастер-классы по плетению сетей, изготовлению рыболовных крючков, острог...

В этом и состоит суть погружения, люди буквально за два дня, а кто хочет – и дольше, познают все тяготы и радости жизни в раннем Средневековье. Мы, конечно, телефоны не отбираем, не запрещаем фотографироваться, но основная часть времяпрепровождения здесь состоит в погружении в эпоху, в жизнь наших предков.

Вообще нами движут разные интересы – исторический, реконструкторский, просветительский... Бывает, когда другие рассказывают об эпохе викингов, то кое-что откровенно придумывают или излагают шаблонные знания, клише, от которых мы, наоборот, открещиваемся. Мы же стараемся показать, как все было на самом деле. Стараемся отойти от тех шаблонов, которые навязывает художественная культура, вроде рогатых шлемов. Наша главная задача – показать историю максимально приближенно к тому, какой она была.

Изначально была идея сделать музей, куда люди приходили бы за фактическими знаниями. Но мы все-таки не этнографы, мы себя позиционируем как прикладных историков. Реконструкция – это прикладная археология, и мы не сами по себе работаем, мы взаимодействуем с историками, например, с профессором Кирпичниковым.

Кстати, важно понимать, кто и зачем приходит в реконструкцию. Конечно, человек обычно идет к реконструкторам за острыми

ощущениями. А неопитов, так сказать, натаскивают на боевую составляющую исторической реконструкции: клубы, фестивали – они все ориентируются на «боевку», на зрелищность.

Но люди, проходя через «боевку», распределяются дальше; одни продолжают совершенствоваться – те, кому это действительно нравится, – а другим со временем становится неинтересно воевать. Тогда люди пытаются себя применить в ремеслах. Кто-то организует мастер-классы, кто-то начинает этим ремеслом зарабатывать. А кто-то, как, например, я, понимает, что одно ремесло он освоил, и берется за следующее – а потом до него доходит, что хочется чего-то еще, помимо ремесла.

Дальше идет непосредственная реконструкция материальной культуры, и возникает понимание, что увлечение стало образом жизни, которым хочется поделиться с другими. Тут, если хотите, есть некий элемент миссионерства – стараешься поведать другим то, что сам наработал, сам узнал. Может, прозвучит громко, но осознаешь, что нужно делиться, нужно пытаться людям показать и рассказать.

Разумеется, мы кое-что додумываем, потому что практическая археология, прикладная, от традиционной археологии отличается тем, что мы приходим, так сказать, потом: настоящий археолог достает вещь из земли и пытается ее как-то к типологии «подвязать», понять, что она

такое, а мы эту вещь воссоздаем и пытаемся понять, работает она действительно так или по-другому. В этом, собственно, мы с археологами друг друга дополняем.

ли не с пеной у рта доказывать, что, например, тот же Задорнов прав или какой-нибудь Фоменко... Но это взрослые! А дети – более благодарная публика. Они уходят отсюда с правильными знаниями.

В основном мы, конечно, работаем для людей, которым интересно, кто такие викинги, которые хотят узнать, кто такие викинги. Мы проводим детские программы, вообще стараемся в большей степени ориентироваться именно на детей. Дети – более благодарная публика, им все интересно и, что самое главное лично для меня, как для экскурсовода, как для человека, которому все это небезразлично, дети действительно узнают здесь новое.

История в учебнике, к сожалению, преподается не так и не в той мере, в какой ее следовало бы преподавать. Зачастую люди не знают банальных истин. А тут еще развелось очень много псевдоученых, которые считают, что вправе рассказывать об истории, но опираются при этом не на научные факты и изыскания, а на свои фантазии.

Значительная часть тех взрослых, кто приезжает сюда, начинает спорить, утверждать всякую ерунду, причем безапелляционно, чуть

Что приятно, даже большую часть взрослых удается переубедить. И эти люди, не все, но многие, если не меняют свой взгляд на историю, то, по крайней мере, усваивают еще одну ее версию. А кто-то даже удивляется: мол, вы нам рассказали много нового, мы такого не знали.

Раньше, когда все только начиналось, когда мы все строили, люди попадали в наши музеи только потому, что останавливались отдыхать в местной гостинице. Но постепенно, благодаря нашим усилиям, благодаря «сарафанному радио», люди стали приезжать специально, чтобы посетить наши музеи.

Конечно, большая часть посетителей попадает сюда проездом в сторону Рускеалы, но надо учитывать, что люди едут в Рускеалу, рассчитывая попасть сначала к нам. Обычно я спрашиваю посетителей, что их к нам привело. И с каждым годом все больше процент тех, кто говорит – а мы специально к вам ехали, нам сказали друзья, мы услышали по радио, мы

узнали оттуда-то... Люди везут детей, родственников.

Что далеко ходить – в этом году, в июне, на программе погружения были люди из Уфы! На секундочку – Южный Урал! Они задолго, за полтора месяца, запланировали поездку к нам. Сказали, что в следующем году приедут целой корабельной командой, со знакомыми и друзьями, чтобы пойти в поход по Ладого.

Изначально мы не рассчитывали ни на кого! Просто было понимание, что народ пойдет. И было четкое понимание того, что известность места и приток посетителей будут зависеть целиком и полностью от нас. Конечно, я ни в коем случае не помышлял, что поедут из Уфы. Думали, будут в основном Ленобласть, Петербург, Москва, но практически каждый год меня огорошивают тем, что, дескать, мы в отпуск собрались, хотим к вам приехать из Краснодар, Ростова, откуда угодно. Мы знали, что когда-нибудь так и будет, но не думали, что настолько быстро.

Вообще интерес к истории своей страны очевидно вырос. Понимаю, что дает плоды патриотическое воспитание и развитие реконструкторского движения, но радует, что и «сарафанное радио» очень хорошо работает.

Люди, уезжая от нас, не только выносят новые впечатления, но и делятся с друзьями, соседями, и те заражаются интересом.

Наши музеи, «Бьоркагард» и «Стрелецкий острог», включены в один из маршрутов «Серебряного ожерелья» по Ленинградской области. По-моему, это пятый маршрут, с посещением крепостей, Кексгольма и нашего острога.

Еще мы очень плотно сотрудничаем с Русским географическим обществом. Сейчас идет разработка «северного» маршрута, если мне не изменяет память, он называется «Земля Калевалы». Этот маршрут проходит через нас, через наш остров.

В общем, о нас знают, про нас пишут. Нас награждают медалями. Это положительная

тенденция развития просветительского туризма.

В этом году я увидел свой музей с высоты полета квадрокоптера и, надо сказать, был приятно удивлен: оттуда, сверху, все выглядит очень интересно и масштабно. Благодаря этой картинке, я четко понял, какие у нас планы на развитие. Мы себя позиционируем не просто как музей викингов, а как музей эпохи викингов, и хочется развиваться именно в направлении эпохи. Добавятся постройки других народов, других культур, которые проживали на территории нашего региона.

В планах строительство славянской избы, теплой, чтобы в ней можно было даже зимовать. Потом строительство бани, ведь среди славян был культ чистоты. Какое поселение без бани? Еще, конечно же, строительство разнообразных карельских построек – знаменитых амбаров на столбах, избышек на курьих ножках. А верх мечтаний – хотелось бы поставить саамский чум, из шкур. Это все будет на острове, на данной площадке. Всяческие культовые места тоже будем строить. Вот планы на ближайшие пять лет – расти, расширяться и воссоздавать историю.

[К содержанию](#)

РЕМЕСЛЕННЫЕ МУЗЕИ

НАДЕЖДА ТОКАРЕВА (ВОЛОГОДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

ИНТЕРАКТИВНЫЙ МУЗЕЙ «ГАЛИНСКИЕ ПАРУСА»

*Надежда Сергеевна Токарева –
руководитель музейного проекта
«Галинские паруса» (д. Галинское,
Вологодская область)*

Наш интерактивный музей «Галинские паруса» появился благодаря творчеству и идеям мастера корабельного дела Сергея Токарева. Он с детства увлекался кораблями, но строить сам начал приблизительно с 2000 года, когда прочитал в журнале «Капитан клуб» статью «Лодка, которая создала нацию», в которой говорилось, что на основе традиционной лодки североамериканских индейцев в США выпускается множество разновидностей каноэ.

Соответственно, родилась идея – создать новый русский сувенир в виде национальной традиционной лодки.

Сначала делались только долбленные лодки, которые испытывались дома, в компании друзей и жителей деревни. Выяснилось, что эта тема людям интересна.

В 2012 году был составлен первый бизнес-план музея – который неожиданно победил на Всероссийском конкурсе «Моя страна – моя Россия». Так все и началось...

В России с давних времен делали деревянные лодки, и конструкции этих лодок отражают технологии, традиции и быт местного населения. К сожалению, опытных деревенских мастеров с каждым годом становится все меньше, и они уходят, унося секреты своего мастерства.

Наша цель – создать развлекательно-познавательный комплекс, где можно не только увидеть лодки, но и притронуться к истории и культуре нашей великой страны.

Сильнее всего развитие проекта тормозили наши страхи: мы боялись, что не сможем принимать больше 20 человек, а ведь в школьных классах в среднем 30 человек; турфирмы требовали от нас готовых коммерческих предложений...

Но в итоге мы справились, и музей открылся в мае 2017 года. За туристический сезон нас посетило более 1000 человек.

Кстати, самая хорошая реклама – это «сарафанное радио», когда люди рассказывают о вас своим близким, друзьям и знакомым.

Предполагалось, что в холодное время года музей работать не будет, но осенью было построено новое помещение для приема групп, так что гости приезжали и зимой. Также С. Токарев со своей интерактивной программой участвует во многих мероприятиях, проходящих на территории Вологодской области.

Финансируется все на собственные средства, музейная коллекция делалась своими руками. Надеемся, что затраты окупятся в течение следующего года.

Уже сделано более 100 моделей традиционных лодок России и других стран (из них 45 моделей – для передвижной выставки).

Лодок в натуральную величину имеется более 30 штук, сейчас в музее их 15, одна попала в музей Мирового океана в Калининграде, другую мы подарили братии Кирилло-Белозерского монастыря. Часть лодок отражает творческую фантазию мастера – например, лодка-крокодил необычного вида: пасть открывается, причем при помощи традиционного крестьянского механизма.

Кроме того, в музее много предметов деревянной утвари и лодочной утвари приспособлений, а также конного инвентаря (сбруя, косилка на 2 лошади, плуг, борона, механические грабли: все – в рабочем состоянии).

Ведется исследовательская работа – по волокам, по зимовкам, по конструкциям лодок, по заимствованиям технологий (ведь следы вологодского деревянного судостроения обнаруживаются даже в Сибири и на юге России).

Администрация Череповецкого района обеспечивает информационную поддержку, как и Агентство городского развития г. Череповец. В самом начале очень помогли денежные призы от ремесленных конкурсов, их общая сумма составила 170 тысяч рублей; все средства мы потратили на приобретение материалов.

Сейчас мы уже понимаем, что проект необходимо расширять. К нам приезжают обычно на 2,5–4 часа, но многие гости готовы проводить у нас целые выходные. Поэтому обсуждается создание туристической базы. Еще мы хотим привлекать к изготовлению лодок людей с ограниченными возможностями, производить лодки на продажу. Думаем также о проведении соревнований на национальных лодках.

[К содержанию](#)

ЕЛИЗАВЕТА ШЕВЕЛЕВА (АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ)

ДОМ-МУЗЕЙ МАСТЕРОВ ШЕВЕЛЕВЫХ

Елизавета Владимировна Шевелева – искусствовед, преподаватель кафедры искусствоведения Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, член династии Шевелевых

Каргополь, один из старинных северных городов, расположен на юго-западе Архангельской области, на берегу реки Онеги, у ее истока из озера Лаче.

Он до сих пор не утратил своей привлекательности для любителей путешествий. Природа, размеренный уклад провинциальной жизни, белокаменная и деревянная архитектура XVII–XIX вв. в городе и окрестностях, богатые музейные собрания, традиционные народные промыслы, ежегодные

праздники мастеров и фестивали, гостеприимные люди – все это способствует тому, что посетители сюда приезжают не только летом, но и зимой.

Важную роль в этом процессе играют местные музеи и культурные центры, в первую очередь – Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, а также центр ремесел «Берегиня».

Однако наряду с ними на рубеже XX–XXI веков оказались востребованными и музеи,

основанные на частной творческой инициативе и энтузиазме заинтересованных людей, их желании сохранять историческую память, показать то, что всегда составляло своеобразие и славу Каргополя.

Среди них и музей мастеров Шевелёвых и каргопольской глиняной игрушки в Каргополе.

Фактически он был создан в 2001 г., после смерти старейшего мастера каргопольской глиняной игрушки Дмитрия Васильевича Шевелёва, благодаря инициативе девяти представителей семьи Шевелёвых, а официально открыт в 2003 г. при поддержке гранта Президента РФ.

На сей день его уже успело посетить около 16 000 человек.

Здесь, в двух небольших комнатах, занимавших половину дома, расположенного на улице Гагарина, бывшей Шелковне, жили известные каргопольские мастера-игрушечники, Дмитрий Васильевич (1907–2000) и Клавдия Петровна Шевелёвы (1913–1974), растили детей – будущих художников Валентина, Виталия и Владимира, воспитывали внуков.

Старшие Шевелёвы здесь и работали, и принимали гостей, и учили младших в семье ремеслу. Русская печь на кухне, в сердце дома, давала тепло, в ней готовилась еда, пеклись пироги, а заодно сохла и обжигалась игрушка и посуда.

Удивительно, как в этом доме, в котором уже восемнадцать лет никто не живет, продолжает сохраняться атмосфера подлинности, тепла и уюта.

Отчасти дело в том подходе, который был сразу же принят создателями музея: максимальное сохранение обстановки, малая дистанция между посетителем и музейным предметом, возможность непосредственного создания настоящей каргопольской игрушки своими руками на мастер-классах.

Коллекция традиционной глиняной игрушки и гончарных изделий в этом музее формируется уже на протяжении сорока лет основателями, Владимиром и Валентином Шевелёвыми, так что посетитель может увидеть и сравнить почерк разных мастеров, в том числе Ивана и Сергея Дружининых, Ульяны Бабкиной и,

конечно, девятерых Шевелёвых, представителей пяти поколений династии.

С начала 1930-х годов они становятся городскими жителями, но память о крестьянских корнях – семья родом из деревни Токарево, располагавшейся когда-то в одиннадцати километрах от Каргополя, – продолжается в игрушке, ее сюжетах, колорите и технологии по сей день.

Мемориальная часть экспозиции располагается в кухне-мастерской и жилой комнате. Здесь представлены подлинные интерьеры, история семьи в фотографиях, живопись братьев Шевелёвых и некоторые семейные реликвии, каждая из которых хранит память о прошлой жизни.

Вот над печью висят старые бухгалтерские счета с деревянными костяшками – всю жизнь, даже на фронте, Дмитрий Васильевич работал кассиром Государственного банка. Лишь в конце 1960-х годов, выйдя на пенсию, он вернулся к гончарному кругу и игрушке: ведь он еще в начале 1920-х вместе с будущим тестем, гончаром Петром Антиповичем Шевелевым, ездил на ярмарки по уезду со своей посудой.

Одна из таких поливных корчаг дожила до наших дней и занимает почетное место в экспозиции. Таким образом, каждый предмет сопровождает подлинная семейная история, отражающая жизнь северного крестьянства и всей страны.

По документам из государственного архива Архангельской области было составлено генеалогическое дерево Шевелёвых. Выяснилось, что первые упоминания о наших предках, живших в деревне Токарево, сделаны в 1730-х годах.

Важное направление работы музея – сохранение памяти о малой родине, поскольку сама деревня погибла к концу 1970-х годов. Когда-то через нее проходил Пудожский тракт, но в советское время дорога была спрямлена, и место бывшей деревни давно заросло лесом.

Однако по рассказам Николая Петровича Шевелёва, ныне старейшего в роду мастера, Токарево, порядок домов в нем, планировка и фасады были воссозданы виртуально, благодаря графической реконструкции художника Виталия Дмитриевича Шевелёва, и

его дочери, дизайнера Екатерины Шевелёвой. Сейчас эту реконструкцию вместе с архивными фотографиями старого Каргополя и его окрестностей можно увидеть в постоянной экспозиции.

Братья Шевелёвы. Фото В. Тоботраса

Рассматривая коллекции этого музея, среди которых, помимо керамики, – текстиль, изделия из дерева, бересты и кованого металла, посетитель незаметно входит в мир народного искусства и уже сам берется за каргопольскую глину – или за тесто для традиционных пирогов – и обязательно уносит с собой игрушку на память или пьет чай с пирогами и ароматным домашним медом.

Не секрет, что любой предмет получает особую ценность, когда куплен в том месте, где и создан, а еще лучше, когда он сделан собственными руками.

Очень важно, если игрушку лепят вместе родители и дети. Этот процесс сотворчества происходит под руководством опытных мастеров в оборудованной мастерской, которая появилась благодаря поддержке муниципальной администрации Каргопольского района в 2003 г., когда семья получила в безвозмездную долгосрочную аренду два помещения в этом доме, ранее не принадлежавшие нашей семье.

Продажи игрушки и традиционных сувениров, меда с собственной пасеки позволяют музею существовать.

Поскольку в семье четверо членов Союза художников России, для них по существующему положению возможна продажа собственных

изделий, не облагаемых налогом. Впрочем, Шевелёвы всегда делали и делают игрушку небольшими партиями. Своеобразным стартовым капиталом, разумеется, стали и средства, полученные на обустройство экспозиции в 2003 г. благодаря президентскому гранту.

В 2005 г. была образована автономная некоммерческая организация «Музей мастеров Шевелёвых и каргопольской глиняной игрушки». Сделано это было для того, чтобы частный музей получил официальный статус юридического лица и появилась возможность самостоятельно подавать заявки на гранты.

Однако в 2014 г. мы были вынуждены закрыть АНО из-за неоправданных и непонятных бюрократических требований, смысл которых не могли внятно разъяснить сами сотрудники структур, ответственных за изменения в документах. Помимо того, уже не было возможности заполнять бесконечные налоговые декларации при нулевом балансе

организации. Несколько раз в год, самостоятельно, без профессионального бухгалтера в штате музея, с бесконечно усложняющимися формами это сделать очень сложно.

Между тем, только на текущее содержание дома, несложный косметический ремонт, например, окраску полов, деревянное отопление, электроэнергию, экспозиционные материалы, уборку уходит в год не менее 30 000 рублей из собственных средств семьи. Стоит заметить, что, согласно требованиям пожарной инспекции, здание музея еще в бытность АНО было оборудовано двумя необходимыми выходами, пожарной сигнализацией и огнетушителями.

Современное положение с домами-памятниками культуры регионального значения таково, что только сами их владельцы несут полную ответственность за их сохранность и финансирование любых работ; это положение сейчас закреплено на законодательном уровне.

Кроме того, никакие грантовые программы не предполагают возможность заложить в смету реставрационные работы и проект для них. Несмотря на это, в 2007 г. за счет собственных средств нами был проведен реставрационный ремонт здания музея с полной заменой нижних венцов и всей кровли, которая была под старым шифером в критическом состоянии.

Однако вскоре после этого нам пришлось столкнуться с другой, не менее серьезной проблемой: третья часть дома, которая принадлежит другим хозяевам-дачникам, была по их указанию без согласования с нами обшита сайдингом по уличному фасаду, к тому же и подлинные деревянные окна в этой части дома были заменены на пластиковые.

Дом, включенный еще в 1976 г. в свод памятников культуры Архангельской области, к сожалению, оказался изуродован; посетителям каждый раз приходится объяснять, что это не наша работа.

Тем не менее, музей постоянно и активно работает, принимает посетителей, участвует в разных проектах. Какие цели ставят сейчас перед собой Шевелёвы? В перспективе – переоборудование экспозиции музея в помещения для временных выставок и

мастерской, систематизация и каталогизация коллекций и богатого архива, в том числе и электронного, продолжение и расширение научной и издательской деятельности, в первую очередь, необходимо создание альбома, посвященного каргопольскому промыслу, а также иллюстрированного каталога собрания. Нужно отметить, что у нашего музея есть

мебели для гостевого дома в Вершинино и для проекта «Каргопольские бирюльки» на Масельге, в Кенозерском национальном парке. Росписи делали художники Владимир и Виталий Шевелёвы, им помогала и восьмилетняя внучка Дуня, которая орудовала валиком для грунтовки. Она постоянно участвует и в мастер-классах по лепке,

немало партнеров и друзей. Так, мы активно сотрудничаем с Кенозерским национальным парком и Каргопольским государственным историко-архитектурным музеем.

В последнем в 2013, 2016, 2018 годах при участии нашего музея прошла серия выставок к юбилеям братьев-живописцев Шевелёвых: Валентина Дмитриевича (род. в 1933 г.) и Виталия Дмитриевича (род. в 1941 г.) К этим выставкам нашими силами были сделаны каталоги.

Летом 2018 года двор музея превратился в мастерскую по росписи наличников, ставен и

поскольку начала делать игрушки уже в младенчестве, может показать все приемы участникам занятий, как заправский мастер.

Также в наш музей постоянно приходят студенты Каргопольского педагогического колледжа, ученики различных школ, как местных, так и столичных. Каждый год наши мастер-классы проходят ребята из Донской гимназии в Москве, студенты различных российских и зарубежных вузов. Дружат с музеем и туроператоры, которые заинтересованы в том, чтобы расширять культурную программу для гостей города.

Важно, что в наш музей можно прийти, как домой, и поздним вечером, и ранним утром, когда остальные места в городе еще или уже закрыты – или есть традиционный перерыв на обед.

Материалы о музее Шевелёвых достаточно легко найти в любой поисковой системе в интернете. Многие туристы, впервые приезжающие в Каргополь, знакомятся с городом именно в сети.

Судя по опросам, гости чаще всего заранее нацелены на то, чтобы посетить музей, собрание которого представляет все многообразие промыслов и ремесел региона. Однако более широкий охват аудитории по-прежнему важен, поэтому еще одна задача – создание и поддержка музейного сайта. Пока действует и регулярно обновляется лишь официальная страница музея в социальной сети «Фейсбук».

Таким образом, музей Шевелёвых в Каргополе, созданный по частной инициативе и на общественных началах, существенным образом дополняет ту просветительную и научную работу, которую развивают государственный музей и муниципальный центр «Берегиня». Здесь всегда найдется, чем увлечь взрослого и ребенка, людей самых разных профессий и интересов, как местных жителей, так и гостей города.

[К содержанию](#)

ТАТЬЯНА ГЛАЗОВА (ПСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)

МУЗЕЙ-ПАСЕКА «МЕДОВЫЙ ХУТОРОК»

*Татьяна Николаевна Глазова –
руководитель музея «Медовый хуторок»*

Музей «Медовый хуторок» основал в 2002 году Глазов Геннадий Васильевич. С 2013 года владельцем, директором и единственным сотрудником музея является Глазова Татьяна Николаевна.

На хуторе мы живем с 1989 года, и сначала здесь была только пасека. В 1992 году Геннадий Васильевич написал свою первую книгу по

пчеловодству – «Пчеловодство как ремесло». Позже были написаны книги «Начала пасечного ремесла» и «Ловля пчелиных роев». С 1995 года он проводил трехдневные курсы по пчеловодству.

Экспонаты, связанные с пчеловодством, собирались всегда, а предметы, связанные с крестьянским бытом, стали

коллекционироваться уже тогда, когда пришла идея музея.

С 2002 года мы стали принимать туристические группы. Посетителям Геннадий Васильевич рассказывал о пчеловодах и пчелах, о крестьянской работе и быте.

Сквозная идея экскурсий и всей деятельности музея «Медовый хуторок» – показать туристам красоту и сложность крестьянского быта и дать им ориентиры здорового образа жизни через питание, через интерес к продуктам пчеловодства.

Пчелиное гнездо – это природная аптека для человека. В меде открыто 397 необходимых для человеческого организма микроэлементов, аминокислот, органических кислот, целая гамма витаминов и т.д.

В пчелином воске, который полностью усваивается организмом человека, витамина А больше, чем в печени трески. Чайная ложечка перги – это полный набор витаминов для человека на сутки.

Пчеловедение, пчелы, пасека – совершенно особое духовное явление, это возвращение человека к природе.

Музей «Медовый хуторок» – составная часть крестьянского (фермерского) хозяйства пчеловодного направления.

Пасека представлена ульями конструкции Геннадия Васильевича Глазова. В музее можно увидеть различные инструменты пчеловодов, медогонки, древние ульи-самodelы, предметы домашнего обихода крестьян, коллекции плугов, фонарей, прялок, топоров и молоточков, замков, утюгов, самоваров и многое другое.

Экспонаты для музея мы собирали в ближайших деревнях. Нередко нам их дарили, но чаще всего мы покупали у местного населения.

Первыми посетителями были экскурсоводы и представители туристических фирм города Пскова. Они побывали на начальных экскурсиях и потом стали привозить к нам туристов.

Посетителей больше всего интересует то, что связано с пчеловодством. А вот для меня самым главным экспонатом являются пчелы. Я не могу подвести туристов к ульям, зато они могут – особенно весной – увидеть пчел на цветущих яблонях и на клумбах. Получается «живой» музей пчеловодства.

Если это не организованная группа, приезжающая в «Медовый хуторок» через турфирму, то чаще всего о нас узнают через интернет, на сайтах о достопримечательностях Пскова и Псковской области.

У музея «Медовый хуторок» есть также своя страница в сети «ВКонтакте». Там можно посмотреть фотографии.

В год к нам приезжают примерно 2,5 тысячи посетителей. Бывают школьные группы или семьи с детьми.

Мы разрешаем посетителям постучать молотом по наковальне и сфотографироваться около экспонатов, руками потрогать, покрутить медогонку. На школьную экскурсию приношу в маленькой баночке настоящую пчелу, чтобы дети на нее поближе посмотрели.

Музею никто не помогает. Это дело наше, семейное. А главная наша забота – чтобы музей **БЫЛ**.

[К содержанию](#)

ГАЛИНА ТОЧИЛИНА (АРХАНГЕЛЬСКАЯ ОБЛАСТЬ)

МУЗЕЙ КУКОЛ

*Галина Ивановна Точилина –
руководитель клуба «Сударушка» и
музея кукол, член общества
художников Красноборска
(Архангельская область)*

Я по природе своей творческий человек, занимаюсь разными ремеслами – вышиваю, шью одежду, особенно люблю сарафаны, лоскутное шитье, вязание и, конечно, ее благородие – Куклу. Это у меня от мамы и бабушки.

Вокруг меня всегда были такие же мастерицы, и в 1998 году мы организовали клуб прикладного творчества под названием «Сударушка». В этом году нашему коллективу уже 20 лет.

На мне, как на руководителе, конечно же, лежит большая ответственность. Живем мы интересно, дружно, много посещаем различные выставки, ездим на творческие встречи, фестивали, у себя принимаем гостей... Конечно же, с нами дети, внуки.

Раз в два года, совместно с администрацией района, клуб «Сударушка» проводит теперь уже межрегиональный съездий «Праздник мастеров». В нем участвуют мастерицы не только Архангельской области, но и из других областей России. Друзей стало много и в Москве, и в Санкт-Петербурге, а также в Туле, Ярославле, Суздале, Владимире...

Раньше у нас было небольшое муниципальное помещение, в котором со временем стало тесно и неудобно, поэтому встал вопрос о новом доме для клуба. И тут я решила купить частный дом,

который моя семья отремонтировала два года. В 2014 году мой коллектив переехал на новое место жительства, а дом назвали Домом кукол, т.к. ее величество Кукла занимает у нас главное место. Теперь мы уже музей.

Для туристов и гостей Красноборска в музее проводятся экскурсии, у нас подготовлены различные программы для детей и для взрослых, мастер-классы по различным ремеслам. Есть у нас и русская печь-помощница, мы варим вкусные каши, уху и грибовницу, печем пироги...

А еще готовим витаминные чаи, сушим ягоды – рябину, шиповник – и угощаем своих дорогих гостей. Также мы проводим интересные посиделки на традиционные праздники, не забываем про различные игры, хороводы и забавы.

К содержанию

МУЗЕИ ХОББИ

ТАТЬЯНА АРЕФЬЕВА (КАЛИНИНГРАДСКАЯ ОБЛАСТЬ)

МУЗЕЙ ЧЕРЕПОВ И СКЕЛЕТОВ

*Татьяна Александровна Арефьева –
руководитель музеев Гостинично-
развлекательного центра «ПАРАДОХ»
(Зеленоградск, Калининградская область)*

Наша экспозиция собрана на площадке первого в России уникального музея черепов и скелетов (МЧС) стараниями медиков, меценатов, меломанов, мерчендайзеров и московской креативной группы Вüго. Именно они решили показать людям этот таинственный и невероятно интересный мир в позитивном и увлекательном формате.

На выставке каждый посетитель, взрослый или ребенок, найдет для себя что-то необычное и интересное. Музей организован таким образом, что в нем гармонично сочетаются экспозиционные витрины, селфи-зоны, аттракционы и зона отдыха, где можно «размять мозги», решая головоломки или играя в настольные игры.

На выставочной площадке представлено воплощение черепов и скелетов в символизме, религии, творчестве, элементах декора, аксессуарах, а также в различных персонажах, представителях медиа-культуры.

К тому же организаторы музея постарались подготовить максимальное количество интерактивных зон для особо активных и любопытных зрителей.

Все перечисленное делает выставку не только развлекательным, но и познавательным объектом для семейного отдыха.

Каждый обязательно узнает для себя что-то новое, познакомившись с экспонатами и их историей.

«Узнать, удивиться, улыбнуться!» – вот что должны сделать посетители музея.

Как только человек видит что-то, к чему одновременно подходят эти определения, то делается масса неожиданных открытий!

Человеческие череп и скелет – это, так сказать, основа нашего существования; культурологические символы; объекты медицинской науки и палеонтологии; образы для шуток, анекдотов и «черного юмора»; стили в моде и субкультурах; атрибутика многих праздников и ритуалов разных народов мира. Все это собрано, собирается и будет собираться в дизайн-пространстве музея.

В 2015 году в экспозиции насчитывалось 400 экспонатов, сейчас это количество выросло в два раза. В планах создателей – собрать максимальное количество необычных арт-предметов со всего мира, заставляющих окунуться в увлекательный мир «скелетного творчества».

В пополнении «скелетной» коллекции может принять участие каждый желающий. Музей с благодарностью принимает любые интересные, но только человеческие череп, скелеты, а также новые идеи творческой реализации данной тематики.

С самого открытия, которое состоялось 6 июня 2015 года, по сегодняшний день посетители уходят под большим впечатлением, говоря, что не ожидали увидеть подобную коллекцию в таком ключе. Каждый думает, что в музее будет страшно и неприятно, но в итоге большинство гостей возвращаются снова. Каждое посещение «скелетного» музея приносит удовольствие, много положительных впечатлений и, конечно, делается огромное количество «крутых» фотографий, которыми потом можно похвастаться в социальных сетях.

Именно поэтому большинство людей узнают о музее черепов и скелетов из интернета или посредством «сарафанного радио».

Одним из самых любимых посетителями аттракционов является Ленточный лабиринт. Задача гостей проста – найти выход. В лабиринте нет света, нет скелетов, есть только 28 километров ленточек!

Создавая лабиринт, организаторы хотели, чтобы плотная стена лент вызывала у гостей аттракциона иллюзию бесконечности этого причудливого пространства. Именно поэтому небольшая комната изнутри кажется огромной и безграничной.

Цвета лент подобраны в соответствии с рекомендациями психологов-хромотерапевтов. Теплые цвета не раздражают глаз и вызывают приятные эмоции, а, учитывая принцип построения лабиринта, его посетители испытывают чувство безмятежности и покоя.

К слову, ленты развешаны от потолка до пола в хаотичном порядке и напоминают непроходимые лианы в джунглях.

Главное отличие Ленточного лабиринта от всех прочих лабиринтов-аттракционов в том, что в нем отсутствуют ориентиры: комнаты, закутки, тупики и повороты, помогающие найти выход из пространства. Только подумайте: малейшее движение, вздох, шаг... и пространство вокруг вас уже колыхнется, увлекая за собой всё новые и новые слои лент.

Также в большом холле перед музеем располагаются различные аттракционы и приятные сюрпризы, которые создают нужное настроение для просмотра выставки: анатомический шкаф имени профессора Доуэля, велосипед-аттракцион «Фитнес ДО и ПОСЛЕ...» и игровые модули.

Создатели музея планируют собрать в свою коллекцию более 1000 экспонатов, разнообразить интерактивные объекты и привлечь к посещению школьные группы, для которых будут проводиться познавательные экскурсии в увлекательном современном формате.

Музей черепов и скелетов входит в состав гостинично-развлекательного центра «ПАРАДОХ», первым объектом которого стал Музей кошек «Мурариум».

Данная выставка арт-коллекции кошек собирается владельцами с 1985 года и является самой большой подобной выставкой в России – экспозиция насчитывает более 4500 экспонатов. Музей располагается в здании старинной водонапорной башни 1905 года постройки. На пяти этажах находятся экспозиционные витрины, а на 6-м этаже – смотровая площадка с круговым обзором. Вид на город Зеленоградск и Балтийское море просто потрясающий.

В 2015 году добавились квеструмы «Квест Вест», Музей черепов и скелетов, боулинг и кафе. В 2017 году на православное Рождество открылся самый, как мы считаем, добрый музей Калининградской области – «Домик Ангелов», где более тысячи экспонатов.

Летом 2019 года команда «ПАРАДОХ» намерена открыть новый объект – Музей «ФилоСовии», в котором будет представлена совиная арт-коллекция, а также появятся живые хищные птицы.

[К содержанию](#)

АЛЕКСАНДР МЕТЕЛКИН (ВОЛОГДА)

ВОЛОГОДСКИЙ МУЗЕЙ ДЕТСТВА

*Александр Юрьевич Метелкин –
коллекционер, заместитель
председателя комитета по
социальной политике Вологодской
городской Думы*

Коллекция солдатиков появилась благодаря тем игрушкам, которые были у меня, и тем, которые мне отдали двоюродные братья. Я играл в солдатиков все детство, сначала с дедушкой, позже с друзьями. И в 14 лет у меня появилась первая полочка – у всех солдатики обычно лежат в коробке, а я в 14 лет стал их на полочке расставлять.

Тогда я еще не знал слова «экспонирование», но это было именно оно. И вот с того момента можно начинать говорить про коллекционирование.

Дальше – больше: вторая полочка, третья, потом полкомнаты, комната.

Постепенно к солдатикам стала добавляться разная игрушечная военная техника, и это тоже

был неизбежный процесс. Даже такое направление коллекционирования есть, называется «советская военная игрушка».

А потом меня начала занимать не только военная тема, но и сама эстетика игрушки – довоенная, послевоенная; и на барахолке стали приобретаться не только игрушки военной тематики, но и все остальные.

Замечу, что речь идет о периоде до 1970-х годов. При этом часть предметов коллекции появляется из заброшенных домов. Расселяют, например, бараки массово – там уже ни окон, ни дверей, а на чердак заходишь – игрушки лежат. Ничего не остается, все забирается, потому что нужны и колесики, и запчасти для реставрации других вещей.

Заодно забираются игрушки 1990-х годов, просто они пока складываются в гараж. Потом они составят коллекцию вещей более позднего периода. Реставрация, к слову, –

необходимость, нужно, как минимум, фиксировать, допустим, родную краску на опилочных куклах, клеивать целлулоид в целлулоидных куклах, на тех же самых солдатиках фиксировать остатки родной краски.

По большому счету, на сегодняшний день существует целая отрасль по реставрации, скажем, pedalных машин. Есть люди, которые для них производят новые фары, решетки радиаторов, рули льют из карболита. Это все востребовано.

Надо понимать, что одно дело коллекционировать фарфор, который в основном стоит в шкафу и его никто не трогает, а другое дело игрушки, в которые дети играют. Они же в процессе игры трансформируются.

Реставрация игрушек – дело сложное. Есть люди, которые говорят, что надо красить так, как было выпущено с завода.

Я считаю (для тех же самых машинок), что необходимо минимальное вмешательство, чтобы это был не ржавый кусок железа, а чтобы видна была игрушка; но перекрашивать, чтобы игрушка блестела, – ни к чему, потому что люди смотрят и говорят: «А почему она такая блестящая, у меня была ободранная?». Конечно, у тебя была ободранная – ты в ней кирпичи возил! Поэтому этот шарм, эта потрепанность, по моему мнению, должны сохраняться.

У нас есть задумка – создать в музее открытую реставрационную мастерскую, где посетители смогут как минимум понаблюдать, как проходит работа. Сидит человек, машинку реставрирует, красит. Дети смотрят на процесс, и их можно будет привлекать к этому труду – такой вот кружок создать.

Сначала супруга у меня относилась к коллекции нормально, потом начала интересоваться, а в настоящий момент возник перекоп – мы в коллекцию приобретаем даже больше кукол. У нас коллекция получается семейная.

Если возвращаться к солдатикам, то это – советские солдатика фабричного производства и еще иностранные солдатика, изображающие русскую и советскую армии. Из того, что было доступно за вменяемые деньги, у меня собрано практически все. Дальше начинаются неподъемные ценники за редкие вещи.

С определенного момента желание просто обладать и одному смотреть на все собранное превратилось в желание продемонстрировать. Мы провели уже две выставки новогодних украшений: одну – в Вологде, в краеведческом музее, вторую – в Великом Устюге, в городской резиденции Деда Мороза. Непередаваемое чувство – смотреть на людей, на их эмоции,

потому что люди

Кроме того, есть такой дополнительный блок – елочные игрушки. Тоже начиналось все с того, что мне отдали игрушки, которые висели на елке у моих бабушки и дедушки. Я их трепетно хранил, а потом тоже начал докупать.

Очень много игрушек дарят. Люди приходят и говорят: «Вот, возьмите, пожалуйста, мы знаем, что вы собираете». Отказывать им нельзя, нельзя говорить: «А эти пластмассовые шарики заберите, они нам ни к чему».

Среди множества одинаковых шариков попадаются интересные вещи, но современное я собирать не стремлюсь (потому что современные игрушки невозможно собрать никому и никогда, едва ли не каждая контора к Новому Году штампует свой шарик со своим логотипом).

Всего у меня имеется где-то порядка двух с половиной тысяч елочных игрушек и порядка 200 подъялочных – Дедов Морозов и Снегурочек. Солдатики же, наверное, тысячи три.

реально возвращаются в свое детство, а их счастливые улыбки: «О, у меня такое было! Как здорово!» заряжают позитивной энергетикой. В квартиру, конечно, всех не приведешь. Поэтому на сегодняшний день мы именно занимаемся созданием музея.

В начале года был хороший вариант с помещением. К сожалению, в силу разных причин он не состоялся.

Я считаю, кстати, что у государства, у муниципалитетов должна быть заинтересованность в туристической привлекательности своего города.

В музей игрушек турист пойдет в любом случае – он захочет вспомнить детство и все здесь получит. Понятно, что необходимо просторное помещение: музей не сможет на одних билетах работать, нужны мастер-классы, дополнительные мероприятия, разные формы работы.

У нас есть четкое понимание того, что требуется не менее 400 квадратных метров для того, чтобы композиционно разместить все предметы, не просто их составить в обычные стеклянные витрины,

а как-то преподнести для зрителя. Еще, соответственно, должно быть общее пространство для групп – для проведения тех же мастер-классов.

Очень хочется надеяться, что в течение пары лет мы этот музей увидим. Идею такого музея поддерживает губернатор нашей Вологодской области. Сама жизнь заставляет делать музей, прочее не так интересно.

Думаю, на самом деле частные музеи – это лучший на сегодняшний день вариант развития данной сферы, поскольку государство не особенно спешит вкладывать деньги в региональные музеи. У нас в Вологодской области отношение к этим инициативам хорошее. Они поддерживаются, идет рабочий процесс.

[К содержанию](#)

ВАЛЕРИЙ РУБЦОВ (ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД)

МУЗЕЙ КИНО

*Валерий Валерьевич Рубцов –
создатель и директор музея кино*

Расскажите, как все начиналось и как вообще появилась идея создать музей кино в Новгороде.

Я здесь ключевое звено, которое все это дело и стыкует. В 1980-х годах я сам был заядлым кинолюбителем, у нас здесь существовала своя

любительская киностудия, я был ее руководителем. Вместе с ребятами мы снимали игровые фильмы, проявляли, монтировали, показывали. Продолжалось это, наверное, года три.

А если вспоминать, что было раньше, так мы еще в школе начинали снимать кино. Я был

сценаристом, мой друг – режиссером, мы придумали сюжет и сделали фотофильм из фотографий.

Потом, когда появилась камера, дело пошло. Последним на киноплёнку я снимал музыкальный клип, в девяносто первом году.

А начиналось все так: около десяти лет назад мой друг, с которым мы снимали кино, собирался переезжать и сказал мне, что у него осталась кое-какая техника, старый монтажный столик, камера, проектор. И вот он говорит, давай, у тебя все это оставлю.

У меня самого тоже много чего оставалось. Вот я и предложил сделать школьный музей, интересно же! Он всю свою технику притащил, а вот со школой как-то не срослось.

Подумал, надо бы посмотреть, что можно вообще собрать, что люди предлагают. В Интернет зашел, увидел, сколько всего на самом деле было, сколько всего теперь распродается... Потом сходил в наш местный антикварный магазин, увидел – там продается кинокамера.

Это был первый мой экспонат, кинокамера «Турист». И так это меня зацепило – думаю, надо дальше собирать.

Вообще я изначально планировал делать именно музей, потому что я не коллекционер, и все это – не для себя.

Даже эту первую кинокамеру вы покупали, уже понимая, что будет музей?

Да, конечно. Очень мне помогло, что, как только кое-что собрал, один хороший знакомый, местный режиссер, сказал, что ему выделили помещение внутри стен кремля – такое двухэтажное пространство внутри восстановленной стены. Вот он и говорит – давай там разместим твою аппаратуру. Я согласился.

Кстати, там до сих пор эта вывеска висит – «Галерея времени». Единственными минусами были холод и сезонность – в мае мы туда заезжали, осенью выезжали. Но четыре сезона туристических мы отработали.

Я понял, что людям «про кино» интересно, они сами так в книге отзывов писали. И еще я понял, как сделать музей.

Каждый год мы меняли экспозицию, исходя из того, что интересно посетителям. Изначально у меня самого было одно представление, а через четыре года – уже абсолютно другое. Я понял, что людям нужны инсталляции, что они ходят фотографироваться, что просто «голые» экспонаты никому не интересны, кроме тех, кто в этом что-то понимает. Поэтому нужно делать антураж, создавать атмосферу. Нужно погружать людей в эпоху.

Люди загорались, когда им давали поддержать камеру. Очень интересно было наблюдать. Так что без интерактива никуда!

Позвольте уточнить – получается сугубо личный дилетантский подход? Никакого профессионализма? Просто вы так видите?

Да-да. До полного погружения в свой музей я полтора года проработал в нашем музее-заповеднике, в пресс-службе. Облазил все выставки, посмотрел, как и что делается, и

понял, что, в общем-то, все достаточно однообразно и скучно.

Большая проблема «больших» музеев – они многое делают традиционно, одинаково. Еще проблема нашего города, самая большая, наверное, это его история, как ни парадоксально прозвучит. Наличие кремля, Витославиц, Ярославова городища – это проблема, потому что все к нам приезжают только за этим. За Средневековьем. Будто другого мира и жизни нет и не было.

Ну, есть еще Музей художественной культуры, есть музей фарфора малюсенький – и все. Частных музеев нет, захотелось эту картину дополнить.

Меня зазывали в Петербург и в Москву, но победило «чувство места»: где родился, там и пригодился. Все-таки я хотел именно в Новгороде сделать музей.

Здание, где мы находимся, хотели сначала продавать, но решили попробовать сдать в аренду, сначала на год, а теперь уже перезаключили договор со мной на пять лет.

Небольшой двухэтажный дом, но его становится, честно говоря, мало. Это я поначалу, когда только открывали «Галерею времени», думал, что запихну всю коллекцию, всем будет интересно.

Хотя мне мой товарищ-режиссер говорил – не надо, выбери отдельные предметы. Нет, думал я, надо все показать. В итоге выяснилось, что прав был мой товарищ, а не я. Люди проходили мимо этих рядов камер и не задерживались.

Можно сравнить «Галерею времени» и нынешний музей?

Я прекрасно понимал, что это – не бизнес. Озолотиться тут невозможно. Хотелось бы, чтобы все работало, и не просить спонсорских денег. «Галерея времени» работала «в ноль». Дело в том, что музей-заповедник нас особо не рекламировал, а сами мы рекламироваться не могли, потому что кремль – это музейный объект.

Здесь же все-таки немножко по-другому обстоит.

Кстати, после «Галереи времени» я некоторое время делал передвижные выставки. Сначала была передвижная выставка «Кино войны» – ездили по школам города. Очень интересная форма, почему-то никто ее не использовал, по крайней мере, у нас здесь. Мы договаривались со школой, нам освобождали класс на неделю, там устраивалась выставка с показом. И все классы проходили экскурсию.

Вот такие мероприятия дают положительный эффект – это и реклама, собственно, будущего музея, и опыт общения... Я же никогда до этого не общался с аудиторией. Было очень интересно. Видишь, на что люди реагируют, как подавать информацию, как рассказывать. Детям интересно все пощупать, подержать в руках.

«Уголок фронтального оператора» был в «Галерее времени». Мы увидели, что посетители садятся рядом, фотографируются.

Что касается посещаемости здесь, то открылись мы в марте, поэтому было сложно поначалу, туристов было мало. Пытались привлечь новгородцев, дальше, как снежный ком, постепенно нарастало...

Мы специально спрашиваем, как люди узнают о нашем музее. Рекордсмен по ответам – фраза «Проходили мимо». Мы в музейные окна рекламу повесили, когда поняли, что люди цепляются за нее взглядом.

А второе – Интернет, без него никуда. Соцсети – постоянный поток, люди реагируют, лайкают, комментируют. Каждый день народу прибавляется.

Третий источник – это «сарафанное радио». Люди рассказывают о нас друг другу.

Возвращаясь к посетителям – процент молодежи среди них велик?

Да, молодежь есть, дети... Причем почему-то взрослые, когда приходят, думают, что детям тут будет неинтересно, но детей не оторвать. Особенно на втором этаже – не выгнать. Все крутят, вертят, смотрят, щупают. Для них это новый мир.

Кто-то узнает: а вот у бабушки такая мебель до сих пор стоит. Повторюсь, для них это постижение нового мира.

Молодежь после института смотрит с удовольствием, они тут как рыба в воде, те, кто техникой хоть немного увлекается, они раньше тоже нигде такого не видели.

Музеев кино мало – в Москве и мы, все... Есть ведомственные в Петербурге, в ЛИКИ – только для студентов, и на ЛОМО шикарный – но внутризаводской.

А мы сюда водим детские экскурсии. Школам нравится. Всем нравится. Еще когда с передвижными выставками я ездил, они

говорили: привозите еще. Потому что это необычно, интересно, что-то новенькое, по крайней мере.

Кстати, пришел как-то один парень, за полчаса до закрытия. Очень долго ходил, все внимательно смотрел, расспрашивал, слушал, что ему рассказывали... Думаем, вот же принесло под конец рабочего дня. А на следующей неделе он опять пришел, принес нам в подарок старинный кассовый аппарат, который у нас на выставке «Киномагазин» теперь стоит. Вот такое было...

Думаю, что со временем, может быть, сделаю экскурсию по местам кинославы, как говорится. Ведь очень много фильмов снималось в Новгороде. «Суeta суeta» – самый известный, там видов Новгорода очень много. Сохранился дом, где съемки велись. «Василий Буслаев», несколько фильмов Алексея Салтыкова – «Господин Великий Новгород», «Полынь – трава горькая»... Сказка «Тфли с золотыми пряжками»... И современные – тот же «Война и мир» английский у нас снимали...

Когда спрашивают, как связаны Новгород и кино – вот ответ.

Какой экспонат для вас самый дорогой или интересный? Из тех, которые выставлены, из тех, которые не выставлены?

Всегда этот вопрос в тупик ставит, потому что все экспонаты любимые, конечно, дорогие и ценные.

Есть камеры, за которыми история. Тот же «волшебный фонарь» – это самый последний мой экспонат. Самый ценный со всех точек зрения. Я его достаточно дешево приобрел, он был в ужасном состоянии, реставрировал долго, советовался с реставраторами – все-таки 1890 год...

Когда английская кинокамера ко мне попала, в чехле, в кармашке, обнаружилась визитка владельца, еще довоенная. Там адрес указан, где этот человек жил. Я написал рассказ об этом – у меня целая серия рассказов есть про камеры. Мечта есть книжку выпустить, но пока я застрял, нет времени этим заниматься.

Или выставка «Уголок кинолюбителя». Эту выставку я долго лелеял, потому что хотел

показать свою молодость. Я многое из того, что там выставлено, в руках крутил, сам проявлял,

сам делал. Могу не просто рассказать, но и показать, как это делалось. Конечно, это все душу греет...

Кто вам помогает?

Семья очень сильно помогает. Мы смеялись, когда создавали первый этаж музея, над которым где-то с конца ноября плотно трудились втроем. Это я, моя тетья, которой уже за 70 лет, и мама, которой за 80 лет. Мы себя в шутку называли «командой три за двести» – нам в сумме 200 лет. Вот эти две мои любимые пенсионерки мне усиленно помогали. Особенно тетья, конечно, мама – в меньшей степени, а тетья – она и финансово вложилась, и трудится здесь до сих пор. Светлана Георгиевна Капцова – без нее мне было бы сложно...

А что насчет государственных органов?

Не мешают. Это самое главное. Еще я съездил на «Интермузей» в Москву, мы выиграли во втором туре и нам предоставили бесплатный стенд в Москве на неделю. Мы выставлялись со своим киномузеем среди сотен музеев страны. Впитал всяких разных идей. И президентский грант выиграли, проектор купили хороший и экран.

СМИ о вас пишут?

Да, с этим проблем нет. Поводы исправно стараемся давать. Мы со всеми в хороших отношениях, но это региональные СМИ. По поводу федеральных – недавно НТВ интервью давал. На ОТР был репортаж про открытие. Пока все.

Каким вы видите музей через 5 лет?

Честно говоря, так далеко стараюсь не загадывать, потому что решаю проблемы по мере их поступления. Самое главное, что я запланировал для себя на будущее – это освоить третий мансардный этаж.

Надо заменить крышу, утеплить, и там может появиться отличный выставочный зал. Чего мне не хватает, так это выставочного зала для временных выставок. Хочу привозить и показывать какие-то интересные коллекции других музеев. Если получится, это будет замечательно. Но я надеюсь, что это не через пять лет будет, а пораньше. Еще помещения нужны для продолжения экспозиции. Например, есть идея создать видеосалончик – со старым телевизором, с кассетами, с тем самым гнусавым голосом в «озвучке». Идей много, не хватает времени, сил и средств.

К содержанию

ПРОЕКТ МУЗЕЯ

АНТОН МОТИН (ПСКОВ)

МУЗЕЙ ГАНЗЫ

*Антон Юрьевич Мотин –
директор АНО «Современная семья» (Псков).*

Двадцать второго февраля 1659 года царь Алексей Михайлович дал отправлявшемуся за границу боярину Ордину-Нащокину роспись того, что нужно привезти в Москву. Среди прочего, царь потребовал организовать ежемесячную доставку «вестей» из Европы. Афанасию Лаврентьевичу не удалось исполнить государев указ.

В достопамятные дни, когда Псков входил в сферу влияния Ганзейского союза, проблем с доставкой «вестей» не было: их привозили вместе с европейскими товарами как ганзейские иноземные «гости», так и псковские купцы. На протяжении нескольких веков Псков имел теснейшие торговые и культурные связи с европейскими городами, переняв многие

элементы новоевропейского порядка, которые вскоре после перехода города под «руку Москвы» были отставлены в сторону.

Летом 2019 года Псков примет у себя Ганзейский фестиваль, тем самым подтверждая свою древнюю связь с культурным содружеством европейских городов. Однако в городе нет ни одной точки, которую можно было бы напрямую связать с Псковской республикой, в частности – музея Ганзы.

Многие согласятся, что такой музей должен быть. Но о чем он может и должен рассказывать? Как представляется, все могло бы выглядеть так.

Часть экспозиции должна быть чисто зрелищной и напрямую связывать посетителя с днями давно минувшими. Посетители музея смогут ощутить дух средневекового города, пульс его экономики, окунуться в быт. С этой целью можно, например, воссоздать комнату средневековой фактории («конторы»), где жили и работали ганзейские купцы.

Это не так сложно, учитывая, что в Европе подобные музеи есть, и опыт перенять несложно: действуют Европейский музей Ганзы в Любеке, музей в Бремене, Ганзейский музей в Бергене.

Ганзейский союз процветал благодаря четко отлаженному законодательству (Любекское право), позволявшему унифицировать и упростить торговые отношения.

Торговля Ганзы с городами Руси (Новгород, Псков и др.) также была основана на взаимных договорах, например, на Изборском договоре – т. н. «Нибуров мир» (1391/1392 гг.). Рассказывая как об особенностях торговли древнего города, так и о законодательных документах и их роли в средневековой европейской жизни, музей Ганзы продемонстрирует важность отлаженной правовой системы для расцвета торговли и экономики.

Ганзейский союз нового времени является межмуниципальной организацией. Фокус внимания этой структуры лежит в области сотрудничества на муниципальном уровне. То есть музей Ганзы может и должен работать на межкультурные городские программы.

В более узком смысле, в музее должна быть создана экспозиция, посвященная основам муниципальных систем управления европейских

стран, от ганзейского периода до современности.

Необходимым представляется рассказ о фундаментальных принципах функционирования органов местного самоуправления (в частности, о Европейской хартии местного самоуправления).

Музей может рассказывать о Псковской и Новгородской республиках в разрезе демократического управления. Важно показать средневековый Псков как один из первых носителей традиций народоправства – уникальной в русском средневековье политической и правовой системы.

Будет правильным показать взлеты и падения демократических традиций псковского городского управления от средневековья до наших дней.

Музей как современное образовательное интерактивное пространство потребует отдельных мероприятий для посетителей разных возрастов (встреч, лекций, мастерских, специальных туров для детей); для современных выставочных пространств это своего рода «обязательная программа», без которой тоже не обойтись.

Таким образом, налицо следующие направления деятельности ганзейского музея: историческая реконструкция; демократические традиции средневекового Пскова и современность; муниципальное управление и право; история торгового и культурного сотрудничества с европейскими странами; межкультурные связи ганзейских городов.

Подчеркну важнейшую, с моей точки зрения, составляющую всего этого начинания – музей должен быть частным. Только тогда он будет достаточно свободен для того, чтобы стать независимой музейной и общественно-гражданской площадкой в городе.

Цель музея – историческое и гражданское образование, направленное на укрепление разнообразных связей между Псковом и европейскими городами в широком контексте «духа Ганзы».

Эти идеи были высказаны мной еще в ноябре 2017 года, но не утратили актуальности и сегодня. Ганзейский фестиваль в Пскове впереди. Поэтому вполне можно себе

представить, как в один из фестивальных дней конца июня 2019 года пройдет торжественная церемония по закладке камня, на котором будет закреплена табличка «На этом месте будет музей Ганзы».

Увы, есть объективные причины, препятствующие реализации этого музейного проекта. Главная из них – финансовая. Проект дорогой и требует постоянного финансирования. Если он будет осуществляться на государственные средства, получится, скорее всего, музей славы русского (псковского) оружия, все остальное, как мне видится, обойдут вниманием.

Но и для частных денег время пока, на мой взгляд, не пришло. Разумеется, я бы хотел, чтобы музей Ганзы появился в Пскове в любом случае. Надо отметить, что в России нет ни одного музея, посвященного абстрактным, умопостигаемым вещам (музей становления демократии им. А. А. Собчака не в счет). Пусть музей Ганзы в Пскове будет первым. Даже если создание музея Ганзы будет приурочено к 700-летию образования в 1348 году Псковской республики, то есть произойдет в 2048 году, это тоже будет отличным результатом.

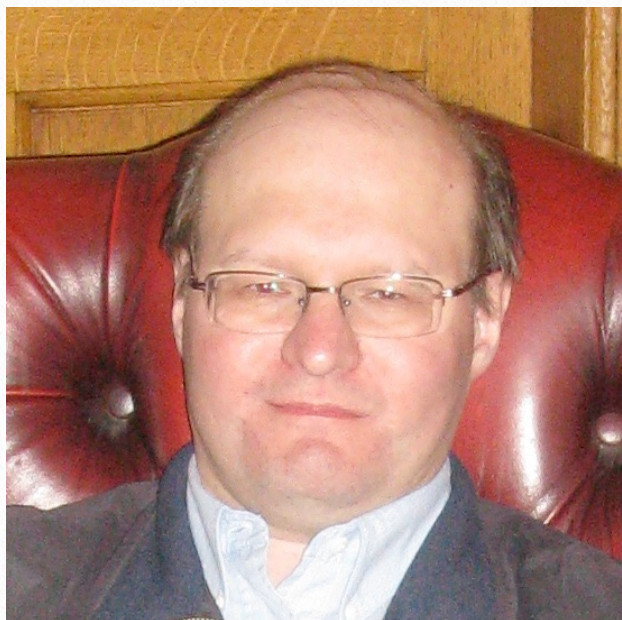
[К содержанию](#)

ВИРТУАЛЬНЫЕ МУЗЕИ

АНАТОЛИЙ МИЛЮКОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Виртуализация музеев: тенденция и практика

*Анатолий Геннадьевич Милюков –
редактор электронного журнала
«Пространство памяти»*

Словосочетание «виртуальный музей» стало сегодня чрезвычайно популярным: многие «нематериальные» культурные проекты для характеристики своей деятельности используют именно это выражение. Поисковый запрос в системе «Яндекс» выдает 35 000 000 результатов, а в системе «Гугл» – свыше

4 000 000 результатов; если произвести географическую сегментацию и выделить только территорию СЗФО, а также указать, что нужны данные только за последний год, то получим соответственно 2 000 000 и свыше 1 000 000 ссылок. Однако даже беглый взгляд на эти ссылки показывает, что очень часто под

определением «виртуальный музей» скрываются совершенно не похожие друг на друга культурные учреждения и что зачастую это определение употребляется, если можно так выразиться, в метафорическом значении.

Прежде чем обратиться к конкретным примерам, зададимся вопросом – а что вообще следует понимать под определением «виртуальный музей»?

Искусствоведы и специалисты музейного дела обыкновенно вкладывают в данное понятие следующее: это либо трехмерное виртуальное моделирование некоего музейного пространства, в котором размещается та или иная оцифрованная экспозиция, либо использование в реальном музейном пространстве объемных проекций и моделей вместо подлинников (когда те по каким-то причинам невозможно экспонировать «вживую»).

Все прочие «нематериальные» культурные проекты, исходя из такой точки зрения, музеями или виртуальными музеями именоваться не могут.

Примерами подобного подхода к виртуализации музейных коллекций могут служить виртуальные филиалы крупнейших художественных музеев Санкт-Петербурга – Эрмитажа и Русского музея.

К слову, технологии дополненной реальности, применяемые для виртуальных филиалов Эрмитажа и Русского музея, вовсе не являются каким-то настолько дорогостоящим инструментом, который доступен исключительно богатейшим музейным организациям.

Сама методика дополнения реальности вполне реализуема в частных проектах и при сравнительно малых расходах: скажем, «фотоокна» С. В. Ларенкова, который создает выразительные коллажи, объединяя современные снимки различных городов с фотографиями прошлых лет, используют тот же принцип и один из его проектов, посвященный Ленинграду–Санкт-Петербургу, может считаться музеем ленинградской блокады в формате книги.

Но вернемся к виртуальным музеям. Если изучить практику употребления словосочетания «виртуальный музей» в публичной сфере, сразу

бросается в глаза то обстоятельство, что подобная точка зрения фактически игнорируется обществом. Виртуальным музеем сегодня называют едва ли не любую тематическую коллекцию оцифрованных изображений, выкладываемую на сайте или в группе в социальной сети.

Главным критерием, по которому производится отличие музея от не-музея, здесь выступает не наличие реального или специально смоделированного с помощью современных компьютерных технологий музейного пространства (или хотя бы интерьера), а сам факт выкладывания в публичный доступ для всех желающих какого-то набора документов и изображений по конкретной теме.

Утрируя: отсканировал несколько страниц школьного дневника и выложил их в сеть на страничке «Моя учеба» – и вот у тебя уже есть виртуальный музей школьной жизни.

Конечно, при такой трактовке само понятие музея окончательно лишается своего первоначального содержания – это уже не специализированное, надлежащим образом оформленное хранилище реальных артефактов, правильно атрибутированных и выставленных для экспонирования в соответствии с некоторым набором принципов и правил.

С другой стороны, рассматривая виртуальные музеи в том широком понимании, о котором идет речь, нельзя не признать, что ряд формальных признаков при их создании соблюден: проведена исследовательская работа (глубину исследования в данном случае учитывать не будем); экспонаты получили то или иное описание; размещаются они в конкретной локации (на сайте или в социальной сети) по тому или иному принципу – и доступны для изучения посетителям.

По сути, единственное отличие таких музеев от настоящих – это экспонирование копий, а не подлинников; посетитель подобного музея лишается возможности непосредственного (пускай через витрину) контакта с историческим оригиналом.

Зато он получает ряд преимуществ: во-первых, не нужно куда-то ехать, чтобы ознакомиться с конкретной коллекцией (если, разумеется, нет цели побывать в том или ином

историческом здании); во-вторых, усилия учредителей таких виртуальных музеев нередко позволяют ввести в публичный оборот те документы и изображения, которые по каким-то причинам ранее были доступны (и то с определенными ограничениями) лишь специалистам.

В этом отношении появление виртуальных музеев в широком понимании можно только приветствовать, и уже не так важно, правомерно или нет какой-либо культурный проект претендует на звание музея; гораздо важнее то, что благодаря этому проекту общество может лучше узнать историю своей страны во всем ее многообразии.

Например, Виртуальный музей новомучеников и исповедников Земли Архангельской (<http://arhisповедniki.ru/>) предлагает посетителям подробнее ознакомиться с историей пострадавших за веру в XX столетии, причем не только людей, но и монастырей. Тематические интерактивные стенды этого музея рисуют печальную картину истребления священников и поругания священных мест, а интерактивная карта позволяет составить представление о масштабах трагедии. В Псковской области создан виртуальный природный гид по региону (<http://naturepskov.ru/>), демонстрирующий ландшафты и красоты Псковщины как экспонаты своего рода природного музея.

В калининградском Музее истории города «Фридландские ворота» гостям предлагают совершить «Виртуальную прогулку по улицам Кенигсберга 1895–1920-х гг.» (<http://fvmuseum.ru>). В Санкт-Петербурге АНО «Путь к Победе» (<https://vk.com/public124305326>; см. также: https://vk.com/pobeda_spb_ru и https://www.youtube.com/watch?v=PLzo1lh_rS8) разрабатывает мультимедийные исторические энциклопедии, которые по своему содержанию и наполнению фактически являются виртуальными музеями.

Примеры можно множить и далее, и из них следует, что технологии виртуализации – в той степени, в которой позволяют средства и навыки, – постепенно распространяются не только в государственных, но и в негосударственных музеях.

В целом гражданская инициатива по созданию виртуальных музеев заслуживает, как представляется, внимания и поддержки – как со стороны профессионального музейного сообщества, так и со стороны тех профильных общественных и государственных структур, деятельность которых связана с развитием музейного дела. Впрочем – возвращаясь к тезису, с которого начиналась статья, – здесь все-таки необходимы критерии, которые позволят более четко определить, что такое виртуальный музей, и установить планку качества.

[К содержанию](#)

МАРИНА МАТВЕЕВА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

МУЛЬТИМЕДИЙНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ КРЕЙСЕРА «АВРОРА»

*Марина Борисовна Матвеева – директор
АНО «Историко-патриотический
информационный центр “Путь к Победе”»*

Когда мы сегодня говорим об исторической реконструкции, то имеем в виду либо восстановление внешнего вида объекта, памятника истории и культуры, либо целенаправленную деятельность отдельных людей или общественных объединений и организаций по восстановлению исторических событий и/или быта, ремесел и пр.,

воссозданию материальной или духовной культуры определенной исторической эпохи и региона на основе исторических и археологических изысканий, музейных и архивных фондов.

Мы занимаемся виртуальной исторической реконструкцией и цифровой исторической реставрацией объектов, тоже на основе

исторических и археологических изысканий, музейных и архивных фондов, но с применением современных информационных технологий, в том числе трехмерного моделирования и анимации.

Примером такой реконструкции может служить мультимедийная энциклопедия «Крейсер I-го ранга «Аврора»», разработанная АНО «Историко-патриотический информационный центр «Путь к Победе»» (Санкт-Петербург).

Как известно, крейсер «Аврора» является одним из важнейших исторических символов не только Санкт-Петербурга–Петрограда–Ленинграда, но и всей России.

Поэтому для нас было принципиально важно показать историю этого корабля точно и достоверно, а применение современных информационных технологий, трехмерной компьютерной графики и анимации делают восприятие информации ярким и эффективным, привлекают внимание и остаются в памяти.

Особенно это актуально для молодого поколения, которое благодаря такому формату подачи материала, интерактивности, становится не просто зрителем, но активным исследователем события или объекта.

Энциклопедия состоит из четырех разделов: это показ крейсера в различные периоды его истории, от момента спуска на воду до постановки на мемориальную стоянку у Петроградской набережной; воспроизведение особенностей конструкции и вооружения корабля; представление экипажа крейсера, согласно боевому расписанию, с которым он участвовал в Цусимском сражении; и, наконец, это биографический раздел – сведения о всех командирах крейсера от спуска на воду до наших дней.

На основе исторических документов и исследований, материалов музейных фондов и архивов, в самом тесном сотрудничестве с Центральным Военно-Морским музеем министерства обороны и его филиалом на крейсере «Аврора», мы воссоздаем облик крейсера «Аврора» – начиная с русско-японской войны 1904–1905 гг. (как известно, «Аврора» участвовала в Цусимском сражении, после которого корабль был интернирован); далее крейсер прошел ремонт и модернизацию, и мы в энциклопедии показываем его внешний вид на период Первой мировой войны и Октябрьской революции в России; далее «Аврора» стала учебным кораблем, а в годы Великой Отечественной войны с нее сняли орудия – они

защищали Ленинград с суши, после войны облик корабля вновь изменился.

В результате музей предлагает своим посетителям наглядное отображение всех этапов истории крейсера, причем, повторюсь, все наши виртуальные реконструкции опираются на соответствующую техническую документацию и сведения из архивов и создаются в сотрудничестве с сотрудниками музея. Мы выражаем нашу благодарность директору филиала ЦВММ на крейсере «Аврора» Николаю Георгиевичу Авраамову, всем его замечательным коллегам за самое позитивное и конструктивное сотрудничество в работе над проектом.

Кроме того, в визуальной форме приводятся сведения об основных технических характеристиках корабля, его вооружении, оборудовании, силовых установках и т.п.

Надеемся, мы совместно с экспертами музея, всем его коллективом, нашими уже теперь большими друзьями, продолжим работу над виртуальной частью экспозиции, и возможно будет воссоздать ряд знаковых событий из истории крейсера, прежде всего, октябрьские события 1917 года и эпизоды Великой Отечественной войны – речь о подвиге батареи «А» на Дудергофских высотах и о действиях бронепоезда «Балтиец», на котором также были установлены орудия с «Авроры».

Сегодня мультимедийная энциклопедия «Крейсер I-го ранга «Аврора»» демонстрируется на мультимедийном столе, установленном в музее крейсера I-го ранга «Аврора», в зале №3. Энциклопедия продолжает дорабатываться и пополняться.

На базе интерактивной энциклопедии созданы экспозиции с использованием технологии виртуальной реальности, позволяющие увидеть крейсер в походном строю 2-й Тихоокеанской эскадры (1904 год) и в период Первой мировой войны (1916 год) в составе сил обороны Рижского залива. Эти экспозиции установлены во флагманской каюте и в ходовой рубке корабля.

Сотрудники музея на борту крейсера «Аврора» постоянно используют мультимедийную энциклопедию, иллюстрируя историю корабля для экскурсантов, приезжающих из самых разных стран (отмечу, что текущая версия энциклопедии использует русский язык, но ее информационно-текстовая часть может быть представлена и на любом другом языке).

Мы гордимся тем, что нам выпала честь – а это именно так – разработать проект для крейсера «Аврора», считаем эту работу одним из самых знаковых для нас проектов.

Мы уже несколько лет работаем над виртуальным интерактивным проектом по истории Великой Отечественной войны «Путь к Победе: 1941–1945», это проект очень масштабный, но некоторые технологии и собственное ноу-хау, освоенные при работе над энциклопедией Великой Отечественной войны,

мы использовали и в проекте для музея на крейсере «Аврора» и убедились в эффективности наших наработок. И, главное, сотрудники музея, посетители, молодежь и подростки, дети своим неподдельным интересом к этой виртуальной экспозиции подтверждают наши ощущения.

В завершение несколько слов о виртуализации музейных пространств. Сегодня выражение «виртуальный музей» можно встретить достаточно часто, но, к сожалению, очень часто под «виртуальностью» понимается и размещение в Интернете фотографий или сканированных копий документов, набранных заново текстов и каких-то, зачастую без надлежащего атрибутирования, видовых видеороликов или панорамных снимков.

С нашей точки зрения, это не вполне соответствует дефиниции «виртуальный музей».

Дело не только и не столько в форматах и уровне компьютерной графики, которая, впрочем, должна быть самого высокого качества, когда речь идет о культурном наследии, не в отсутствии или присутствии трехмерной анимации. Просто любой музей

должен быть источником фактов, в каком бы виде или формате они ни были бы представлены, должен быть источником исторической, культурной достоверности и аутентичности и, что важно, при этом создавать и передавать посетителю ощущение той или иной исторической эпохи.

Это, безусловно, следует учитывать. Будущее музейных пространств, на мой взгляд – и это подтверждается виртуальными галереями и виртуальными турами, которые предлагают удаленным посетителям крупнейшие музеи мира, – все-таки за сочетанием исторически выверенного, основанного на документах и музейных фондах контенте, выполненном с применением высоких информационных технологий, с таким форматом, который должен быть наиболее

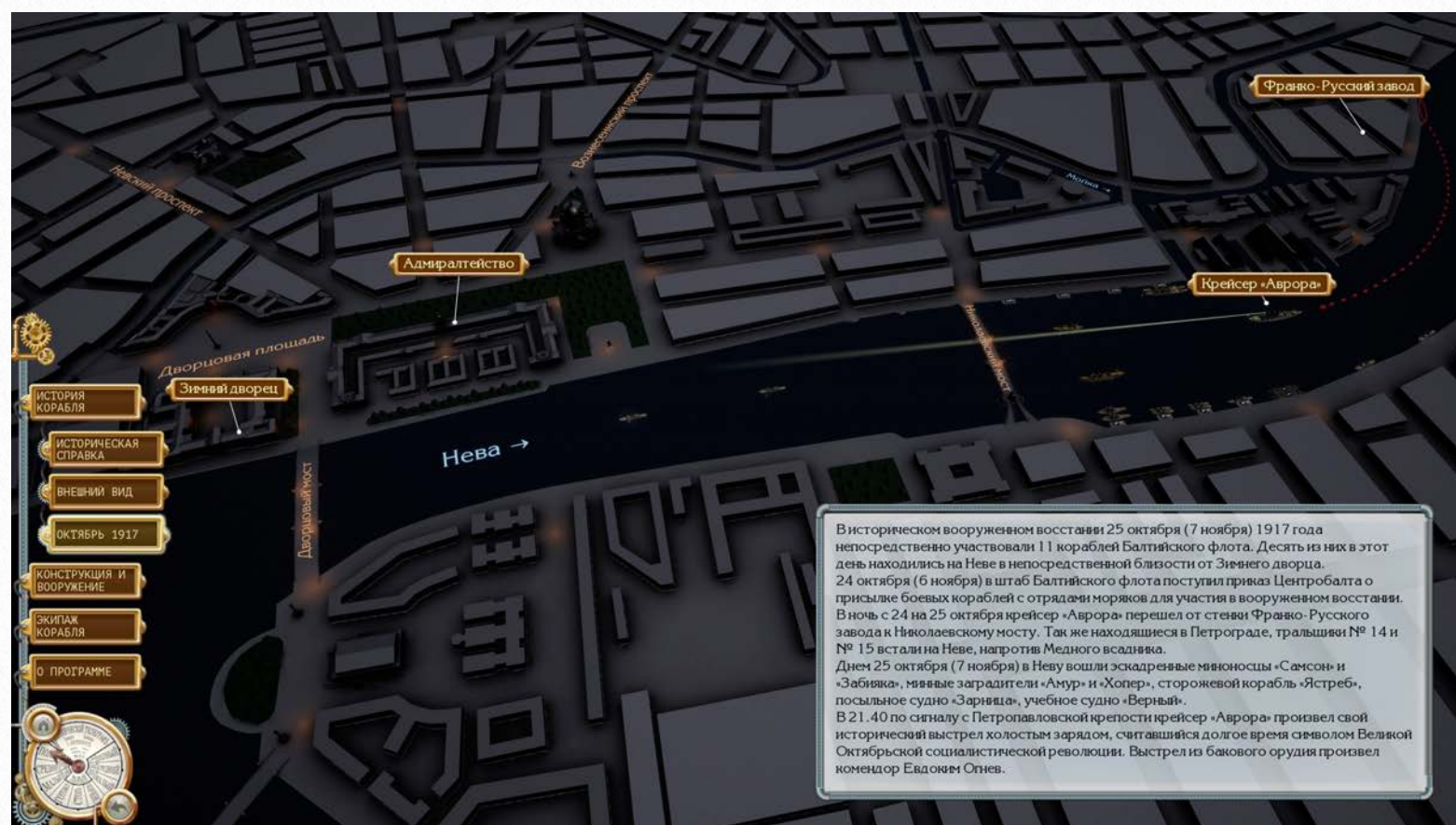
уместен для каждого конкретного проекта.

По нашему опыту могу сказать, что интерактивность, трехмерность контента – это залог того, что молодое поколение, ради которого во многом и сохраняется культурное наследие, с максимальным вниманием и интересом начнет взаимодействовать с объектом, а затем, уже самостоятельно, продолжит погружение в ту или иную тему – в изучение предмета.

Да, та планка, которую задаем мы, тот уровень компьютерной графики, та степень детализации и достоверности виртуального объекта или события, которыми характеризуются наши проекты, высоки, однако то, что мы предлагаем, не является самым дорогим экономическим решением. Как нам удастся совмещать высокое качество и

экономичность наших проектов – это одно из наших важных ноу-хау. Но самое главное, это то, что посетителю виртуального пространства необходимо давать полноценный музейный опыт получения

впечатления, информации и, как в нашем случае, возможность взаимодействия с артефактом. Тогда мы, говоря сегодня о наших проектах, вправе говорить о посещении музея, пусть и в виртуальном формате.

К содержанию

МУЗЕЙНАЯ СРЕДА

ЕЛЕНА МАСТЕНИЦА (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

Музейная профессия: выбор? дар? предназначение?

Елена Николаевна Мастеница – кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры, член Международного комитета музеологии (ИКОФОМ), международного совета музеев ЮНЕСКО (ИКОМ)

Кто такой музейный работник? Каков его статус? Кого можно считать профессионалом музейного дела? Как им стать и можно ли этому научить? Кто он – современный музейщик: историк или культуролог? Искусствовед или психолог? Ученый или популяризатор? Вещевед или обществовед? И нужен ли вообще музею музеолог?

Вопросы эти возникли достаточно давно, но и сегодня вызывают споры, поскольку не имеют однозначного ответа. В обыденном сознании бытует представление, что музей – это, прежде всего, вещи: картины и скульптура, монеты и оружие, костюмы и предметы быта, документы

и фотографии, природные раритеты, иными словами – разнообразные артефакты культуры.

Принято считать, что только дар музейщика, его профессиональные знания вместе с трепетным отношением к прошлому, а также особое музейное отношение к действительности делают вещи символами эпохи и одновременно средством сильнейших впечатлений и воздействия. То есть, если формулировать кратко: нет человека – нет музея.

Достаточно напомнить и необходимо знать, что у истоков российских музеев стояли незаурядные люди. В культурной хронике нашего Отечества всегда будут рядом Петр Великий и Кунсткамера, Екатерина Великая и

Эрмитаж, Иван Шувалов и Музей Императорской Академии художеств, Николай Румянцев и Румянцевский музей, Алексей Уваров и Порецкий музей, Николай Мартьянов и Минусинский музей, Иван Цветаев и Музей изящных искусств, Николай Бартрам и Музей игрушки, Александра Толстая и Ясная Поляна.

Примеры и параллели можно продолжить, но и эти имена подтверждают непреходящее значение человеческого фактора в музейном деле, а также в сфере сохранения, изучения и популяризации культурного наследия.

Важность личностного начала и роль неординарной личности в истории музейного дела являются краеугольным камнем концепции подготовки музейных специалистов, которую осуществляет созданная в 1988 году кафедра музеологии и культурного наследия Санкт-Петербургского государственного института культуры.

Прошло тридцать лет со времени ее открытия, и за это время кафедра подготовила и дала путевку в жизнь тысячам специалистов, многие из которых состоялись как профессионалы в музеях России и за рубежом.

Мир стремительно трансформируется, приходят новые поколения с иными запросами к получению информации, образованию, проведению досуга. Меняться приходится всем, и музеи не исключение.

Как должен развиваться музей, чтобы оставаться центром коммуникации в современном мире? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, какие люди придут в него работать. Следовательно, проблемы содержания и качества подготовки кадров будущих музейных сотрудников как никогда актуальны.

В соответствии с требованиями времени содержание и формы образования приобретают практикоориентированный характер, что отчетливо проявляется в подготовке музеологов на уровне бакалавриата.

Сегодня нашим студентам, которые обучаются по очной и заочной формам по профилям «Проектирование музейных экспозиций и выставок» и «Культурный туризм и экскурсионная деятельность», важно получить

навыки и умения для решения конкретных прикладных задач.

Наряду с традиционным приоритетом формирования человека «знающего», обладающего определенным набором способностей и навыков, мы стараемся формировать человека ответственного, готового к экстремальным ситуациям, ориентирующегося в сложных и кризисных реалиях изменчивого мира, способного к творческим и нестандартным решениям проблем.

Образовательная практика российской высшей школы, переживая сдвиг от квалификационного подхода к компетентностному, еще не накопила достаточного эмпирического материала для осмысления векторов развития гуманитарного образования вообще и подготовки музейного специалиста в частности.

Однако интенсивный процесс становления музеологии как самостоятельной науки в конце XX – начале XXI века, а также почти полувековая история реализации образовательных программ по музеологии в университетах мира и чуть менее продолжительный опыт в России свидетельствуют о возможности и необходимости подготовки музейного профессионала, способного эффективно осуществлять основные направления деятельности как крупного, так и малого музея.

В основе образовательной стратегии подготовки музейных специалистов в Санкт-Петербургском государственном институте культуры лежат неоднократные попытки организации музееведческого образования в нашем вузе, а также тридцатилетний путь, который прошла первая в Санкт-Петербурге кафедра музееведения, которую я имею честь возглавлять.

Мы убеждены, что взаимосвязь музеологического образования с музейной деятельностью обуславливается векторами государственной культурной политики, степенью развития музеологии как науки, а также изменениями самого музейного дела как области социальных, в том числе культурно-образовательных практик.

Крайне важно, на наш взгляд, то, что музеологическое образование, по сути, является культурологическим, то есть направленным на формирование способностей человека к самостоятельному осмыслению фактов, явлений и процессов культуры прошлого и настоящего не только с позиций музеологии и этики узкопрофессиональной музейной среды, но и с позиций целостного восприятия и понимания региональной, национальной и мировой культуры.

Иными словами, музейные профессии позволяют овладеть культурой сквозь призму музейного отношения человека к действительности, в процессе отбора свидетельств прошлого, имеющих общественную ценность, а также постичь смысл и предназначение самого музея как феномена мировой культуры. Такой взгляд позволяет трактовать музейную профессию как дар, которым надо уметь разумно и бережно распорядиться.

Ключевым моментом в подготовке музейного специалиста является междисциплинарный характер музеологии и исторически сложившееся разнообразие профилей, типов и видов музеев, включая государственные, корпоративные и частные.

Расширение границ культурного наследия и связанное с этим изменение морфологии музейного мира диктуют необходимость подготовки в рамках бакалавриата музейного работника, способного выполнять основные виды музейных работ по комплектованию, хранению, экспонированию и презентации культурного наследия в музее, готового повышать свою квалификацию, приобретая новые компетенции в рамках магистратуры и аспирантуры, углублять полученные знания и развивать дополнительные навыки.

Гуманитарное образование по направлению «Музеология и охрана объектов культурного и природного наследия», полученное на профильной кафедре музеологии и культурного наследия в стенах крупнейшего вуза министерства культуры РФ, весьма престижно. Оно направлено на формирование личности, значение которой в создании музеев и модернизации их деятельности весьма велико.

Поэтому представляется необходимым акцентировать внимание не только на знаниях будущими музеологами «Кодекса музейной этики ИКОМ», но и на воспитании специалиста, чьи личностные качества отвечают этическим принципам выполнения сложных профессиональных задач.

В данном контексте особую роль в образовательном процессе играют учебная, производственная и другие виды практик на всех ступенях подготовки музейного специалиста. Именно практики в музеях и учреждениях музейного типа дают возможность знакомства с профессиональной средой, погружения в нее, установления профессиональных контактов и, конечно, закрепления полученных знаний.

В подготовке музейного специалиста невозможно игнорировать усиление позиций информационно-коммуникационных технологий. Однако необходимо понимать, что информационные технологии не только облегчают получение информации, открывают доступ к источникам, но и нивелируют личностное начало.

Следовательно, не столько овладение новейшими компьютерными технологиями, связанными с учетом, хранением и изучением музейных предметов, сколько использование их в эвристических целях, а также индивидуализация заданий музейной направленности представляются крайне важными составляющими учебного процесса.

Обучение музейного специалиста должно учитывать и тенденции современного развития музейного мира и особенности многих конкретных музейных ситуаций, обусловленных разнообразием масштабов российских музеев.

Так, например, если в больших музеях Москвы, Санкт-Петербурга и крупных городов только наблюдается интеграция музейных профессий, ведущих к усилению связи между специалистами, которые осуществляют комплектование, учет и хранение музейных фондов, и работниками, которые реализуют культурно-образовательную деятельность, то в малых музеях, не имеющих многочисленного штата, зачастую разные виды деятельности реализуются одним специалистом-универсалом,

участвующим и в проектировании музейных выставок и в музейно-педагогических программах, обеспечивающих востребованность музея различными категориями посетителей.

Музейные сотрудники, работающие с посетителями, только начинают получать устойчивую профессиональную подготовку. А ведь именно специалист по работе с музейной аудиторией (экскурсовод, музейный педагог или медиатор), демонстрирующий разнообразные музейные коллекции и раскрывающие их ценность, осуществляет интерпретацию культурного наследия, помогая объяснению значимости артефактов культуры и вовлечению пришедшей в музей публики в увлекательный диалог культур.

Цель его деятельности, результатом которой могут быть образовательные программы или арт-проекты, научные публикации или экскурсии, создание видеофильмов и мультимедийных программ, презентации или культурные акции, – это вхождение в мир культуры, осознание отдельной личностью, социальной группой, обществом в целом того, что музей является центром межкультурной коммуникации, а его коллекции служат своеобразными мостами между прошлым, настоящим и будущим, между представителями разных национальностей и религий, между носителями разных языков и культурных традиций.

К содержанию

БОРИС СТОЛЯРОВ (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

«Многие музеи начинались с частных коллекций»

*Борис Андреевич Столяров –
заведующий «Российского центра
музейной педагогики и детского
творчества» Государственного
Русского музея, доктор
педагогических наук, профессор,
заслуженный работник культуры РФ*

Борис Андреевич, что Вы как музейщик-профессионал, думаете о негосударственных музеях?

Если мы обратимся к такому исторически и культурологически устоявшемуся понятию как

«музей», сразу возникает совершенно определенная ассоциация музея с крупным художественным музеем, скажем, с Лувром, Эрмитажем или Русским музеем. Но семья современных музеев весьма обширна – это

профильные краеведческие, отраслевые, народные и даже частные музеи.

Сегодня в борьбе за сохранение культурного наследия роль поисковой и краеведческой работы исключительно велика, ибо ее результатом может быть как историко-художественный, так и обычный предмет, наделенный историческим или этнографическим смыслами.

В этой ситуации он обретает значение подлинника. Ведь музей – это собрание подлинников. И пусть это будет старый хомут, поднос со следами росписи, шкатулка или другие предметы, связанные с историей страны, края или жизни выдающегося человека, – все они материальные свидетельства истории.

Многие знаменитые музеи начинались с частных коллекций, ставших результатом увлеченности отдельных энтузиастов, выросших в профессионалов. Их имена широко известны, а деятельность показательна в смысле трансформации частного увлечения в общественно значимое дело (П. М. Третьяков, С. И. Мамонтов, М. К. Тенишева и др.). Но это было в иную эпоху, а куда сегодня выводит увлечение коллекционированием, какова мотивация нашего современника, собирающего артефакты истории и культуры?

Вам не кажется, что, учитывая печальное положение с сохранением исторического и культурного наследия в глубинке и неудовлетворительную деятельность муниципальных бюджетных учреждений музейного типа, у которых просто-напросто вообще нет денег, именно частные усилия способны изменить ситуацию к лучшему?

Возможно, но при наличии денег и условии грамотного отношения к тому, что мы называем культурным наследием.

К сожалению, действительно среди управленцев разного уровня не так уж много людей, способных привлечь материальные средства хотя бы на консервацию гибнущих исторических и культурных объектов.

Прошедшим летом мне довелось побывать в селе Воышово Порховского района Псковской области. Оно знаменито усадьбой графов Строгановых, от которой остались лишь руины

некогда знаменитого памятника дворцово-паркового ансамбля XVIII–XIX веков с парком в сто гектаров и некогда крупнейшим в Европе конным заводом.

В советское время во дворце работал школа, потом ее закрыли, а незащищенное здание просто разграбили. Минувшим летом дворец был сожжен. В результате пожара, причиной которому стало обычное хулиганство, сгорел весь второй этаж вместе с перекрытиями.

Встает риторический вопрос, куда смотрела администрация Псковской области и муниципальная власть? Ведь речь идет об усадьбе семьи, члены которой свершили немало добрых дел для государства Российского.

Неужели трудно было хотя бы законсервировать здание, прикрепив заодно табличку, гласящую об охране этого памятника истории и архитектуры?

Впрочем, эта табличка не уберегла от разгула культурного беспамятства тысячи аналогичных памятников.

Удивительно, что в размышлениях о том, как поднять патриотический дух подрастающего поколения и в целом граждан огромной страны, власть не думает о том, что забота о сохранении отечественной культуры – такой же патриотизм, как и сражение на поле боя.

Ведь вне культуры нет ни нации, ни государства. И если это будет понятно не только власти и общественности, то появятся и частные инициативы (я не имею виду олигархические поползновения на дворцы столичных городов).

Но если сравнивать такие крупные города, как Санкт-Петербург – или тяготеющую к городу Ленинградскую область, – с Вологодской или Архангельской областями, то можно отметить, что успешно развивающиеся негосударственные музеи в малых городах последних служат делу привлечения туристов.

Не берусь характеризовать состояние рассматриваемого вопроса в названных областях – живу в Петербурге. Но если это действительно так, можно только порадоваться данному обстоятельству.

Но все же мне кажется, что мы говорим о разных вещах. Есть сохранившиеся до наших дней памятники культуры, требующие музеефикации, и здесь нужны меры по их сохранению и последующей музеефикации, за которой следует продуманная маркетинговая стратегия.

Недавно мне довелось побывать в городке Бежаницы Псковской области. Местный музей располагается в сохранившемся со второй половины XIX века барском доме семьи Философовых.

Примечательно, что это учреждение в субботу и воскресенье не работает, и, судя по всему, ни о каком маркетинге здесь говорить не приходится.

А ведь это муниципальное учреждение наверняка курирует местный департамент культуры, который должен заботиться о посещении их городка туристами. И что в этих условиях может сделать частный музей неведомого профиля? О каком привлечении туристов может идти речь?

Вообще о чем мы говорим – о сохранении объектов и коллекций, или о выручке от их амортизации?

Вы упомянули, что в музее должен непременно быть хоть один подлинный артефакт. Но одним из направлений развития музейного дела, не только у нас, но и во всем мире, является, как принято говорить на Западе, «экспериментальная археология»; у нас обычно такие учреждения называют «музеями живой истории». Воссоздается некий исторический объект, не важно, утраченный или существующий поныне, все экспонаты воссоздаются заново. Они не подлинные, но посетитель подобного музея получает возможность взаимодействовать с такими экспонатами и самим объектом напрямую. Что Вы думаете об этой практике?

То, о чем вы говорите, является не более чем аттракционом. Это так называемые «искусственно созданные зоны отдыха» (ИЗО). Они насыщены специально созданными копиями знаменитых архитектурных памятников, иногда на их территории проводятся выставки, но от этого они не становятся музеями. Судя по

всему, речь идет о Диснейленде и его вариантах развлекательного толка.

В наших туристических городах малого масштаба тоже есть псевдомузейные гибриды. Примером тому туристический объект «Мандроги» в Ленинградской области. В этой стилизованной деревне, где все построено в «русском стиле», едва ли не самым привлекательным объектом для туристов является музей водки. На мой взгляд, этот коммерческий объект никакого отношения к музейному делу не имеет.

Грустное ощущение вызывают и этнографические «музеи» туристических городов по берегам Волги. Турист только сошел с корабля на пристань, и его сразу влекут к расположенному здесь же «культурному объекту» музейного типа, где ряженные сотрудницы предлагают полюбоваться аккуратно разложенными в витринах гвоздями, скобами, унылой утварью и плохими фотографиями – скучно и совершенно не интересно.

Эти заезженные формы «предъявления исторической подлинности» лишены креативности и имеют своей целью только одно – выручку. Вряд ли такие «музеи» могут чему-то научить или воспитать любовь к истории. Ведь нередко их интерьеры декорируют синтетическими «бревнами» и макетами деревенских печей, тем самым посетители, среди которых много детей, попадают в фальшивый мир подделок.

Такие частные объекты, окруженные огромным количеством сувениров, никакой историко-культурной ценности не представляют.

Единственным спасением их являются интерактивные зоны, дающие посетителю возможность попробовать себя в ремесле. То есть, под контролем мастера, подойти к кузнечному горну, гончарному кругу и прикоснуться к технологиям традиционных народных ремесел и, почувствовав запах материала, полюбоваться подлинными историческими предметами. Это интересно и остается в памяти, прежде всего у детей, для которых погружение в творческий процесс важнее мира закрытой музейной витрины.

Ориентирован ли на такую возможность частный музей? Ведь независимо от формы собственности, он является культурным образованием, существующим в рамках общественных смыслов, а значит, общественной пользы.

Следование им определяет логику и мотивацию коллекционирования, свидетельством чему является деятельность отечественных и зарубежных коллекционеров, собравших прекрасные коллекции раритетов художественного, исторического и научного толка. Практически все стали либо самостоятельными музеями, либо были переданы более крупным музейным собраниям, среди которых можно назвать Лувр, музей «Метрополитен», Эрмитаж, Русский и другие музеи.

Я хотел бы подчеркнуть тот факт, что коллекция становится музейной только при участии профессиональных специалистов, имеющих большой опыт в музейном деле – таков мировой опыт, иначе мы погрузимся в собирательский хаос.

Сегодня, при всем уважении к людям, которые занимаются подобным делом, следует иметь в виду, что называть музеем случайное собрание разнородных предметов вряд ли можно. Должна быть четкая концепция, определяющая его общественную и воспитательную роль, а также финансовая и имиджевая поддержка, вне которых он останется на уровне домашнего собрания.

На Ваш взгляд, как будет развиваться сотрудничество двух музейных сред – государственной и негосударственной? И будет ли оно развиваться?

Однозначно трудно ответить на этот вопрос. Чаще всего музеи, о которых мы ведем речь, нуждаются в финансовой и административной помощи, а это – предоставление необходимых помещений, оборудования и пр. Что касается методической помощи, то с этим проблем нет.

Я думаю, любой крупный музей будет готов профессионально проконсультировать частный музей в волнующих его вопросах. Но, прежде всего, организаторам такого музея нужно подумать о том, как сделать его значимым с историко-культурной точки зрения и интересным по содержанию – это, при соответствующей оценке специалистов, и будет способствовать приданию частной коллекции статуса музея.

К содержанию

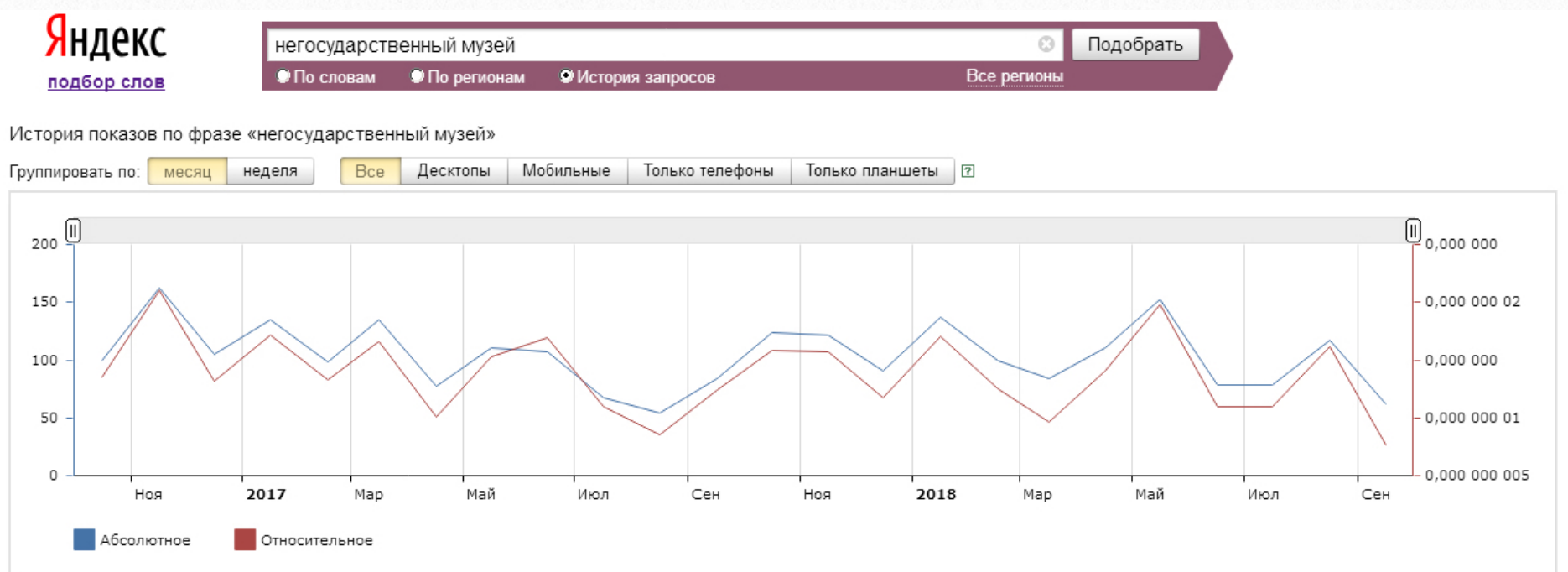

АНАЛИТИКА

Динамика поисковых запросов по релевантным ключевым словам, 2016-2018 гг.

Поисковая система – Яндекс

1. Запрос «негосударственный музей»

Период	Абсолютное	Относительное	Период	Абсолютное	Относительное
01.10.2016 - 31.10.2016	99	0,000 000 013 553	01.10.2017 - 31.10.2017	124	0,000 000 015 795
01.11.2016 - 30.11.2016	162	0,000 000 021 063	01.11.2017 - 30.11.2017	122	0,000 000 015 744
01.12.2016 - 31.12.2016	105	0,000 000 013 178	01.12.2017 - 31.12.2017	91	0,000 000 011 741
01.01.2017 - 31.01.2017	135	0,000 000 017 116	01.01.2018 - 31.01.2018	137	0,000 000 017 038
01.02.2017 - 28.02.2017	98	0,000 000 013 306	01.02.2018 - 28.02.2018	100	0,000 000 012 463
01.03.2017 - 31.03.2017	135	0,000 000 016 622	01.03.2018 - 31.03.2018	84	0,000 000 009 678
01.04.2017 - 30.04.2017	77	0,000 000 010 088	01.04.2018 - 30.04.2018	110	0,000 000 014 095
01.05.2017 - 31.05.2017	110	0,000 000 015 223	01.05.2018 - 31.05.2018	153	0,000 000 019 765
01.06.2017 - 30.06.2017	107	0,000 000 016 927	01.06.2018 - 30.06.2018	78	0,000 000 010 918
01.07.2017 - 31.07.2017	67	0,000 000 010 948	01.07.2018 - 31.07.2018	79	0,000 000 010 977
01.08.2017 - 31.08.2017	54	0,000 000 008 537	01.08.2018 - 31.08.2018	117	0,000 000 016 156
01.09.2017 - 30.09.2017	84	0,000 000 012 367	01.09.2018 - 30.09.2018	62	0,000 000 007 638

2. Запрос «частный музей»

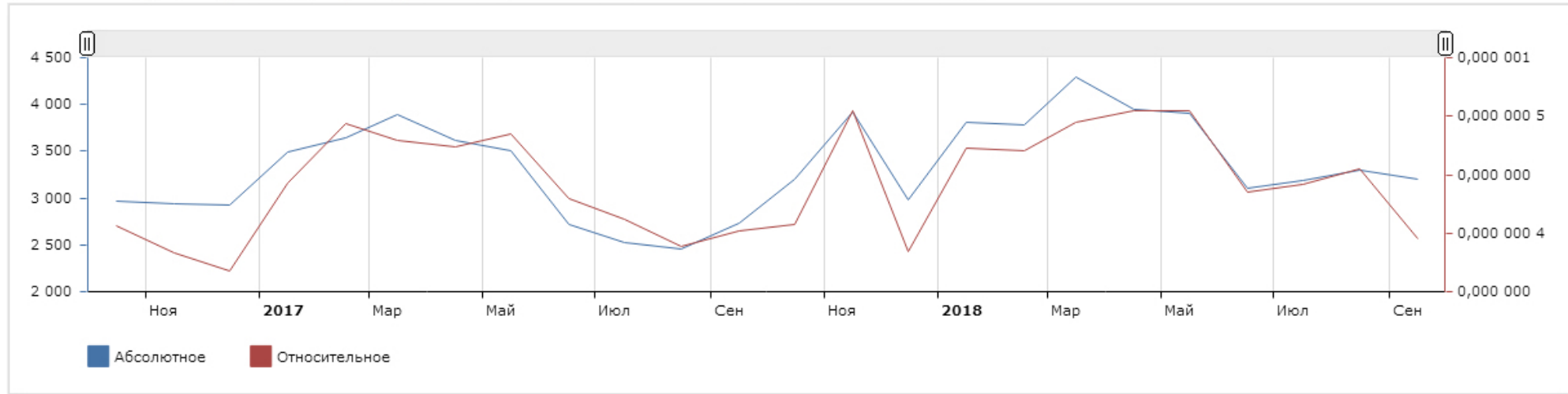

частный музей ✕ Подобрать

По словам
 По регионам
 История запросов
 Все регионы

История показов по фразе «частный музей»

Группировать по: месяц неделя Все Десктопы Мобильные Только телефоны Только планшеты ?

Период	Абсолютное	Относительное ?	Период	Абсолютное	Относительное ?
01.10.2016 - 31.10.2016	2 971	0,000 000 406 732	01.10.2017 - 31.10.2017	3 201	0,000 000 407 746
01.11.2016 - 30.11.2016	2 943	0,000 000 382 650	01.11.2017 - 30.11.2017	3 913	0,000 000 504 976
01.12.2016 - 31.12.2016	2 930	0,000 000 367 741	01.12.2017 - 31.12.2017	2 980	0,000 000 384 479
01.01.2017 - 31.01.2017	3 489	0,000 000 442 364	01.01.2018 - 31.01.2018	3 804	0,000 000 473 082
01.02.2017 - 28.02.2017	3 638	0,000 000 493 942	01.02.2018 - 28.02.2018	3 778	0,000 000 470 835
01.03.2017 - 31.03.2017	3 891	0,000 000 479 093	01.03.2018 - 31.03.2018	4 299	0,000 000 495 296
01.04.2017 - 30.04.2017	3 619	0,000 000 474 137	01.04.2018 - 30.04.2018	3 941	0,000 000 504 999
01.05.2017 - 31.05.2017	3 504	0,000 000 484 928	01.05.2018 - 31.05.2018	3 903	0,000 000 504 191
01.06.2017 - 30.06.2017	2 712	0,000 000 429 023	01.06.2018 - 30.06.2018	3 109	0,000 000 435 195
01.07.2017 - 31.07.2017	2 522	0,000 000 412 091	01.07.2018 - 31.07.2018	3 181	0,000 000 441 984
01.08.2017 - 31.08.2017	2 459	0,000 000 388 749	01.08.2018 - 31.08.2018	3 296	0,000 000 455 142
01.09.2017 - 30.09.2017	2 732	0,000 000 402 215	01.09.2018 - 30.09.2018	3 205	0,000 000 394 816

3. Запрос «народный музей»

народный музей

Подобрать

По словам

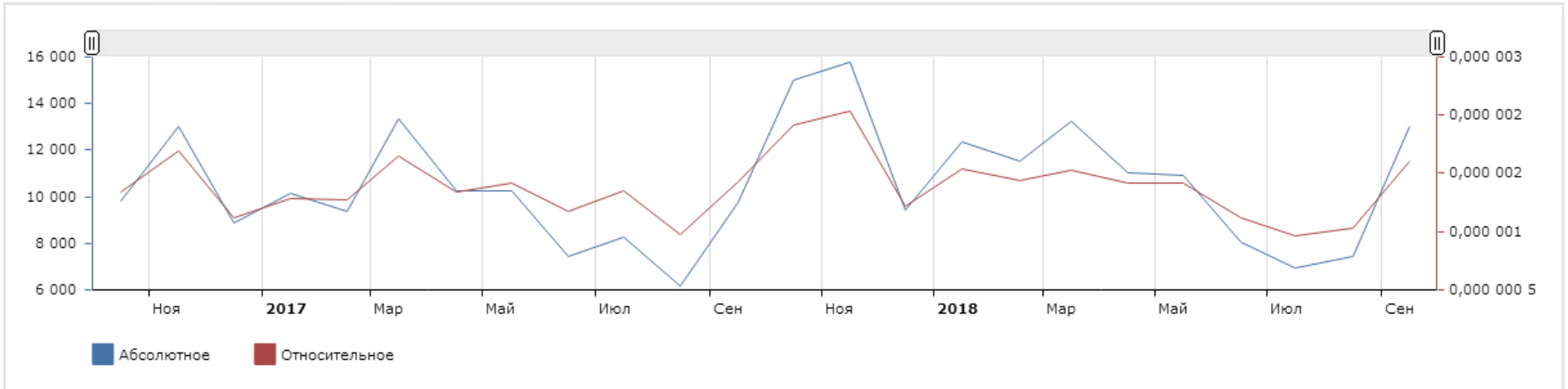
По регионам

История запросов

Все регионы

История показов по фразе «народный музей»

Группировать по: **месяц** неделя **Все** Десктопы Мобильные Только телефоны Только планшеты

Период	Абсолютное	Относительное	Период	Абсолютное	Относительное
01.10.2016 - 31.10.2016	9 802	0,000 001 341 902	01.10.2017 - 31.10.2017	15 026	0,000 001 914 023
01.11.2016 - 30.11.2016	13 024	0,000 001 693 383	01.11.2017 - 30.11.2017	15 752	0,000 002 032 807
01.12.2016 - 31.12.2016	8 870	0,000 001 113 264	01.12.2017 - 31.12.2017	9 444	0,000 001 218 463
01.01.2017 - 31.01.2017	10 157	0,000 001 287 787	01.01.2018 - 31.01.2018	12 374	0,000 001 538 884
01.02.2017 - 28.02.2017	9 344	0,000 001 268 661	01.02.2018 - 28.02.2018	11 529	0,000 001 436 808
01.03.2017 - 31.03.2017	13 354	0,000 001 644 257	01.03.2018 - 31.03.2018	13 216	0,000 001 522 640
01.04.2017 - 30.04.2017	10 240	0,000 001 341 575	01.04.2018 - 30.04.2018	11 042	0,000 001 414 921
01.05.2017 - 31.05.2017	10 258	0,000 001 419 631	01.05.2018 - 31.05.2018	10 929	0,000 001 411 811
01.06.2017 - 30.06.2017	7 440	0,000 001 176 966	01.06.2018 - 30.06.2018	8 029	0,000 001 123 891
01.07.2017 - 31.07.2017	8 239	0,000 001 346 240	01.07.2018 - 31.07.2018	6 962	0,000 000 967 336
01.08.2017 - 31.08.2017	6 185	0,000 000 977 802	01.08.2018 - 31.08.2018	7 424	0,000 001 025 174
01.09.2017 - 30.09.2017	9 730	0,000 001 432 485	01.09.2018 - 30.09.2018	12 993	0,000 001 600 575

4. Запрос «музей живой истории»

музей живой истории

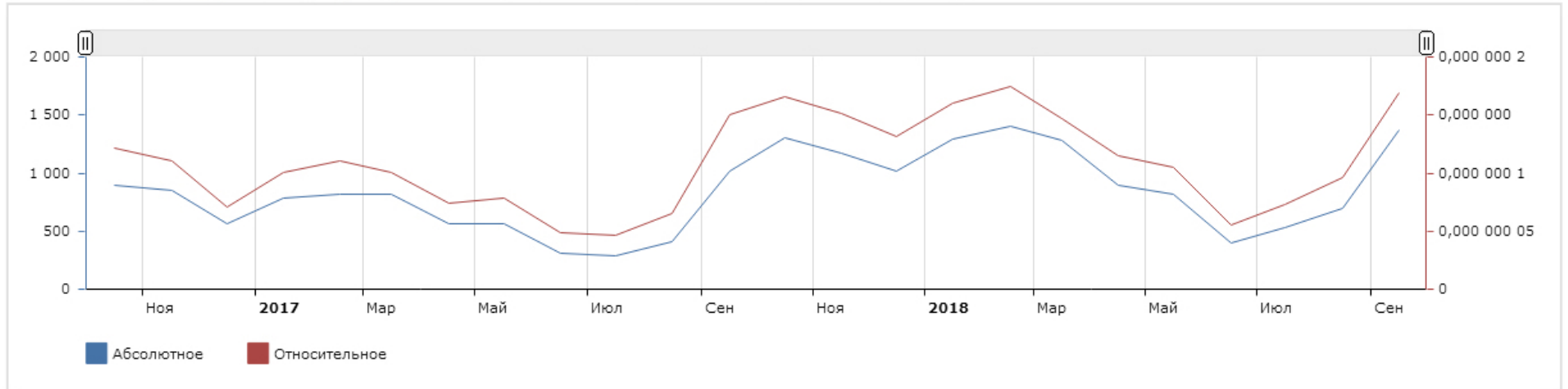
Подобрать

По словам По регионам История запросов

Все регионы

История показов по фразе «музей живой истории»

Группировать по: **месяц** неделя **Все** Десктопы Мобильные Только телефоны Только планшеты

Период	Абсолютное	Относительное ?	Период	Абсолютное	Относительное ?
01.10.2016 - 31.10.2016	890	0,000 000 121 842	01.10.2017 - 31.10.2017	1 300	0,000 000 165 595
01.11.2016 - 30.11.2016	850	0,000 000 110 517	01.11.2017 - 30.11.2017	1 175	0,000 000 151 635
01.12.2016 - 31.12.2016	560	0,000 000 070 285	01.12.2017 - 31.12.2017	1 022	0,000 000 131 858
01.01.2017 - 31.01.2017	789	0,000 000 100 036	01.01.2018 - 31.01.2018	1 291	0,000 000 160 554
01.02.2017 - 28.02.2017	815	0,000 000 110 655	01.02.2018 - 28.02.2018	1 403	0,000 000 174 850
01.03.2017 - 31.03.2017	821	0,000 000 101 088	01.03.2018 - 31.03.2018	1 277	0,000 000 147 126
01.04.2017 - 30.04.2017	565	0,000 000 074 022	01.04.2018 - 30.04.2018	896	0,000 000 114 813
01.05.2017 - 31.05.2017	568	0,000 000 078 607	01.05.2018 - 31.05.2018	816	0,000 000 105 411
01.06.2017 - 30.06.2017	308	0,000 000 048 724	01.06.2018 - 30.06.2018	396	0,000 000 055 432
01.07.2017 - 31.07.2017	283	0,000 000 046 242	01.07.2018 - 31.07.2018	526	0,000 000 073 085
01.08.2017 - 31.08.2017	410	0,000 000 064 818	01.08.2018 - 31.08.2018	694	0,000 000 095 834
01.09.2017 - 30.09.2017	1 018	0,000 000 149 874	01.09.2018 - 30.09.2018	1 368	0,000 000 168 520

КОММЕНТАРИЙ

Обращает на себя внимание постепенная «конкретизация» поисковых запросов – если количество запросов общего свойства сокращается, то количество конкретных запросов (например, «музей живой истории») стабильно возрастает. Можно предположить, что налицо повышение популярности таких музеев – и что пользователь все чаще ищет в Интернете не частные музеи вообще, а какие-либо конкретные частные музеи (из чего логично сделать вывод, что известность таких музеев мало-помалу увеличивается).

Статистика поисковых запросов по релевантным ключевым словам

Поисковая система - Яндекс
Период - октябрь 2018 г.

1. Запрос «негосударственный музей»

Фраза	Показы в месяц
Негосударственный музей	113

2. Запрос «частный музей»

Фраза	Показы в месяц
Частный музей	3902
Частный музей истории	168
Частный музей техники	142
Частные музеи Петербурга	175
Открыть частный музей (в нескольких вариантах формулировки)	108

3. Запрос «народный музей»

Фраза	Показы в месяц
Народный музей	15 056
Музей народной культуры / быта	2255
Русский народный музей	666
Музей народной истории / ремесла	998

4. Запрос « музей живой истории»

Фраза	Показы в месяц
Музей живая история	1674
Музей живой истории россия	25

Примечание.

Здесь большинство запросов связаны с московским музеем приключений «Живая история»

КОММЕНТАРИЙ

Общее количество ежемесячных показов по запросам «негосударственный музей» и «частный музей» составляет около 4000 показов. Обращает на себя внимание категория запросов «открыть музей» (в разных формулировках); ее присутствие в статистике поисковой системы показывает общественный интерес к этой тематике. Запрос «народный музей» во многих случаях оказывается нерелевантным, поскольку подразумевает музеи традиционной культуры, а не форму собственности. Необходимо отметить, что в «подсказках» поисковой системы для каждого из этих запросов неизменно фигурирует словосочетание «интересный музей» (более 17 000 показов в месяц).

Географическое распределение поисковых запросов по релевантным ключевым словам

Поисковая система – Яндекс
Период – октябрь 2018 г.

1. Запрос «негосударственный музей»

Регион	Показы в месяц
СЗФО	19
Санкт-Петербург и Ленинградская область	8
Республика Коми	2
Калининградская область	5
Псковская область	4

2. Запрос «частный музей»

Регион	Показы в месяц
СЗФО	717
Санкт-Петербург и Ленинградская область	487
Республика Коми	61
Калининградская область	37
Псковская область	49
Архангельская область	26
Вологодская область	23
Республика Карелия	14
Новгородская область	12
Мурманская область	8

3. Запрос «народный музей»

Регион	Показы в месяц
СЗФО	1077
Санкт-Петербург и Ленинградская область	618
Республика Коми	42
Калининградская область	26
Псковская область	89
Архангельская область	121
Вологодская область	100
Республика Карелия	25
Новгородская область	22
Мурманская область	33

4. Запрос «музей живой истории»

Регион	Показы в месяц
СЗФО	53
Санкт-Петербург и Ленинградская область	43
Калининградская область	3
Архангельская область	26
Республика Карелия	4

КОММЕНТАРИЙ

Представляется логичным, что наибольший интерес к негосударственным музеям, если опираться на эту статистику, проявляют Санкт-Петербург и Ленинградская область, здесь больше, чем в других регионах СЗФО, культурных объектов и шире, следовательно, возможности их использования, да и статус «культурной столицы» побуждает деятельно интересоваться музейной тематикой. Также нельзя не отметить достаточно высокие – относительно прочих регионов – показатели Архангельской и Вологодской областей, где негосударственные музеи развиваются довольно активно.

Частные музеи СЗФО в рейтинге лучших музеев поискового сервиса для путешественников TRIPADVISOR

Период – октябрь 2018 г.

В каждом регионе – свой перечень объектов и свой рейтинг

Музей	Регион	Место в рейтинге
Музей теней	Санкт-Петербург	3 из 476
Музей Фаберже	Санкт-Петербург	8 из 476
Военный музей Карельского перешейка	Ленинградская область	7 из 63
Музей мастеров Шевелевых	Архангельская область	18 из 49
Музей-квартира «Альтес-хаус»	Калининградская область	2 из 64
Музей черепов и скелетов	Калининградская область	9 из 64
Музей под открытым небом «Тоня Тетрина»	Мурманская область	7 из 25
Центр музыкальных древностей	Новгородская область	1 из 42
Музей-усадьба средневекового рушанина	Новгородская область	10 из 42
Музей «Медовый хуторок»	Псковская область	8 из 39
Частная галерея «Дом Куклы»	Республика Карелия	7 из 36

КОММЕНТАРИЙ

Рейтинги сервиса TripAdvisor составляются по отзывам путешественников, поэтому не вызывает удивления, например, отсутствие в рейтинге Псковской области музея Ледового побоища – в этот музей не так-то просто добраться даже летом, поэтому его никак не назовешь массово посещаемым, в отличие от многих других. Показательна высокая конкуренция, которую негосударственные музеи составляют государственным во многих регионах СЗФО (конечно, эти рейтинги субъективны, как и любые другие, но общая тенденция роста спроса на «интересные» музеи не подлежит сомнению).